

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

въ 12-ти томахъ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями
проф. А. С. Архангельскаго.

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

XI.

- Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
<http://1902.in.org.pl>

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОМНЕННЫХ
В. И. ЖУКОВСКОГО

1845—1850.

ОТРЫВКИ.

I. ХРИСТИАНСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

ИСТИНА.

Когда мы говоримъ: *положительная истина*, всегда долженъ быть подразумѣваемъ подъ словомъ *истина* ея источникъ—*Богъ*. Найди Его, и все найдешь, и все узнаешь. Но Бога даетъ одно откровеніе; умоумъ человѣкъ можетъ дойти только до убѣжденія, что умъ не даетъ ему полного убѣжденія. Всякая философія, ведущая насъ къ истинѣ, должна начинаться съ вѣры въ Бога, и эта вѣра должна быть первымъ звеномъ нашей умственной цѣпи.

Бытіе Бога не можетъ быть доказано. Богъ существовать не потому, что нашъ умъ Его постигъ и своими доказательствами убѣдилъ насъ въ Его существованіи; нѣтъ, но умъ нашъ стремится Его постигнуть и доказать Его бытіе потому, что Онъ существуетъ. Богъ *есть* [и Богъ откровенный]—это должно быть передовымъ положеніемъ, точною отбитіемъ всякаго философическаго уметвованія. Безъ врожденнаго, то-есть безъ откровеннаго понятія о бытіи, другими словами, безъ вѣры въ бытіе [а Богъ есть бытіе, есть *сый*, то-есть, бытіе самобытное, самовѣдующее] нѣтъ возможности составить ни о чемъ никакого и самопростѣйшаго понятія. Скажу болѣе: намъ не только не можно, но и не нужно, и даже не должно искать такихъ доказательствъ бытія Божія, какими убѣждаемся мы во всякой другой доступной разуму исти-

нѣ: необъятность полной идеи Бога не можетъ втѣсниться въ нашу человѣческую мысль, въ наше человѣческое слово; и наши усилія заключить ее въ эти предѣлы необходимо должны ее исказить и запутать. Человѣкъ, взятый отдѣльно, ищетъ доказательствъ, часто сомнѣвается, иногда отвергаетъ; по родъ человѣческой, взятый вмѣстѣ, вѣритъ: доказательство, что эта вѣра дана *всѣмъ*, а не приобретена *каждымъ*. Родъ человѣческой никогда не достигъ бы до вѣры въ Бога работою ума своего; Богъ самъ сказался человѣку. Доказательства, извлекаемыя изъ чистаго ума, все допускаютъ возраженіе и сомнѣніе, которыхъ мы ничѣмъ опровергнуть не можемъ. Непостижимость Бога есть сильнѣйшее доказательство бытія Его: высшая идея, какую только человѣкъ имѣть можетъ, должна принадлежать высшему свойству души человѣческой, не уму, а вѣрѣ.

Никто не можетъ сказать, когда началась на землѣ вѣра въ Бога; не было человѣка, который, по прошествіи многихъ временъ богонезнанія, вдругъ открылъ, что Богъ существуетъ, и, явись передъ людьми, философически доказалъ имъ Его бытіе. Вѣра въ Бога есть преданіе, переходящее отъ отца къ сыну, полученное непосредственно первымъ сыномъ отъ перваго Отца, то-есть перво-зданнымъ человѣкомъ отъ самого Создателя. Грѣхонападеніе окружило это преданіе своимъ мракомъ; изъ очевидности оно перешло въ область откровенія, отъ ума къ вѣрѣ. Умъ усиливается человѣчески доказатъ то, что въ немъ божественно послезано откровеніемъ и что свободно

принято вѣрою; и въ этихъ-то уснѣяхъ извлечь прямо изъ себя, облечь въ слово и опредѣлить выраженіемъ то, что живъ всего этого, ясно и очевидно и что становится запутаннымъ отъ нашихъ безъуснѣшныхъ толкованій, заключается источникъ всѣхъ нашихъ умственныхъ заблужденій, сомнѣній и невѣрія. Изъ нашего безсилія схватить умомъ необъятное и выразить словомъ невыразимое, мы выводимъ невозможность его существованія, тогда какъ есть самое существованіе сего бѣдительнобѣйшее доказательство самобытности сего существованія: здѣсь то, что есть неостижимость для ума, есть очевидность для вѣры.

ВѢРА.

Нѣмецкое слово *glauben* полнѣйшимъ образомъ выражаетъ понятіе христіанской вѣры; съ нимъ рядомъ стоитъ русское слово *вѣра*. *Glauben, geloben, върять, свѣряться*. Разница между сими словами та, что въ нѣмецкомъ *glauben* происходитъ отъ *geloben*; а въ русскомъ наоборотъ, *върять* происходитъ отъ *вѣро*. Итакъ, и въ самой вѣрѣ, высочайшемъ актѣ души человѣческой, есть двѣ стороны: одна, такъ сказать, матеріальная, основная, первообразная, другая духовная, производная. [Всѣ сіи слова употребляются только для того, чтобы объяснить понятіе вѣры: на самомъ дѣлѣ этого, разумѣется, быть не можетъ. Вѣра есть состояніе нашей души; она недѣлима, какъ сама душа]. Во-первыхъ, вѣра есть произвольное принятіе истины, безъ помощи очевидности, покоривъ разсудокъ свидѣтельству откровенія; во-вторыхъ, вѣра есть произвольное преданіе самого себя, то-есть совершенное покореніе самой своей воли волѣ Того, чьему откровенію эта воля уже покорилась разсудокъ. Если въ человѣкѣ совершились оба акта вѣры, если онъ, *повѣривъ, предалъ* себя въ полицію волю того, кому повѣрилъ, если онъ *отрываетъ* и *върывается*, то эта вѣра его есть вѣра живая; она выражается не одною мыслію, но и дѣломъ, или правильнѣе дѣла еѣ

нею неразлучны [дѣла, часто невидимыя человѣку, но явныя предъ всевидящимъ Богомъ]. Если одинъ только первый актъ [последній не можетъ быть безъ перваго] вѣры произошелъ въ душѣ нашей, то эта вѣра не живая, не дѣятельная, она не спасаетъ души, и въ такомъ случаѣ слова апостола справедливы: вѣра безъ дѣла мертва есть. Но и дѣла безъ вѣры мертвы суть. Дѣла безъ вѣры составляютъ что-то несвязное, нецѣлое, не имѣющее образа. Дѣла благія, при самомъ благодѣтельномъ ихъ дѣйствіи на душу, все оставляютъ ее въ томъ состояніи несовершенства, въ какомъ она находится, состоя подъ закономъ, то-есть будучи неспособною удовлетворить вполнѣ закону, слѣдовательно навсегда отдаленною отъ Бога своимъ грѣховнымъ несовершенствомъ. Вѣра полная [оба акта ея] не даетъ сего совершенства; но она открываетъ дверь благодати, а благодать совершаетъ душу, даруя ей [проникнутой вѣрою и ею приготовленной для принятія даянія свыше] все то, чего сама собою не можетъ она пріобрѣсти по своему безсилію: благодать строитъ мостъ черезъ бездну, которою отдѣлена вѣрующая душа отъ Бога. Сія благодать существуетъ только для искупленнаго Спасителемъ; искупленіе совершилось для всѣхъ, но оно только дверь отворенная; кто войдетъ въ дверь, тотъ приять, тотъ спасенъ; но онъ приводится къ этой отворенной двери одною вѣрою; на порогъ ея благодать, призванная покаянiемъ, спускаетъ съ него все, что помѣшало бы его вступленію и что составляетъ его человѣческую, земную ношу. Въ двухъ словахъ: безъ вѣры во Христа нѣтъ спасенія; но вѣра сія не одно признаніе Спасителя, но въ то же время и преданіе себя Спасителю, или эмпреніе разсудка и воли и ихъ уничтоженіе предъ высшимъ разумомъ и высшею волею.

Дѣла безъ вѣры, вѣра безъ дѣла — мертвы суть. И то и другое одна и та же истина для христіанина. Но сколько въ

міръ нехристіанъ по незнанію христіанства было, есть и долго еще будетъ! Какъ для нихъ? Можно раздѣлить дѣла на категоріи: низшая степенъ — благія дѣла *произвольно* отрицающаго вѣру; потомъ — благія дѣла не имѣющаго вѣры, по *желанію* имѣть ее; далѣе — благія дѣла язычника, имѣющаго вѣру ложную; наконецъ благія дѣла *вѣрующаго* во Христа. Какъ человѣку рѣшить, что одинъ только послѣдній спасется, а другіе все погибнутъ? У всехъ одинъ верховный судія, Богъ и Христосъ Спаситель. Намъ не извѣстенъ, намъ не можетъ быть и постигнуть судъ Божій. Мы знаемъ навѣрное одну только судьбу христіанина. Въ то же время мы можемъ знать ясно, что изъ всехъ, творящихъ благое, самый ближайшій къ источнику блага, то-есть къ Богу, есть вѣрующій христіанинъ. А что такое спасеніе? Совершеніе Бога въ вѣчности.

Иначе нельзя повѣрить, какъ произвольно, то-есть не по убѣжденію, а по добровольному принятію. Но не всякой вѣрить, кто желаетъ вѣрить. Вѣра, высочайшій актъ человѣческой свободы, есть въ то же время и высшій даръ Божіей благодати. Мы принимаемъ откровеніе, покоряя ему разсудокъ: наша вѣра есть слѣдствіе сего добровольнаго покоренія разсудка; она въ то же время любовь къ Тому, Кто даетъ откровеніе. Если, напротивъ, вмѣсто того, чтобы ему покорить разсудокъ, и его самого подчиню допросамъ разсудка, и потому только повѣрю откровенію [или, точнѣе сказать, приму откровеніе], что буду убѣжденъ въ его истинѣ, то буду имѣть не вѣру, а только убѣжденіе. Что очевидно, то не требуетъ вѣры. Очевидность есть, такъ сказать, непосредственное знаніе. Аксіомы суть выраженія очевиднаго. Мы не говоримъ: я вѣрю, что часть меньше цѣлаго. Въ понятіи: я *вѣрю* заключается и понятіе: я *хочу вѣрить*. Вѣра свободна. Я говорю: *часть меньше цѣлаго*, не потому, что я произвольно это принимаю, а потому, что я этого не могу

не принять умомъ моимъ. Умъ есть рабъ очевидности. Вѣра есть свободное покореніе ума и воли откровенію.

Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте. Въ этомъ словѣ всевозможныя утѣшенія, данныя напередъ человѣку на все бѣды житейскія. Сперва вѣруй, потомъ уже сердце твое будетъ тихо и мирно само собою. Изъ сердечныхъ смущеній истекаетъ вѣра, изъ вѣры истекаетъ миръ. Но какъ пріобрѣсть вѣру? Умомъ я убѣжденъ, что вѣра есть вѣнецъ души человѣческой, ея прямой путь къ Богу; вѣра — мать любви; любовь — возможное совершенство души человѣческой. Но какъ дать себѣ эту вѣру? Какъ дойти до того, чтобы она была все, во всемъ и всегда? Если сердце сухо, какъ русло ручья изсякшаго, если оно холодно, какъ желѣзо, и нечувствительно, какъ камень — кто оживить его для вѣры? Наша воля не имѣетъ этого всемогущества. Вѣра есть ея неподвластное событіе во внутренности души нашей.

Тамъ нѣтъ вѣры, гдѣ есть очевидность или умственное убѣжденіе. Мы не властны не вѣрить тому, что очевидно для чувства или для ума, какъ что умъ, въ слѣдствіе своихъ узаконенныхъ природою дѣйствій, долженъ необходимо принять убѣжденіемъ. Вѣра есть свободный актъ воли; но въ то же время никакая человѣческая воля безъ содѣйствія воли высшей не можетъ ввести въ душу вѣру, сколь бы душа того ни желала. Воля открываетъ или запираетъ душу для вѣры. *Разсуждая*, мы приводимъ, повиная законамъ логическимъ, идеи въ порядокъ, идемъ нѣкоторымъ опредѣленнымъ путемъ къ нѣкоторому опредѣленному пункту; искомый пунктъ необходимо находится на концѣ нашего пути: онъ есть или *да* или *нѣтъ* или *нельзя*. Эта операція ума вся *внутренняя*. Для вѣры нужно нѣчто *внѣшнее*. *Разсуждая*, мы произвольно дѣйствуемъ

умомъ, по по нѣкоторымъ необходимымъ, сму предначертаннымъ, законамъ. *Вѣруя*, мы принимаемъ произвольно откровеніе. Чего нѣтъ въ насъ, то мы безусловно получаемъ извнѣ отъ другаго, отъ посредника. Минуты такой вѣры ветрѣчаются въ обыкновенной жизни. Но та вѣра, о которой здѣсь говорится, принадлежитъ только религіи христіанской. Я вѣрю во Христа—значить я произвольно покоряю свой умъ откровенію, которое дастъ мнѣ Христа, не стараясь и не имѣя нужды убѣдить мой умъ въ Его существованіи. И сіе самоотверженіе воли и ума замѣняется для меня убѣжденіе, истекающее изъ очевидности, убѣжденіе, которое само по себѣ есть нѣчто произвольное, необходимое, хотя и имѣетъ по паружности характеръ произвольности и свободы.

Умъ обрабатываетъ жизнь въ границахъ здѣшняго міра; свои понятія о вышемъ строятъ онъ изъ матеріаловъ низшаго. Вѣра отверзаетъ намъ дверь въ вышній міръ непосредственно. Ее производить откровеніе. Откровеніе есть голое съ того свѣта.

То, что мы называемъ *вѣрою* въ обыкновенномъ, низшемъ смыслѣ, есть произвольное дѣйствіе души, принимающей что бы то ни было *безъ* убѣжденія или *до* убѣжденія разсудка. Само по себѣ разумѣется, что между моею душою и тѣмъ, что она принимаетъ, долженъ быть посредникъ, предлагающій ей принятіе: ибо я вѣрю не себѣ, а вѣрю тому, кто меня увѣряетъ. Сія вѣра въ низшемъ смыслѣ можетъ быть подчинена перепосу ея приговоромъ предъ судъ разсудка. Она не есть для насъ обязательная вѣра: она ограничена предметами, заключающимися въ предѣлахъ житейскаго, гдѣ все должно быть подчинено разуму, земному путеводителю въ земныхъ отношеніяхъ. Вѣра въ *вышемъ* смыслѣ есть вѣра въ Бога посредствомъ Христа. Эта вѣра есть верховное дѣйствіе нашей свободы. Она для

всѣхъ обязательна, но мы ее принимаемъ произвольно, мимо разсудка, который передъ нею смиряется, не повѣряетъ ее, не доказываетъ ея откровенія, а только согласно съ своимъ назначеніемъ приспосабливаетъ къ ней все земное, его управленію подчиненное. Посредникъ здѣсь между Богомъ и душою челоуѣка есть Христосъ Спаситель, самъ Богъ, по воплощеніи могущій явиться лицомъ къ лицу душѣ челоуѣческой, а по божеству могущій соединить съ нею невидимаго, ей *одной* недоступнаго Бога. Не развивая далѣе сего общаго понятія о вѣрѣ [которая не иное что есть, какъ исключительно вѣра христіанская], скажу только, что намъ, невидавшимъ глазами Христа, Онъ представляется въ св. писаніи; въ Новомъ Заветѣ Онъ Самъ; съ Ветхаго Завета событія, предвозвѣщающія Его пришествіе. Вѣру въ св. писаніе утверждаетъ въ насъ существующая со временемъ Спасителя церковь. Церковь говоритъ намъ: въ сихъ книгахъ ваше спасеніе; что въ нихъ писано, то было и будетъ; вѣрите имъ безпрекословно. Итакъ, наша вѣра во Христа основана на нашей вѣрѣ въ говорящую о Немъ церковь; сперва надобно покориться церкви, чтобъ узнать Христа и въ Него увѣровать. Итакъ, первый актъ произвольный нашей воли есть сія покорность церкви, которой ученіе относительно Христа Спасителя и писаній, о Немъ возвѣщающихъ, должны быть для насъ непреложны. Какъ мнѣ церковь на своихъ соборахъ повелѣла принимать то, что заключается въ святомъ писаніи и какой символъ вѣры изъ него истекаетъ, то для меня и остается непорушимымъ. Главное дѣло церкви совершено; предѣлы веѣ начертаны; теперь она только сохраняетъ его созданное; богослуженіемъ оживляетъ память искушенія; проповѣдью толкуетъ слово святаго писанія и вводитъ его въ дѣятельную жизнь; таинствами освящаетъ главные акты нашей временной жизни—рожденіе, бракъ, покаяніе, смерть. Здѣсь ясно означаются и границы самой вѣры—церковь не есть Христосъ, а вожьдъ

и путь ко Христу. Я вѣрю въ церковь, я вѣрю въ нее, какъ въ средство, дающее мнѣ вѣру въ Христа, а не она предметъ моей вѣры. Слѣдовательно, вѣра ограничивается Христомъ и писаніемъ, о Немъ говорящимъ. Здѣсь вѣра безусловна, разсудокъ ей покоряется, вѣра владычествуе! Но все, что переходитъ за сію границу, перестаетъ быть предметомъ вѣры и входитъ уже подъ владычество разсудка. Писанія св. отцовъ не стоятъ для меня наравнѣ съ святымъ писаніемъ; благоговѣя предъ высокимъ духомъ писателей, я принимаю ихъ мысли и поученія сердцемъ, готовымъ вѣрить, но не запрещаю разсудку повѣрить ихъ человѣческое слово, и это не только не запрещается, но есть обязанность священная, ибо разсудокъ намъ данъ для владычества надъ всѣмъ земнымъ и для смиренія нашего передъ небеснымъ. Но небесное на землѣ заключается все во Христѣ и св. писаніи: передъ Нимъ разсудокъ смиряется; все остальное подлежитъ ему; безъ разсудка нѣтъ воли; онъ ея свѣтильникъ; безъ разсудка и воли не можетъ быть смиренія: разсудокъ понимаетъ, но онъ же видитъ и свою неспособность понимать то, что подлежитъ одной вѣрѣ, и необходимость смиренія; воля рѣшаетъ: смириться или нѣтъ; она произноситъ свой приговоръ^м не иначе, какъ будучи прежде просвѣщена тѣмъ же разсудкомъ, который послѣ долженъ покориться ея приговору. Итакъ, самое вѣрное правило для насъ, дабы не впасть въ величайшее заблужденіе и изъ святой религіи Христовой не сдѣлать для себя фанатизма факировъ и шамановъ, самое вѣрное правило есть: сперва *безусловное принятіе струю* всего, что заключается въ св. писаніи и что намъ передала церковь, утвердившая все на своихъ сообрахъ, короче—вѣра въ Христа; потомъ *свободное дѣйствіе разсудка во всемъ*, что выходитъ за сію границу, но дѣйствіе разсудка въ смыслѣ вѣры, то-есть введеніе разсудкомъ въ практическую земную жизнь того небеснаго, что вѣра

приняла отъ Христа Спасителя, искупившаго душу человѣческую своимъ воплощеніемъ и оставившаго ей въ писаніи свидѣтельство о семъ искупленіи. Итакъ, все, что *поставила* церковь на краеугольномъ камнѣ Христа и Его ученія, есть для меня предметъ безусловно смиренной вѣры; то же, что церковь утверждаетъ на основаніи частныхъ обстоятельствъ, на требованіяхъ времени или мѣста, то для меня есть только предметъ уваженія и покорности, но здѣсь разсудокъ свободенъ дѣйствовать, ибо здѣсь все входитъ въ его область.

ПРОМЫСЛЬ.

Я читалъ въ Journal des Débats описаніе несчастія, случившагося съ ребенкомъ. Онъ прыгалъ съ конны сѣна; внизу въ сѣнѣ торчали вилы; ребенокъ ихъ не замѣтилъ, прыгнулъ и наткнулся на вилы, которыя прокололи ему внутренность. Спасти его было нельзя, ибо зубца вилъ нельзя было вынуть изъ тѣла, онъ былъ зубецъ съ заворотомъ на подобіе острія удочки; ребенокъ былъ долженъ умереть въ жесточайшемъ мученіи. Какъ изъяснить это ужасное событіе въ смыслѣ Провидѣнія? Для ребенка оно положительное зло, безъ всякихъ благихъ послѣдствій: онъ долженъ былъ протраждать нѣсколько часовъ, а можетъ быть, и нѣсколько дней, и все тутъ; и жизнь его, не развитая ничѣмъ человѣческимъ, кончилась вдругъ страдальческимъ перерывомъ. Какъ согласить это съ мыслию, что бѣды житейскія должны быть намъ въ пользу? Кому здѣсь польза отъ сего страшнаго мученія, обратившаго минуты въ годы и постигнаго душу, не имѣющую ни силъ для его перенесенія, ни способности для извлеченія изъ него высокой нравственной пользы? Гдѣ же благодѣя Промысла? Можно ли обрѣсти ея въ этомъ страданіи, посланномъ безъ видимой цѣли и пользы, и надшемъ на созданіе непорочное, безсильное, не приготовленное ни спасти его, ни благословлять въ немъ того, къмъ оно послано? Отвѣтъ на все

это простой. Мы должны не по событіямъ судить Промыслъ Божій, а событія по Промыслу Божію. Въ однихъ Онъ намъ является во всей своей благодсти, въ другихъ мы не видимъ своими слѣпыми глазами этой благодсти. Въ обоихъ случаяхъ, какъ и во всемъ, мы должны смиряться. Но живой Богъ существуетъ; Онъ дѣйствуетъ самобытно и вполне во всякое мгновеніе времени, во всякомъ атомѣ и для всякаго атома въ пространствѣ, дѣйствуетъ безъ раздѣла, вполне, всевластно, слѣдовательно во благо — слѣдственно во всемъ должны мы видѣть благо, не потому, что это благо намъ явно, а потому, что все истекаетъ отъ Бога, и явное благо, называемое нами добромъ, и неявное, которое кажется намъ зломъ.

Счастливы тотъ, кому Господь пошлетъ рано, а не поздно, тяжкія испытанія. Онъ заранѣе узнаетъ свои силы или свое безспіе, и въ обоихъ случаяхъ окрѣпнетъ, научась опытомъ дѣйствовать по волѣ Божіей. Единственное, чему мы должны и чему можемъ въ совершенствѣ здѣсь научиться, есть *произвольное повиновеніе*. Въ этомъ произвольномъ повиновеніи заключается все человеческое достоинство и вся его свобода. Мы сами никакого добра себѣ дать и никакого добра творить не можемъ: всякое добро намъ дается; но быть покорными Богу, творцу, источнику и подателю добра, во всякое время [съ блаженнымъ ли чувствомъ любви или безъ ощущенія сего блаженства, но влеченію ли воли или противъ влеченія воли], намъ возможно; это *единое наше*. Счастливы тотъ, кого жизнь заранѣе приучила къ покорности, кто въ младенствѣ получалъ привычку принимать съ благоговѣніемъ волю родителей и ей предаваться безусловно, кто мало по малу могъ понять все благо ея спасительной строгости, и кто изъ дѣтскихъ лѣтъ перенесъ въ юношескія лѣта эту привычку признавать неотрицаемость верховной власти, которая изъ образовательной, приготовительной отеческой обра-

щается въ спасительную, искушительную Божію, въ то время, когда онъ вступитъ на дорогу самостоятельной, дѣятельной жизни, для страшныхъ ветрѣчъ и тяжелыхъ бореній; и вдвое счастливъ онъ, если эти ветрѣчи и боренія начнутся для него въ началѣ дороги, когда еще его силы свѣжи и когда еще не вкоренилось въ немъ никакихъ вредныхъ на счетъ себя самого заблужденій, а не при концѣ ея, когда силы изсякли и когда такъ ужасно, такъ безполезно вдругъ очнуться изъ заблужденій, столь усмыслительно его баловавшихъ во все продолженіе лѣтливой, никакими тревогами не приводимой въ движеніе, жизни.

Если мы терпимъ только въ надеждѣ, что будущее принесетъ намъ отраду, и если только эта надежда дать намъ силы для терпѣнія, то наша подпора не вѣрна. Можемъ ли мы опираться на ломкой тростинокѣ ожиданія этой *перемѣны лучшей*, которой равно можетъ и быть и не быть. Надежда на Бога—другое дѣло. Но объ этой надеждѣ подлежитъ имѣть ясное понятіе, дабы имѣть въ ней твердую подпору. Она есть не иное что, какъ безусловная покорность Его волѣ, что бы ни возожилла на насъ эта воля: крестъ ли страданія или крестъ счастья. Кто донельзя до высокаго убѣжденія [и въ комъ это убѣжденіе обратится въ смиренное, безпреставно приеутветвенное чувство] до убѣжденія, что нѣтъ никакого земнаго блага выше этой покорности, тотъ утвердилъ зданіе своей жизни на гранитѣ непогрѣяемомъ. Будетъ ли младенецъ судить и осуждать своего отца, который подвергаетъ его трудному лишенію и строго наказывать? Со слезами припявъ наказаніе, младенецъ черезъ минуту ласкается къ отцу своему, и, не мысля о наказаніи, вдвое чувствуетъ къ нему привязанность, тайно понимая его всегдашнюю любовь въ его мицтпой строгости.

Младенецъ знаетъ одну настоящую минуточку своей безпечной жизни; отецъ знаетъ его будущее. Мы младенцы въ

колеблн земной жизни, мы плачемъ отъ всего горькаго, что постигаетъ насъ въ ея быструю минуту; но Отецъ небесный знаетъ, что мы для вѣчности, и готовить насъ для вѣчности. Въ *неизбѣжимости* Его власти и въ *необходимости* ея покориться—заключается великая сила души нашей. Древній фатумъ есть ужасное чудовище; необходимость ему покоряться и его неизбѣжимость были безотрадное бѣдствіе. Нашъ испытатель есть живой Богъ; и сколько бы ни были непонятны для насъ и тяжки Его испытанія — для нихъ изъясненія Онъ имѣетъ для насъ вѣчность. И это изъясненіе уже дано намъ предварительно непосланнѣмъ для насъ искупленіемъ. Все здѣсь написанное есть неоспоримая истина и ужъ мой ея принимаетъ. Но кто передастъ ея сердцу? Кто изъ мертваго уметвеннаго убѣжденія сдѣлаетъ тешную молитву и животоворящую вѣру? Одинъ Богъ. И что Его милосердіе медлитъ выбить изъ камня души животоющую воду — это есть самое тяжелое изъ всѣхъ Его испытаній. Но и оно должно имѣть свое благотворное послѣдствіе. Мы должны терпѣть и бѣдствіе собственнаго, внутренняго нашего недостатка съ тѣмъ же смиреніемъ, съ тою же вѣрою и надеждою, какъ всякое другое бѣдствіе, на насъ извѣстнаго нападающее.

Будьте подобны младенцамъ, ибо изъ есть царство небесное, сказали Спаситель, указывая на дѣтей, Его окружающихъ. Что значитъ это слово? Что есть жизнь младенца? Незнаніе закона, слѣдственно невинность передъ закономъ; безусловная покорность отцу и матери: *да будетъ воля Твоя*; любовь къ родителямъ: *да святится имя Твое, да приидетъ царствіе Твое*; беззаботность о завтрашнемъ днѣ: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днеъ*; незлобіе: и *остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*; незнаніе зла и бѣдъ житейскихъ: *не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лука-*

вою. Младенецъ есть, невѣдомо самому ему, тотъ человѣкъ, который выраженъ въ молитвѣ Господней. Но Спаситель говорилъ не младенцамъ, а уже совершеннолѣтнимъ, знающимъ законъ; онъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они были съ этими знаніемъ таковы, какъ младенецъ въ своемъ незнаніи; что въ младенцѣ незнаніе, то въ знающемъ должно быть смиреніе, то есть вѣра, надежда и любовь, взятія вмѣстѣ.

Праведникъ — христіанинъ награжденъ уже въ здѣшней жизни. Его награда въ христіанствѣ. Эта награда не есть плата по таксъ за какое особенное дѣло; а общая награда, заключающаяся въ самомъ состояніи души, во внутреннемъ мирѣ ея, заговаривающемъ бѣдствія житейскія. Эту награду можетъ имѣть только христіанинъ. Утѣшеніе стоиковъ — обманъ. Метафизическій богъ есть идея; эта идея можетъ быть утѣшительна и воздательна для нѣкоторыхъ, но не для всѣхъ. Христіанскій Богъ для всѣхъ, и простыхъ и мудрыхъ, и сильныхъ и слабыхъ, и счастливыхъ и скорбящихъ. Въ семъ отношеніи справедливо то, что *дѣла безъ вѣры мертвы суть*. Дѣла безъ вѣры то же, что дѣйствія автомата, похожія на человѣческія, но не оживленныя душою. Въ совѣсти нѣтъ утѣшенія, если во глубинѣ ея нѣтъ живаго Бога, тамъ поселеннаго вѣрою. Одна вѣра даетъ дѣламъ ихъ освященіе и производитъ изъ нихъ отдѣльности одну общую гармонию; одна вѣра возвращаетъ человѣческой душѣ ея утраченное подобіе Божіе. И въ этой вѣрѣ всѣ награды праведника во времени; въ *вѣрѣ*, которая, будучи блаженнымъ откровеніемъ и принятіемъ невѣдомаго *здѣсь*, становится *любовію*, то есть блаженнымъ созерцаемъ вѣдомаго *тамъ*.

ЗАКОНЪ И ГРѢХЪ.

Безъ закона грѣхъ мертвъ. Я жилъ никогда безъ закона; но когда пришла заповѣдь, то грѣхъ ожилъ, а я умеръ.

Какъ понимать слова апостола? Что значить здѣсь слово смерть грѣха и смерть человѣка? Грѣхъ въ одномъ смыслѣ есть грѣховность, то есть наша, врожденная намъ склонность грѣшнить; въ другомъ смыслѣ грѣхъ есть дѣйствіе грѣховности, поступокъ, нарушающій заповѣдь Божию. Само по себѣ разумѣется, что пока не было заповѣди Божіей, не могло быть и ея нарушенія, то есть явнаго грѣха, грѣховнаго поступка. Съ заповѣдью произошло и ея нарушеніе, то есть человѣкъ, по натурѣ своей подверженный грѣху, или грѣховный, изъ явнаго нарушенія заповѣдей, изъ совершеннаго имъ грѣха, постигъ свою грѣховность, бывшую до заповѣди для него сокровенною. Другими словами, человѣкъ, жившій въ незнаніи грѣха, *умеръ*, то есть обратился въ человѣка, знающаго грѣхъ. А грѣхъ *мертвый* для человѣка не знающаго, что такое грѣхъ [до заповѣди], сдѣлался для него *живъ* отъ нарушенія заповѣди, или отъ заперщенія, то есть сдѣлался *знаемымъ* грѣхомъ. Слѣдовательно, слово *смерть* есть здѣсь *знаніе* и *незнаніе*. Слѣдуетъ вопросъ: когда знаніе грѣха или смерть нравственная вошла въ жизнь человѣка? Съ заповѣдями Божіими. Что же онъ былъ до сихъ заповѣдей, то есть до писаннаго закона Божія, даннаго Моисею? Какой законъ опредѣлялъ для него грѣхъ и нарушеніе какого закона производило въ немъ сію смерть душевную? До закона Моисеева было наказаніе, слѣдовательно было и преступленіе, произвольное нарушеніе заповѣди. Изгнаніе изъ рая, потопъ, гибель Содома и Гоморры и прочее. Здѣсь законъ не заключается ли весь въ той первобытной заповѣди, которая дана была первому человѣку, нарушеніе которой произвело и грѣховность человѣка, разлившуюся на весь человѣческій родъ, и знаніе грѣха въ первомъ человѣкѣ, и неразлучное съ нимъ знаніе заповѣди нарушенной, въ которой есть источникъ всѣхъ послѣдующихъ заповѣдей, однихъ — неопредѣленныхъ, выраженныхъ въ тайномъ законѣ нашей совѣсти,

а другихъ — опредѣленныхъ, данныхъ самимъ Богомъ чрезъ Моисея народу избранному? До пришествія Христа, человеческій родъ надлежитъ раздѣлять на два разряда: на язычниковъ и на іудеевъ. Первые принадлежали неопредѣленному закону, естественному; послѣдніе — опредѣленному, писанному, Божію; тѣ состояли подъ совѣстью, сіи — подъ закономъ Божіимъ. Нѣкоторые избранные межъ людьми, посвященные Божіимъ откровеніемъ, составляютъ цѣль между первымъ человѣкомъ въ рай и народомъ израильскимъ у подошвы Синая, гдѣ наконецъ выразился Божій законъ во всей своей полнотѣ и откуда началось явно предуготовительное дѣло искупленія.

ПЛОТЬ — ДУХЪ.

Плоть — духъ. Плотское — духовное.

Сія противоположность встрѣчается безпрестанно въ священномъ писаніи. Надобно объяснить сіи понятія.

«Мы дробимъ [какъ было сказано въ другомъ мѣстѣ] нашу душу на разныя способности, дѣлимъ ее, такъ сказать, на участки и къ каждому изъ нихъ приписываемъ особенную, отдѣльную ея способность. Говоря *умъ*, *воля* и проч., мы разными именами означаемъ одно и то же, то есть *всю душу*, въ разныхъ только образахъ ея дѣйствія; нѣтъ такой особенной части въ душѣ, которая была бы только умъ или воля; все это — вся душа, полная, всегда нераздѣлимо дѣйствующая; мы только для ясности принуждены прибѣгнуть къ раздробленію единства на части. Душа мыслить, избирать [то есть отвергаетъ или принимаетъ], творить, вѣруетъ — сіи разные образы дѣйствія одной и той же души мы называемъ: умъ, воля, творчество, вѣра».

Здѣсь, однако, въ словѣ *душа* соединяются двѣ идеи. Святое писаніе говоритъ о троичествѣнности человѣка, о соединеніи въ немъ *духа*, *души* и *тѣла*. *Духъ* — чисто божественное въ человѣч-

скомъ; *душа* — неплѣнное, съ нимъ нераздѣлимое тѣло духа, середина между имъ и тѣломъ, нѣчто имѣющее съ одной стороны свойство тѣлеснаго, то есть нѣкоторый опредѣленный образъ, съ другой стороны неплѣнность и самобытность духа; наконецъ *тѣло* — матеріальная скинія духа и души на все время земной жизни, въ которой ихъ видимое, совокунное явленіе называется *человѣкомъ*. Сія три элемента, составляющіе это названное *человѣкомъ* цѣлое — могутъ быть постигаемы и опредѣлены каждый отдѣльно. Главный элементъ есть *духъ*: въ немъ сосредоточивается вся дѣятельность человѣческой жизни; второй элементъ — *душа*, неотдѣлимая, вѣчная принадлежность духа, его, такъ сказать, двойникъ, его самобытный дѣйствительный съ одной стороны на тѣло и черезъ органы тѣла на ви́шній временный міръ, съ другой стороны обратно на него сообщеніемъ ему впечатлѣній, черезъ органы тѣла изъ ви́шняго міра получаемыхъ; наконецъ третій элементъ — *тѣло*, временная матеріальная принадлежность души, которая или имъ властвуетъ и покоряетъ его силѣ духа, или ему покоряется и своею отъ него зависимою стѣняетъ духъ въ его дѣйствія.

Когда въ насъ происходитъ операція размысленія, то есть, какъ говорится, когда въ насъ дѣйствуетъ умъ, то изъ трехъ вышеозначенныхъ элементовъ первенствуютъ душа и тѣло, но перевѣсъ на сторонѣ души; въ процессѣ воли первенствуютъ душа и духъ, но перевѣсъ также на сторонѣ души; въ процессѣ творчества равнообразно первенствуютъ душа и духъ, но здѣсь перевѣсъ уже на сторонѣ духа; наконецъ, въ процессѣ вѣры первенствуетъ одинъ духъ, весь перевѣсъ на его сторонѣ, другіе покоряются.

Итакъ, человѣкъ составленъ изъ духа, души и тѣла; безъ соединенія сихъ трехъ нѣтъ человѣка. Духъ — царствующая, самобытная часть человѣка; душа — посредникъ между духомъ и тѣломъ; тѣло —

само по себѣ нѣчто безжизненное, матеріальное, подчиненное. Но тѣло необходимо душѣ [возьмемъ здѣсь душу въ ея обширномъ смыслѣ, то есть соединя духъ и душу въ одну идею] для ея дѣятельности въ здѣшнемъ порядкѣ и составляетъ орудіе этой дѣятельности, обращающейся на міръ ви́шній. Сія необходимость употреблять тѣло, какъ орудіе, производить зависимость души какъ отъ тѣла, такъ и отъ ви́шняго, тѣлеснаго міра, съ которымъ тѣло вводитъ ее въ сношеніе. Сія зависимость есть то, что мы называемъ плотію. Говоря тѣло, мы разумѣемъ тѣлесный составъ человѣка, взятый отдѣльно, то члены и проч.; говоря плоть, мы разумѣемъ и тѣло въ его вліяніи на душу, и душу подъ вліяніемъ тѣла, подъ вліяніемъ ви́шняго міра.

Вліяніе тѣла на душу вредно со времени паденія перваго человѣка, ибо сіе паденіе поселило въ человѣкѣ грѣхъ, то есть испортило волю его; сія воля безсильна удержать первенство души надъ тѣломъ, сохранить ее отъ него въ независимости и съ нимъ отъ ви́шняго міра; она колеблется между имъ и высшимъ міромъ; сія колеблемость, сія склонность уступать тѣлу есть состояніе грѣховное. Мы должны произвольно сохранять духовность души своей и отдалять отъ нее все плотское; но для этого воля наша безсильна. Тѣло, до паденія чистое, по своей испорченности отъ паденія сдѣлалось главнымъ врагомъ души человѣческой. Душа по натурѣ своей божественна, духъ, бываетъ по испорченности воли, произведенной грѣхопадениемъ — плотью, то есть рабомъ тѣла и ви́шняго міра. *Душа*, какъ духъ, исключительно принадлежит Богу; какъ душа, стоитъ между міромъ и Богомъ; какъ плоть, исключительно покоряется тѣлу и чрезъ тѣло міру.

ТАИНСТВО ПРИЧАЩЕНІЯ.

Причащеніе Святыхъ Таинъ есть всесчайшее, всеобъемлющее, блаженнѣйшее

дѣло нашей земной жизни. Въ немъ видимо и ощутительно въ образѣ таинства повторятся передъ нами и въ насъ самыя искупительная жертва Иисуса Христа. Кто приступаетъ къ таинству причащенія въ томъ расположеніи души, какое для того требуется, съ тѣмъ чувствомъ смиренія, покаянія, вѣры, надежды и любви, которое должно приносить къ Нему наше сердце, — на того производятъ оно чудесное дѣйствіе душевнаго и тѣлеснаго очищенія; онъ нѣкоторымъ образомъ на мгновение становится лицомъ къ лицу передъ самимъ Богомъ, и этотъ оживотворяющій взоръ, устремленный отъ человѣка на Бога и отъ Бога на человѣка, преобразуетъ душу во мгновение, все ея прошедшее исчезаетъ въ блаженной чистотѣ настоящаго; она нѣкоторымъ образомъ онущаетъ самую вѣчность; съ человѣкомъ творится то же, что съ разбойникомъ на крестѣ, когда все преступное прошедшее однимъ словомъ: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи своемъ* — приготовило вдругъ всю грѣшную душу къ очищенію. и когда отвѣтъ на это слово былъ отвѣтъ вѣчнаго Бога на всю вѣчность: *днесь со Мною будещи съ раю*. Таково дѣйствіе причащенія въ полномъ его смыслѣ. Какое несказанное благо остается въ немъ Спаситель для своихъ вѣрующихъ! Въ немъ каждый вѣрующій сдѣлался, такъ сказать, на всю свою жизнь его современникомъ. Самъ Онъ къ нему является въ тѣ минуты, когда онъ — страждущій, жаждущій исцѣленія, мучимый совѣтію, пуждающійся въ утѣшеніи и въ подпорѣ — Его призывается. Жизнь вѣрующаго раздѣлена, такъ сказать, на періоды, которыхъ главныя эпохи суть тѣ минуты, въ которыя онъ причащается, это минуты соединенія съ Спасителемъ, утѣшителемъ, наставникомъ, подкрѣпителемъ, оправдателемъ и освѣтителемъ. Въ промежуткахъ этихъ великихъ, главныхъ эпохъ жизни, этихъ животворящихъ соединеній, человѣкъ остается человѣкомъ, слабымъ, зависящимъ отъ вліянія виѣш-

няго, работъ своихъ слабостей, бѣднымъ наследникомъ грѣха первобытнаго. Но минуты, въ которыя онъ готовится къ великому свиданію, и минуты, непосредственно слѣдующія за симъ свиданіемъ, суть минуты святія, святія по раскаянію, по испытанію души своей, по уничтоженію себя предъ Всевышнимъ, по любви, надеждѣ и вѣрѣ, по сильнѣйшему стремленію къ добру верховному. Удаляясь отъ нихъ, грѣшная природа человѣческая вступаетъ въ права свои; мы впадаемъ въ обыкновенныя свои заблужденія, поддаемся страстямъ, разлекаемся ничтожностями міра; плоть одолеваетъ духъ. Но очевидно и неоспоримо, что если мы не считаемъ причащенія Святыхъ Таинъ однимъ только отдѣльнымъ актомъ жизни, не связаннымъ ни съ прошедшимъ ея, ни съ ея будущимъ, если, напротивъ, видимъ въ каждомъ изъ сихъ актовъ истинныя звѣнія, составляющія цѣль нашей жизни, цѣль, соединяющую земное съ небеснымъ, то причащеніе въ душѣ вѣрующей составляетъ главный предметъ ея здѣшней дѣятельности: по совершеніи одного таинственнаго акта, проливающаго помилованіе на прошедшее и благодать на настоящее, мы начинаемъ идти къ другому путемъ обыкновенной жизни, но съ ожиданіемъ возобновленія испытанной нами благодати; и эта память о полученіи благъ, это приготовленіе души къ полученію новаго, это ожиданіе, соединенное съ страхомъ утратить его дѣйствія или сдѣлаться недостойнымъ его пріянія, всегда присутственныя посреди заботъ, страданій и бѣдствій, производимыхъ зломъ виѣшнимъ или внутреннимъ — составляютъ главную твердѣющую опору нашей души и въ то же время, готовя ее къ новому соединенію лицомъ къ лицу съ ея Спасителемъ, совершающемуся въ таинствѣ причащенія — препятствуютъ уничтоженію того очистительнаго дѣйствія, какое должны произвести на ней все прежнія подобныя минуты свиданія. И что должна быть жизнь христіанская, если

она будетъ вся составлена изъ сихъ переходовъ отъ одного благодатнаго свиданія съ Искушителемъ къ другому, изъ которыхъ каждое будетъ производить свое дѣйствіе исполнѣ, какъ таинство, очистительное въ смыслѣ вѣчности, и крѣпительно-правственное въ смыслѣ временной жизни, и въ промежуткѣ которыхъ воспоминаніе и ожиданія, какъ Божіи звѣзды, будутъ свѣтить посреди мрака земли, безъ нихъ неходимаго и губящаго нашу душу. Приращеніе есть, послѣ искупленія, величайшее благотвореніе, оказанное Богомъ падшему человѣку, нѣкогда въ лицѣ Адама грѣхъ съ нимъ разлученному. Искупленіемъ разрушена стѣна, отдѣлявшая человѣка отъ Бога, и онъ можетъ, ведомый вѣрою, съ помощію благодати, переступить за сію границу. Приращеніе есть дѣйствительнѣйшій способъ, указанный Спасителемъ человѣку, для употребленія въ свою пользу блага искупленія. Вышедъ изъ своей вѣчности для человѣка въ область времени, и пробывъ съ нимъ на землѣ одно мгновеніе, Онъ не только совершилъ Самъ дѣло искупленія въ образѣ человѣка передъ очами тѣхъ, кого училъ, къ которымъ непосредственно обращалъ свое слово и на которыхъ Отецъ людямъ ниспослалъ Св. Духа; но Онъ хотѣлъ помочъ слабости человѣческой, которой столь трудна вѣра, сдѣлавши въ таинствѣ вечера, такъ сказать, современнѣмъ всему человѣческому роду до скончанія міра, возобновляя предъ глазами каждаго вѣрующаго дѣло искупленія и жертвы, и помогающая спасенію души посредствомъ, такъ сказать, вещественнаго сліянія съ нею, которое производится вѣрою: не одной нашей бѣдной волѣ ввѣрилъ Онъ сіе стремленіе соединить нашу душу съ призывающимъ ее Богомъ; не одной нашей совѣсти, столь пристрастно ослѣпленной или безпечной, далъ Онъ силу просвѣщать насъ на счетъ насъ самихъ,—Онъ далъ намъ Самого Себя въ помощника, далъ, такъ сказать, матеріальный образъ нашей совѣсти въ актѣ покаянія, гдѣ нашу со-

вѣсть представляеть посредникъ, крестъ, Евангеліе, передъ которыми должны мы не обинуясь раскрыть свою душу; Онъ наконецъ не одною духовною силою стремленія къ Богу, къ соединенію съ Нимъ, влечетъ нашу волю; но Онъ поставилъ передъ глазами нашими чашу той вечера, которую пѣкогда Самъ подавъ изъ рукъ въ руки Своимъ ученикамъ, которую Самъ подаетъ и нынѣ изъ рукъ въ руки вѣрующимъ, чашу, въ которой наши глаза видятъ хлѣбъ и вино, а вѣра видитъ сообщающееся съ нами Божество, если только сердце приготовлено и къ принятію Его и къ Его сохраненію. И въ такомъ случаѣ безпрестанно совершается для каждаго человѣка то же чудо спасенія, которое пѣкогда одинъ разъ на всю вѣчность совершилось на Голгоѣѣ, чудо дѣйствительнаго очищенія, чудо, служащее необходимымъ дополненіемъ чуда искупленія. Тамъ Искушитель отворилъ для всего человѣчества дверь, ведущую въ святилище Божества, затворенную для него грѣхопаденіемъ; здѣсь Онъ Самъ подаетъ руку для введенія въ эту дверь своихъ вѣрующихъ. Тамъ Онъ въ одномъ дѣлѣ обнялъ все человѣчество; здѣсь повторяетъ свое спасительное дѣло для каждаго человѣка отдѣльно. Одно есть слѣдствіемъ другаго. Но кто же съ Нимъ войдетъ въ эту дверь? Кто достоинъ подать Ему руку? И какое средство приобрести это достоинство? Съ одной стороны—та же самая, ничѣмъ неограниченная благодать, сказавшая на крестѣ разбойнику: *иже со Мною будещи въ райю*; съ другой стороны—та же вѣра и то же покаяніе, которыя исторгли изъ устъ разбойника крикъ: *помани мя, Господи, егда придеши во царствіи Своемъ*. Однимъ словомъ—покаяніе. Мы должны напередъ такъ же сказать передъ самими собою и передъ Богомъ: *мы осуждены праведно и достойное по дѣламъ нашимъ приедемъ; Сей же ты едина зла не сотвориша*. Если войдетъ такое покаяніе въ душу и проникнетъ ее насквозь, и въ то же время пропикнетъ

се вѣра во Спасителя, въ Его милосердіе, то она въ это мгновеніе дѣйствительно преобразуется и все ея временное грѣховное прошедшее исчезаетъ изъ нее предъ глазами Того, Кто душу судитъ по душѣ, принадлежащей вѣчности, а не по дѣламъ, исчезающимъ вмѣстѣ съ временемъ; и святое таинство палагается на нее очистительную печать свою. Итакъ, одна вѣра и одно покаяніе дѣлаютъ насъ достойными подать руку Спасителю для вступленія съ Нимъ въ отворенную дверь некувленія. Тогда Онъ является Самъ не въ мысленномъ, а въ тѣлесномъ видѣ, и хлѣбъ и вино въ таинственной чашѣ становится для насъ хлѣбомъ жизни и питьемъ примиренія. Чтобъ покаяніе могло совершиться, нужно два акта—однихъ простой, естественный: обвиненіе самого себя предъ естественнымъ, но невидимымъ представителемъ Божиимъ—совѣстію, которая можетъ только укорять, но ни оправдывать, ни разрѣшить не можетъ; другой актъ таинственный, передъ видимымъ представителемъ Божиимъ, которому нѣкогда въ лицѣ своихъ апостоловъ далъ Самъ Спаситель власть связывать и разрѣшать. Таинство исповѣди есть такъ же даръ любви Божіей, какъ и причащеніе; оно дано человѣку въ помощь его слабой, невѣрной воли. Когда онъ судитъ себя по одной совѣсти своей, то онъ въ одно время и обвинитель и обвиненный; въ обоихъ случаяхъ пристрастный и слѣпый; какъ обвиненный, онъ не страшится обмануть своего судью; какъ обвинитель и судья, онъ уступчивъ и не имѣетъ для предстоящаго суду его того божественнаго характера непогрѣшимости и могущества, передъ которымъ душа трепещетъ и не дерзаетъ прекословить. Такимъ образомъ судъ совѣсти, для насъ необходимый, потому что безъ него мы не можемъ знать самихъ себя, недостаточенъ, потому что не можетъ быть полнымъ и вѣрнымъ. Но когда, перешедъ эту низшую инстанцію суда, мы переходимъ въ высшую, гдѣ не одна наша невидимая совѣсть

засѣдаетъ на судилищѣ, по гдѣ есть и видимый представитель Божій, слушающій и повѣряющій обвинителя—совѣсть, тамъ душа необходимо должна сбросить съ себя все свои покровы, явиться обнаженною и предаться безусловно приговору суда верховнаго. Но здѣсь же къ суду посредствомъ таинства присоединяется и отпущеніе и разрѣшеніе, чего не властна и не имѣетъ права сдѣлать наша бѣдная совѣсть, которая въ одно время есть и судья и участница нашей грѣховности. Итакъ, единственное средство покаянія полнаго и дѣйствительнаго заключается въ таинствѣ *исповѣди*. Она должна быть искренняя, полная, сокрушенная, вѣрующая, соединенная съ отвращеніемъ къ проступкамъ прошедшимъ и съ намѣреніемъ предохранять себя отъ нихъ въ будущемъ; на сихъ токмо условіяхъ возможно разрѣшеніе и будетъ спасительно причащеніе тѣла Христова, — будетъ *не въ судъ и не въ осужденіе, а въ жизнь вѣчную*.

Господи! отыми у меня, что отвращаетъ отъ Тебя;

Господи! дай мнѣ, что приводитъ къ Тебѣ;

Господи! возьми меня у меня и отдай меня во владѣніе Твое.

Замѣчай за собою внутри самого себя, если желаешь узнать и себя самого, и то, что отъ Бога тебя отдѣляетъ. *Грѣхъ* есть то, что препятствуетъ соединенію твоему съ Богомъ. Твоей душѣ недостаетъ только одного—ся Бога. Но, чтобы она могла принять въ себя Бога, надлежитъ ей быть свободною отъ грѣха. Очиститься же и предохранить себя отъ грѣха можетъ она только милосердіемъ Божиимъ и заслугою Иисуса Христа. Ибо какъ Богъ, изъ одной благодати, даровать тебѣ жизнь естественную, такъ Онъ и жизнь духовную даруетъ тебѣ по той же свободной благодати. Но, чтобы жизнь сію получить, ты долженъ волю свою предать въ Его волю и радостно все принимать, что Онъ ни пошлетъ на тебя.

Безъ страданія и внутренней скорби жизнь сія не можетъ въ тебѣ родиться. Чтoby пріобрѣсть сію сверхъестественную жизнь благодати, надлежитъ тебѣ очистить себя отъ грѣха и всякой недоблести, отъ самолюбія, свесоволія, свесовольства и отъ всѣхъ безпорядочныхъ вождельній плоти.

Недостатки и погрѣшности твои переходятъ только отъ того, что безпорядочныя твои вождельнія тебя всегда изъ тебя самого исторгаютъ. Возвратисъ во внутреннее твое и сноси безропотно свои недостатки. Учись терпѣть самого себя, тогда научишься переносить недостатки свои и чужіе.

Никто не можетъ тебѣ вредить, кромѣ тебя самого. И потому бойся только себя и ни въ какомъ случаѣ себѣ самому не вѣрайся. Благоуразумень и остороженъ бываешь ты только тогда, когда остаешься въ самомъ себѣ, и своей болѣзни, своей немощи, своихъ недостатковъ и слабостей, своего ничтожества съ глазъ не спускаешь. Если не хочешь быть обманутымъ, держись этой основной истины: самъ по себѣ ты *ничто* и одно только можетъ пособить тебѣ, то именно, если Богъ самъ войдетъ въ твою душу, и жизнь твою самъ устроитъ.

Въ естественномъ своемъ состояніи ты самого себя познать не можешь, а потому и Богъ тебя познать Его не допуститъ [а потому и познаніе Бога тебѣ не дается]. Естественный свѣтъ сіяетъ въ тебѣ какъ мѣсяць, онъ прибываетъ и убываетъ; но свѣтъ отъ высоты, благодать, сіяетъ какъ солнце, и всякую свѣтлость блистапіемъ, ясностію и чистотою своею превосходитъ.

Дѣлами своими ты Богу угодить не можешь: ибо въ дѣлахъ своихъ по природѣ ты имѣешь предметомъ одну только природу — самого себя; то Богу угодно быть не можетъ. Если же будешь искать Бога, то найдешь Бога, и Онъ дастъ тебѣ праведную жизнь и сохранитъ тебя въ правдѣ, которая только въ томъ заключается, чтобы ты воистину признавать,

что Онъ есть Богъ и что ты самъ ничто. Все, что тебя отъ Бога и Бога отъ тебя отлучаетъ, и что всегда препятствуетъ Ему совершить въ тебѣ дѣло свое, заключается единственно въ томъ, что ты что-нибудь значишь и Богу дѣлами своими угодить желаешь: Богъ же твоихъ дѣлъ не хочетъ; Онъ хочетъ своего дѣла. Отъ этого вся бѣда и тревоги. Склонность къ добру, послѣдку добромъ обладать для насъ пріятно, есть самолюбіе, есть наслажденіе ради наслажденія. Такъ не должно любить ни Бога, ни людей. Люби истину ради истины и правду любви въ ней самой.

Обратись къ отеческому сердцу Бога — и все свое упованіе возложи единственно на драгоценныя заслуги Иисуса Христа. Крестъ да будетъ твоею оградой. Брось душу къ стопамъ Иисуса: въ Немъ одною нщи очищенія и оправданія всей твоей жизни.

II. ФИЛОСОФІЯ.

НАУКА.

Наука есть богатство ума человѣческаго, есть хранилище пріобрѣтенныхъ имъ уметвенныхъ сокровищъ. Каждое новое пріобрѣтеніе науки, полезное для матеріальной и для общественной жизни, усиливающее власть человѣка надъ окружающею его природою, умножающее способы нашихъ наслажденій чувственныхъ и уметвенныхъ, пріобщается къ пріобрѣтеніямъ прежнимъ, такъ сказать, механически, подобно тому, какъ наростаетъ капиталъ, пущенный въ ходъ промышленностію. Капиталисту, скопившему миліоны, было въ самомъ началѣ пріобрѣтеніе одного рубля труднѣе, нежели послѣ пріобрѣтеніе тысячей, которыя наконецъ легко превращаются въ миліоны. Такъ и въ наукѣ: когда уже скопилась масса открытій, новыя открытія быстро прилипаютъ къ старымъ; уму нужна только неутомимость; здѣсь гений есть Бюффонно *терпѣніе въ высочайшей ст-*

пени. Не уставай, иди впередъ: къ неизвѣстному доберешься по звеньямъ, составляющимъ непрерывную цѣпь извѣстнаго. Кольца этой цѣпи соединяются сами собою, необходимо, по закону послѣдственности [consequence]; надъ этимъ сѣпленіемъ работаетъ умъ; но онъ не творитъ его, а только открываетъ и примѣняетъ результаты труда своего къ практической жизни, матеріальной и нравственной. Слѣпая дѣятельность всѣхъ частныхъ умовъ въ своей совокупности есть то, что называется гениемъ, разумомъ, духомъ человѣческаго рода. Открытія ума, приведенныя въ систему, составляютъ науку; изъ соединенія наукъ и ихъ вліянія на жизнь человѣческаго рода истекаетъ то, что мы называемъ образованіемъ, цивилизаціею; цивилизація есть итогъ примѣненія знаній къ практической, общественной жизни, къ жизни человѣческой въ границахъ земнаго. Съ помощію цивилизаціи человѣкъ какъ членъ общества, какъ зритель и обладатель природы вещественной, становится матеріально чужъ отъ часу разборчивѣе и възыскательнѣе въ наслажденіяхъ чувственныхъ, а умственно чужъ отъ часу болѣе приобретаетъ способъ лакомиться и роскошно забаваться за избыточной тропею мысли. Все это, столь важное относительно земной жизни человѣка, то есть, относительно этого минутнаго явленія нашего посреди разнообразныхъ явленій окружающаго насъ тревожнаго міра, само по себѣ не имѣетъ никакой положительной важности относительно души нашей. Въ этомъ богатствѣ матеріальномъ и умственномъ, принадлежащемъ человѣческому роду въ цѣломъ, нѣтъ еще того, что составляетъ отдѣльное, вѣчное богатство души человѣческой внѣ человѣческаго рода, вырванной изъ тѣсныхъ отношеній всего, что здѣсь составляетъ предметъ любопытства для ума нашего и возделанія для нашего сердца. Все здѣсь — отъ высокаго, многообъемлющаго знанія, приобритеннаго постоянною дѣятельностию

гения испытующаго, до мелакаго, мгновеннаго удовольствія чувственности — принадлежитъ скоропреходящему [назови это скоропреходящее мгновеніемъ или вѣкомъ]. Душѣ [я говорю здѣсь о душѣ, взятой отдѣльно] принадлежитъ одно неизмѣнное, то, что существуетъ внѣ пространства и времени, что, будучи извѣщено изъ науки, остается въ душѣ ея самобытною, неотъемлемою, съ нею сливную собою собственностію, независимо, какъ отъ самой науки, такъ и отъ высшихъ обстоятельствъ, временную нашу жизнь составляющихъ; это вѣчное есть Богъ, источникъ и предметъ всякаго знанія; всякой шагъ впередъ науки долженъ быть шагомъ, приближающимъ къ Богу, новымъ откровеніемъ въ тайнствѣ нашихъ вѣчныхъ къ Нему отношеній. Все, что мы здѣсь знаемъ, принадлежитъ здѣшней жизни и изъ нее истекая, здѣсь съ нею и остается; по итогъ нашихъ знаній, элементъ, ихъ животворящій, то, что въ нихъ принадлежитъ исключительно душѣ и съ нею вмѣстѣ уйдетъ изъ здѣшней жизни, это есть наше знаніе Бога и знаніе нашихъ къ Нему отношеній.

Я вижу предъ собою гиганта науки; онъ обхватилъ могучимъ умомъ все, что уму на землѣ обхватить возможно, но онъ стоитъ посреди своихъ собранныхъ имъ сокровищъ, какъ тюремникъ посреди своихъ колодниковъ, съ которыми вмѣстѣ и самъ онъ колодникъ. Послѣдній результатъ науки есть для него наслажденіе наукою, знаніе, что онъ знаетъ, благоговѣніе предъ силою своего гения, сообщеніе своего знанія другимъ, словомъ, наслажденіе столь же преходящее, какъ онъ самъ. Высшее, что онъ извлекаетъ изъ знанія, есть примѣненіе его къ матеріальной пользѣ общества и чувство красоты, которое само по себѣ уже выше знанія, ибо красота есть не иное что, какъ тайное выраженіе божественнаго. Но наслажденіе красотой, эта роскошь души, погружающей въ сладкое оцущеніе чего-то, ее вполнѣ, но на минуту удовлетворяющаго, это душевное

еибаритетство — есть не иное что, какъ высшая степень чувственности; для души его недовольно. Ты окинулъ окомъ просвѣщеннымъ весь необъятный міръ и все намъ высказалъ о его законахъ, ты возвысился до красоты, заключенной въ этой гармоціи цѣлаго и частей; но ты не сказалъ ни слова о главномъ, о томъ, что для души и для чего душа, и мы невольны, хотя и очарованы твоимъ краспорѣчьемъ, съ грустію по тебѣ, чувствуемъ, что для тебя вся эта бездна величія и красоты не иное что, какъ пустыня великолѣпная, гдѣ властвуетъ необходимость и посреди которой ты, ея пророкъ, скоро исчезнешь, какъ нѣкогда сама она исчезнетъ. Слушая тебя, мы остаемся съ тѣмъ впечатлѣніемъ въ душѣ, какое потрясло того несчастнаго, описаннаго Жанъ-Подемъ, который обошелъ все твореніе, искалъ повсюду Бога, и не нашелъ Его.

Изъ того, что мною сказано, не слѣдуетъ однако, что я хочу унижить науку и поклоняюсь невѣжеству. Въ наукѣ, созданной человѣкомъ, заключается истинное земное величіе человѣка, его владычество надъ природою, его личное первенство передъ всѣми живыми съ造物ніями; наука есть великій памятникъ жизни человѣческаго рода, болѣе великій, нежели всѣ первозданныя горы, заключающія въ слояхъ своихъ мертвую лѣтопись міра матеріальнаго, тогда какъ умственные слои науки составляютъ живую лѣтопись міра умственнаго. Мы должны благоговѣть передъ наукою, благоговѣть передъ ея могучимъ образовательнымъ дѣйствіемъ на родъ человѣческій, передъ ея животворящимъ влияніемъ на человѣческую душу въ предѣлахъ матеріальнаго міра. Что можетъ быть живѣе жизни человѣка, который всюду съ собою носить сокровище знаній, всѣми вѣками пріобрѣтенныхъ, который въ минуты удивленія, никому непримѣтный, на непримѣтной точкѣ, имъ занимаемой въ пространствѣ, можетъ просвѣщеннымъ умомъ своимъ обхватывать цѣлый міръ,

которому все на землѣ знакомецъ, все собесѣдникъ, живое, мертвое, давно прошедшее, возможное, матеріальное и духовное? Нѣтъ, я хочу только сказать, что наука теряетъ свое высокое достоинство, когда сама становится своею цѣлію. Цѣль науки, и вообще жизни духовнаго человѣка, есть Богъ, создавшій человѣка не для иного чего, какъ для Себя. Земля есть колыбель человѣка; земная жизнь и все человѣчество, взятыя вмѣстѣ, суть скоропреходящія явленія, образующія и готовящія каждую человѣческую душу отдѣльно для другой высшей жизни. Наука устроиваетъ и озаряетъ для человѣка эту сцену явленій, она беспрестанно обрѣтаетъ новые способы ее украшать, разнообразить и ея зрѣлищами наслаждаться: но, если этого довольно для человѣчества, сгнѣсненнаго въ предѣлахъ здѣшней жизни, то все это ничтожно для души человѣческой, назначенной для иного порядка. Относительно здѣшняго, наши знанія могутъ беспрестанно умножаться и совершенствоваться могутъ съ успехомъ человѣческаго гения, этой собирательной души всего человѣчества, не имѣющей личнаго бытія, но существующей какъ великое преданіе отъ поколѣній къ поколѣніямъ, которыя, уходя одно за другимъ, оставляютъ въ наслѣдство идущимъ за ними свои духовныя сокровища, лежащіяся, какъ сказано выше, слоями одно на другое и образующія великую, беспрестанно возрастающую громаду науки. Но вся эта громада принадлежитъ человѣческому роду на землѣ; то, что въ ней принадлежитъ душѣ, землѣ не принадлежащей, то, что душа исключительно присвоиваетъ себѣ во времени и сохраняетъ на всю вѣчность, есть познанный ею въ глубинѣ житейскаго Бога, — къ Нему должна вести наука. Если она не объяснитъ человѣку глубокаго смысла окружающихъ его явленій и, посреди ихъ быстро, ежеминутнаго измѣненія, не найдетъ вѣчнаго Бога, то она и сама будетъ однимъ только явленіемъ земной жизни, которой исклю-

чительно принадлежать ей открытія, и не дать ничего въ приданое душѣ при ея переходѣ въ иной порядокъ. Однимъ словомъ *человѣку на землѣ нужна наука; души человѣческой нуженъ только Богъ*: Онъ одинъ только дастъ знанію жлзнь, Онъ одинъ, изъ глубины знанія бесѣдуя съ душою, съ нею сливается *здѣсь*, дабы не покинуть ее *тамъ*, гдѣ всякое земное знаніе, какъ сонъ, исчезаетъ.

ВѢРА И ЗНАНІЕ.

Въ наше время, когда все опрокинуто, необходимо взглянуть безпристрастными глазами на тѣ истины, которыя всему служатъ основаніемъ и которыхъ отрицаніе произвело это всеобщее разрушеніе, грозящее одичалостью человѣческому обществу.

Основная истина, корень всѣхъ истинъ, которой мы ни достигнуть, ни доказать умомъ, ни вполне выразить словомъ не можемъ, есть: *Богъ существуетъ*, Богъ самостоятельное, личное самознающее бытіе, источникъ всякаго бытія, невидимый видимаго создатель.

Богъ есть положительное добро, положительная правда, положительная истина, положительная красота — все противорѣчащее добру, правдѣ, истинѣ, красотѣ, есть отрицаніе Бога. Основаніе всякаго добра, всякой правды, истины и красоты въ душѣ человѣка есть вѣра въ Бога. Изъ вѣры въ Бога исходитъ всякое добро, всякая правда, всякая истина и красота. Сія вѣра, выражаемая словомъ: *Богъ существуетъ*, есть основная аксіома, главное передовое положеніе, первая точка отбѣгнута, съ которой долженъ начинаться всякій путь нашихъ умышленій, дабы мы могли достигнуть до вѣрнаго результата. Этотъ существующій Богъ не есть созданіе нашего умышленія; Онъ есть Богъ откровенія, Богъ тройственный, Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, Богъ личный, содѣйствующій внѣ своего всеобъемлющаго, всемірнаго

дѣйствія, особенно душѣ человѣческой, созданной Имъ для Себя, по Свосму образу и подобию, свободною, и вѣдѣствіе сей свободы разрознившейся съ Нимъ паденіемъ, но вновь соединившейся съ нимъ силою искупленія. На семъ отношеніи Бога къ душѣ человѣческой и души человѣческой къ Богу, основанъ весь земной порядокъ. Изъ сего отношенія нашъ умъ долженъ извлекать и законы земнаго порядка; имъ долженъ онъ объяснять и судьбу человѣка на землѣ во времени и пространствѣ, и судьбу души человѣческой въ вѣчности. По сему исторія человѣка распадается на двѣ: на исторію его дѣйствій въ порядкѣ земной жизни, то есть на исторію фактовъ естественныхъ, гдѣ главный, видимый дѣйствительный есть самъ человѣкъ; и на исторію его дѣйствій относительно порядка высшего, въ которыхъ главный дѣйствительный есть Богъ откровенія, Богъ искупитель нашей души человѣка. Дѣйствіями въ порядкѣ земномъ мы приготовляемся къ жизни въ порядкѣ высшемъ: въ первомъ отношеніи, среди событій вещественнаго міра, мы руководствуемся умомъ и совѣтію; въ послѣднемъ — насъ руководствуетъ откровеніе; въ первомъ мы властвуемъ умомъ и волею надъ событіями, въ послѣднемъ мы покоряемъ смиренно и умъ и волю волѣ всевышней — первое для послѣдняго. Соединеніе того и другаго есть земная задача, которую здѣсь бранный человѣкъ разрѣшаетъ для своей безсмертной души на вѣчность.

Принявъ все сказанное выше за основаніе, мы можемъ безошибочно разрѣшить главные вопросы челоѣчества. Сія вопросы уже напередъ для всего челоѣчества безмолвно разрѣшены всеобщимъ признаніемъ бытія Божія: челоѣкъ во всякое время тайно и неизглаголанно онцущаетъ въ самомъ себѣ очевидность и неоспоримость сего разрѣшенія; но сія очевидность обращается въ сомнѣніе и сія неоспоримость становится отрицаніемъ всякой разъ, когда онъ беретъ на себя

извлекать ихъ изъ своихъ умствованій, утверждать на своихъ доказательствахъ, когда онъ въ границѣ своихъ тѣлесныхъ, тѣсныхъ, запутанныхъ словъ силится заключить свѣтозарное, необъятное, непостижимое Божіе слово.

Чистая умозрительная философія извлекаетъ свои понятія изъ ума; отъ ближайшаго она переходитъ къ дальнѣйшему, и такъ стремится прямымъ, логическимъ путемъ дойти до понятія о Богѣ, которое должно быть послѣднимъ результатомъ всѣхъ нашихъ умозрѣній. Христіанская философія, напротивъ, извлекаетъ все изъ идеи Бога: въ ней понятіе о мірѣ, о человѣкѣ, объ отношеніяхъ человѣка къ міру и его Создателю, суть результаты неумотворнаго понятія о Богѣ, данного откровеніемъ, принятаго вѣрою. Умозрительная философія идетъ своимъ путемъ рядомъ съ религіею, и часто врозь съ нею. Философія христіанская идетъ путемъ религій. Она есть не иное что, какъ приближеніе умозрѣнія къ откровенію, какъ покореніе ума вѣрѣ въ откровеніе. Въ первой умозрѣнія принадлежатъ особенному метафизическому міру и отдѣльны отъ жизни; въ послѣдней умозрѣнія входятъ въ дѣятельную жизнь, съ нею сливаются, и даютъ ей, въ самыхъ простыхъ событіяхъ ежедневнаго, полноту и глубокую значительность. Первая стремится къ истинѣ и гордо мечтаетъ острымъ окомъ ума пронзить ея покрывало; послѣдняя истекаетъ изъ истины; она принадлежитъ вѣрѣ, а вѣра, свободное, блаженное принятіе невѣдомаго изъ устъ откровенія здѣсь, преобразуется въ блаженное созерцаніе вѣдомаго тамъ.

философическій языкъ.

Нашъ философическій языкъ вообще еще весьма бѣденъ и неопредѣлительнъ. Этому причина та, что у насъ еще слишкомъ мало оригинальныхъ философическихъ сочиненій. Наши мыслители, для собственныхъ идей, принуждены заимствовать выраженія у философовъ иностранныхъ, особенно

у нѣмцевъ. Нѣмецкій языкъ удивительно удобенъ для построенія новыхъ словъ: онъ чудно творить, по мѣрѣ нужды, выраженія новыя, преобразуетъ старыя и германизруетъ чужія. Онъ по природѣ своей языкъ философическій: онъ погружается въ глубину мысли до самаго дна ея и схватываетъ все ея отѣнки, отъ чего бываетъ часто теменъ, хотя впрочемъ эту темноту можно чаще поставить на счетъ писателя, нежели на счетъ языка его. Такихъ свойствъ русскій языкъ еще не имѣетъ. Можетъ ли онъ приобрести ихъ—не знаю; но ежели можетъ, то не иначе, какъ одними усилиями самомыслящихъ философическихъ писателей, которые для построенія собственныхъ умственныхъ зданій должны будутъ употреблять и собственные материалы слова. Мыслить есть говорить внутренно; всякая опредѣленная мысль есть уже слово, сказанное душою самой себѣ, слово безмолвное, которое должно быть переведено въ соответственное ему звуковое. Какъ мы находимъ и то и другое—эта, безъ вѣдома нашего совершающаяся операція души навсегда останется для насъ тайною. Въ минуту рожденія каждой мысли, по какому-то духовному средству, проявляется вмѣстѣ съ нею и соответствующее ей умственное слово. Но это происходитъ не нашею волею; нашъ разумъ чувствуетъ муку родовъ, но ни зачатіе, ни рожденіе мысли отъ насъ не зависятъ. Мы можемъ только слышать первый крикъ поворожденнаго младенца, то есть схватывать проявленіе мысли въ духовномъ, внутреннемъ словѣ, и въ соединеніи этого внутренняго слова съ выраженіемъ его звуковымъ. Мы ошибаемся, полагая, что сами произвольно создаемъ свои мысли; напротивъ, мысли сами намъ даются; каждая изъ нихъ есть откровеніе, награждающее нашу неутомимость въ ея исканіи, и здѣсь справедливо выраженіе Бюффона: *genii sunt tertium ex высшей степени*. Мы можемъ только принимать; все наша сила состоитъ въ неутомимости произ-

вольнаго терпѣнія; насильственно намъ взять ничего невозможно. Обращаясь къ языку, скажу, что ясность выраженія зависитъ отъ сродства, отъ совпадаемости слова звучнаго съ словомъ духовнымъ. Вотъ отъ чего намъ легче выражать собственныя мысли, нежели мысли заимствованныя. Кто почерпаетъ мысль изъ внутри себя, кто схватываетъ ее, такъ сказать, въ минуту ея рожденія, уже облеченную въ свойственный ей мысленный образъ, то есть, въ мысленное слово, тому легче найти и въ собственномъ языкѣ [который не иное что, какъ вѣншній отзывъ внутренно говорящей души] матеріальное слово, соответственное мысленному, въ которомъ оно уже заключено, какъ плодъ въ сѣмени, и изъ котораго оно вдругъ всходитъ во всей полнотѣ своей, вызванное упорною работою нашего терпѣнія. Здѣсь изъ мысли родится само собою сперва духовное слово, и изъ слова духовнаго—слово матеріальное, его выражающее; мы прямымъ путемъ переходимъ отъ мысли къ выражающему ее слову. Напротивъ, выражая чужую, уже выраженную на другомъ языкѣ мысль, мы принуждены переходить обратнымъ путемъ—отъ выраженія къ мысли; мы должны сначала присвоивать чужое, не нами найденное выраженіе, и покорить сему данному выраженію и нашу мысль и наше ее выражающее слово. Отъ этой натяжки выраженіе становится запутано, и часто затемняетъ самую мысль, ибо не можетъ вполне ей соответствовать. Изъ сего слѣдуетъ, что языкъ философскій можетъ образоваться только отъ самобытнаго, а не отъ заимствованнаго, подражательнаго мышленія: въ семъ послѣднемъ случаѣ мысли будутъ всегда въ разладѣ съ выраженіемъ; выражающее слово будетъ болѣе или менѣе чуждо выражаемой мысли, потому именно, что и самая мысль будетъ чуждая для ея выразителя.

Напримѣръ, въ нашемъ философскомъ языкѣ, столь еще бѣдномъ опредѣленными техническими выраженіями,

предавню пачали употреблять слова: *субъектъ*, *субъективность*, *объектъ*, *объективность*, и эти слова получили уже у насъ нѣкоторое право гражданства отъ употребленія; но въ нихъ звучитъ что-то для насъ чужое. Предлагать въ замѣну имъ другія слова было бы бесполезно: словъ пельзя выдумывать отдѣльно, по произволу; слово ясное и точное находится только на пути размысленія, его даетъ сила необходимости; тогда только оно бываетъ ясно, когда оно родится вмѣстѣ съ мыслию, въ связи съ другими, притягивающими его магнитическою силою сродства, и тогда только употребленіе присвоиваетъ его безъ протворѣчія. Слово не есть наша произвольная выдумка; всякое слово, получающее мѣсто въ лексиконѣ языка, есть событіе въ области мысли, можно сказать, и въ области гражданской жизни: всякое новое слово есть новый монументальный камень, входящій въ составъ той пирамиды языка, которую зиждутъ въ продолженіе вѣковъ, во свидѣтельство бытія своего, пароды, и которой послѣдній верхній камень только тогда положенъ будетъ, когда созданіе остановится, то есть, когда самое существованіе парода прекратится. Всякое счастливое новое слово, сильно и живо изображающее новую мысль, есть такое же откровеніе, какъ и сама мысль; какъ вылетаетъ искра изъ кремня отъ удара стали, такъ и мысль и слово вылетаютъ изъ души отъ удара вдохновенія.

Сдѣлаемъ однако опытъ. Мнѣ кажется, что слово *субъектъ* можетъ быть замѣнено словомъ *лицо*, а слово *объектъ* словомъ *предметъ*. Такимъ образомъ понятіе субъективное, котораго содержаніе составляемъ мы сами, можно назвать опредѣлительнѣе понятіемъ *личнымъ*, а понятіе объективное, котораго предметъ видѣнъ нами, передъ нами, передъ лицомъ нашимъ, можетъ быть названо понятіемъ *предметнымъ*, *предличнымъ*. Субъектъ есть нѣчто подлежащее, объектъ есть нѣчто подлежащее; *подлежательность*,

предлежательность кажутся мнѣ выраженіями довольно точными; они яснѣе, нежели *субъективность* и *объективность*. Говорятъ *недѣлимое*, чтобы выразить *individui*; едва ли это слово останется въ употребленіи: оно не выражаетъ вполне соединеннаго съ нимъ понятія. Недѣлимость не значить единство; оно означаетъ одну только матеріальную сторону предмета, только его нераздѣлимость на части. Слово *лицо* выражаетъ, кажется мнѣ, его полнѣе и точнѣе. Впрочемъ, понятіе *individui* не можетъ быть выражено въ разныхъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же словомъ; напримеръ, мы не можемъ употреблять слово *недѣлимое*, какъ французы употребляютъ свое *individui*; никто не скажетъ: *это недѣлимое у меня нѣмче обьдаетъ; этотъ недѣлимый очень глупъ; его недѣлимость мнѣ несюсна*. Это понятіе должно быть раздроблено на многія выраженія: *лицо*, *личность*—когда идетъ дѣло о человѣкѣ; *единица*, *единичность*—для выраженія единства вообще; *недѣлимость*— для выраженія единства матеріальнаго. Не выдаю здѣсь предлагаемыхъ выраженій за счастливую находку; думаю, напротивъ, что они будутъ новымъ доказательствомъ, сколь трудно выдумывать слова отдѣльно. Слово упрямо и причудливо: его нельзя взять силою; оно прячется отъ насъ, когда мы его ищемъ и кличемъ, и вдругъ намъ является тамъ, гдѣ мы найти его не ожидаемъ. Слово есть откровеніе.

ИДЕЯ БЫТІЯ.

Декартъ сказалъ: *я мыслю, слѣдовательно я существую*. Последнее не можетъ быть послѣдствіемъ перваго; ибо, чтобы сказать: *я мыслю*, надобно сказать напередъ: *я существую*. *Я мыслю* есть не иное что, какъ *я емъ*, *я существую*, *мысля*. Въ понятіи: *я существую* заключается уже понятіе: *я мыслю*; последнее безъ перваго не можетъ родиться въ умѣ нашемъ, слѣдовательно не можетъ ему предшествовать и быть

его источникомъ; понятіе: *я существую* есть элементъ всѣхъ другихъ понятій, которыя безъ него и составлены быть не могутъ. Если же оно элементъ всѣхъ понятій, то никакое другое не можетъ быть его элементомъ; слѣдовательно это понятіе есть самобытное, врожденное. Какъ безъ самаго бытія ничто существующее не возможно [бытіе основа всему, но мы этой основы ни обнять чувствами, ни опредѣлить умомъ не можемъ], такъ и безъ общей идеи бытія, составляющей основу всѣхъ другихъ идей, не умомъ составляемой, но въ умѣ врожденно существующей, никакая идея существовать не можетъ; чтобы сказать: *я мыслю*, надобно сперва имѣть идею этого *я*, которое мыслить; это *я*—есть мое бытіе личное, отдѣльно мною постигаемое; но въ этомъ *я* заключаются двѣ идеи: одна идея самаго бытія, другая отдѣльности, частности этого бытія; слѣдовательно, чтобы получить идею этого *я*, сперва надобно получить идею самаго бытія; по бытіе есть нѣчто составляющее основу всему, безъ всякаго признака, безъ образа, границъ, времени, пространства и мѣста. Идеи объ немъ мы ни изъ чего приобрести не можемъ; она существуетъ въ насъ безъ нашего вѣдома; по тому самому и постигнуть самаго бытія мы не можемъ, ибо не можемъ озпачать исторіи проихожденія понятія о немъ въ головѣ нашей. Это понятіе начнется съ нашею жизнію. Оно есть самое обширное, или, лучше сказать, безпредѣльное, по своему объему, и самое тѣсное или ничтожное по своимъ особеннымъ признакамъ: ибо чѣмъ обширнѣе объемъ, тѣмъ менѣе признаковъ; и то, что объемлетъ все, по тому самому совѣмъ не имѣетъ признаковъ.

СВОБОДА.

Что есть свобода? Способность признать слово *нѣтъ* мысленно или вслухъ. Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность дѣ-

латъ все, чего не запрещаетъ законъ. Что есть свобода въ высшемъ смыслѣ? Совершенная подчиненность воли Божіей всегда, во всемъ, вездѣ, и ничему иному. Въ сей подчиненности заключается свобода отъ зла, отъ судьбы, отъ людей. Что такое подчиненность воли Божіей? Воля человѣческая больна со времени паденія. Подпорою и руководствомъ ей служить естественный нравственный законъ, или, лучше сказать, остатокъ того божественнаго образа, который отразился въ человѣкѣ при его созданіи и затмился въ немъ грѣхопаденіемъ. Но этотъ законъ самъ по себѣ теменъ, и голосъ совѣсти, хотя и всегда слышенъ, но не всегда внятень. Этотъ голосъ совѣсти есть внутреннее выраженіе нравственнаго закона. Со времени искупленія сей внутренней голосъ выражается ясно въ ученіи Спасителя. Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, чему слѣдовать, чтѣ дѣлать, чего не дѣлать, къ чему стремиться—все сказано Христомъ, и совѣтъ не можетъ заблудиться. Итакъ, покорность воли человѣческой передъ верховною волею Божіею состоитъ въ ея неизмѣнномъ согласованіи съ сею высшею волею, выраженною въ святомъ писаніи. Эта покорность можетъ быть или положительная, когда мы сами должны дѣйствовать; или отрицательная, когда мы должны принимать смиренно то, чтѣ на насъ дѣйствуетъ; въ обоихъ случаяхъ она есть чистое смиреніе. Блаженъ тотъ, въ комъ она есть и любовь!

ТВЕРДОСТЬ И УПРЯМСТВО.

Твердость есть сила, основанная на союзѣ разума съ волею и на ихъ равновѣсіи. Упрямство есть слабость, имѣющая видъ силы; она происходитъ отъ нарушенія равновѣсія въ союзѣ воли съ разумомъ. Въ первомъ случаѣ разумъ и воля употребляютъ совокупно силу свою въ пользу. Во второмъ случаѣ воля, въ разрывѣ съ разумомъ, или не пользуется силою, или употребляетъ ее во зло: и то и другое слабость. Твердый непоколебимо держится своихъ убѣжденій, пока

они для него оправданы его разумомъ. Но онъ или измѣняетъ ихъ, или отъ нихъ отрекается, когда находитъ ихъ противорѣчащими разуму. Въ этомъ произвольномъ, необходимомъ, принимаемомъ волею отреченіи столько же твердости, сколько въ прежней произвольной вѣрности убѣжденію. Упрямый, напротивъ, держится своего убѣжденія, но, такъ сказать, механически; онъ не терпитъ противорѣчія, ибо слишкомъ лѣнивъ или пристрастенъ, чтобъ повѣрять свои мысли; ему легче сохранять ихъ такими, какими онъ разъ вошелъ въ его голову, нежели пересматривать ихъ, имѣя въ виду одну истину, и замѣчать прежнія ложныя, повыми, истинными. Убѣжденія упрямаго суть мертвый капиталъ, никакого барыша не приносящій. Мнѣнія твердаго суть капиталъ, пущенный въ оборотъ: онъ въ безпрестанномъ движеніи, и это движеніе не есть непостоянство, напротивъ, сила, дѣйствующая постоянно.

БЛАГОТВОРЕНІЕ.

Люби Бога всею душою, всею помышленіями и всею дѣлами; люби ближняго какъ самого себя. Въ этомъ весь законъ христіанина. Мы читаемъ ежедневно: *да святится имя Твое, да будетъ воля Твоя, хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днеся*. Все это надлежитъ примѣнять къ благотворенію. Оно должно быть любовь къ Богу и къ ближнему, во славу имени Божія, во исполненіе воли Бога, который даетъ намъ нашъ хлѣбъ насущный. Но такое благотвореніе неключаетъ ли заботу о себѣ и о своихъ, и должно ли не обращать самому осторожнаго взора на будущее, вѣрять его совершенно providѣнію Божію? Нѣтъ! но и то и другое должно быть согласовано. Счастливъ, кто можетъ благотворить съ любовью, кто, любя Бога, любить потому и ближняго и не заботится о завтрашнемъ днѣ. Тогда благотвореніе возвышаетъ душу, и благотворящій ближнему стократно благотворитъ самому себѣ. Не всякой способенъ

имѣть такую любовь: она есть благодать свыше. Но всякой способенъ признавать истину завѣди Божіей и смиренно ей покоряться, даже безъ чувства любви, даже вопреки безчувствію, бременящему сердце: болѣзнь, отъ которой можетъ исцѣлѣть только одинъ Богъ. Всякой случай благотворить есть голосъ Божій; не затвори предъ нимъ твоего слуха и покорно исполняй то, что исполнить можешь, какое бы при томъ ни было твое чувство. Главное покорность. Отецъ семейства долженъ заботиться о будущемъ жены и дѣтей своихъ; но бываетъ минута, въ которую надобно настоящей бѣдѣ ближняго принесть въ жертву возможное собственное благо въ будущемъ: оно въ рукѣ Божіей, и потому вѣрно. Тотъ несправедливо поступать, кто, опасаясь невѣрнаго зла въ будущемъ, отгалькиваетъ вѣрное добро или допускаетъ вѣрное зло въ настоящемъ.

НЕСЧАСТІЕ.

Можно сравнить несчастье съ величественнымъ гигантомъ, имѣющимъ прекрасное, свѣтозарное лицо, а ноги свинцовыя: кто самъ высокъ или кто можетъ подняться, чтобы посмотреть страшилицу въ глаза, тотъ станетъ лицомъ къ его лицу, озарится блескомъ этого лица, и его собственное лицо просвѣтлѣетъ; но тотъ, кто по природѣ своей низокъ или кто, приведенный въ ужасъ блестящимъ образомъ, наклонитъ голову, чтобы его не видать, тотъ попадетъ подъ свинцовыя ноги великана и будетъ ими затоптанъ въ прахъ или раздавленъ.

Несчастье есть громогласный проповѣдникъ Провидѣнія и вѣчности. Горе имѣющему слабый слухъ; оглушенный громозвучностію голоса, онъ не разслушаетъ вѣсти великой.

НАДЕЖДА.

Земную надежду можно сравнить съ свѣтлою радугою; она сіяетъ на темномъ облакѣ, она украшаетъ его своими яркими цвѣтами—но она одинъ онтический обманъ. Надежду, основанную на вѣрѣ,

можно сравнить съ утреннею зарею—она предвѣщаетъ солнце, и это не обманъ: солнце взойдетъ.

случай.

У одного умнаго человѣка спросили: что такое случай? Онъ отвѣчалъ: никогда Провидѣнія. Случая нѣтъ. Все, что ни встрѣчается съ нами въ жизни, радостное или прискорбное, ожидаемое или неожиданное—есть Богъ въ разныхъ видахъ.

воспоминаніе.

О мильхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,

Не говоря съ тоской: *ихъ нѣтъ!*

Но съ благодарностію: *были!*

Нѣтъ и *были*—какая разница! Въ первомъ—потеря, въ послѣднемъ—воспоминаніе! *Нѣтъ* значитъ исчезъ! *были* значитъ оставили слѣдъ бытія своего! Прекрасная жизнь тѣхъ, которыхъ мы лишились, освящаетъ для насъ и землю и жизнь нашу. Рѣшительная минута разлуки миновалась; они на вѣки переданы воспоминанію; недоумѣніе кончилось; ихъ будущее не приводитъ въ трепетъ; печаль объ нихъ обратилась изъ страданія въ благодѣтельную для сердца любовь; можемъ всѣмъ дѣлаться съ ними свободно: ихъ образъ равно свѣтелъ для насъ и при нашемъ счастіи и при нашемъ несчастьи; ни то ни другое не измѣняетъ ихъ жребія; но и въ томъ и въ другомъ они *съ нами* воспоминаніемъ, всегда неизмѣнныя, когда не измѣнимся мы сами, возвышающимъ душу въ счастіи, ободряющимъ ее въ несчастьи, и такое воспоминаніе есть для насъ, такъ сказать, двойникъ нашей совѣсти.

Ея умирающая матъ *) не могла дочитать того письма, которое получила отъ своей дочери на смертной постели:

*) Королева Луиза Прусская скончалась въ Стрѣлицѣ. За нѣсколько времени до кончины она получила письмо отъ принцессы Шарлотты (государыни императрицы Александры Оеодоровны) и была такъ имъ растрогана, что не могла его дочитать—и письмо навсегда осталось недочитаннымъ. *Примѣчаніе къ тексту въ рукописи.*

такъ было сильно чувство материнской любви и материнскаго счастья, наполнившее душу ея въ эту минуту! Ей недостало жизни для нѣсколькихъ строкъ— но эти недочитаанныя строчки имѣють высокое, трогательное знаменованіе! Недочитаанныя строчки письма, полнаго любви— то же, что остальная жизнь уже невидимая матерью, но полная тою же любовью, какую она прочитала бы въ этихъ послѣднихъ строкахъ! Везъ нее и все для нее. И эта чистая жизнь будетъ уже безъ нарушенія радовать материнскую, вѣчно близкую душу! смерть уже не придетъ оторвать ее отъ этой радости. На ея часть достались желаніе великаго и величіе въ страданіи; но дѣтями своимъ завѣщала она свои надежды и исполненіе чистыхъ своихъ желаній.

Іоаннъ, любимый ученикъ и апостолъ Спасителя, видѣлъ Его возлетѣвшаго на небо и глаза его подняты къ небу, пріявшему все его блага— но въ этихъ глазахъ не печаль разлуки, не томительное нетерпѣніе оставить землю, но чувство глубокой, спокойной, покорной любви къ улетѣвшему, какъ будто къ присутствующему. Онъ уже не на землѣ, но Онъ былъ на ней; своимъ преображеніемъ Онъ познакомилъ съ таинствомъ неба; но своею любовью, своимъ страданіемъ познакомилъ съ величіемъ жизни; небеснымъ Онъ озарилъ житейское, и не чудесное видѣніе неестественнаго представляется взору молодаго Іоанна: онъ спокойно исполнилъ святымъ воспоминаніемъ, не томлящимъ, не отлучающимъ отъ здѣшняго, но тихимъ, сладкозадумчивымъ, вполне удовлетворяющимъ душу; онъ смотритъ на небо, на обитель удалившагося друга; не стремится туда, ибо земная жизнь оставлена ему въ наследство, какъ благо, для совершенія воли учителя; но вбрызъ съ глубокою, мирною радостью, любить задумчиво и упоавать безъ нетерпѣнія! И все земное, радостное, печальное заключено для него въ одномъ словѣ, во всемъ отражается и слышится одно слово: *Спаситель твой живъ!*—

Вотъ что Ж. П. Рихтеръ написалъ въ то время, когда королева Луиза покинула землю, оплакиваемая не однимъ своимъ отечествомъ, но и всемъ германскимъ народомъ, который видѣлъ въ ней идеаль женской прелести.

Въ ту минуту, когда ты въ бѣлой брачной одеждѣ, Вышняго, тайнаго міра свѣста, земную корону Тихо сняла и землѣ возвратила, и въ свѣжѣмъ изъ зрѣлой Жатвы вѣнцѣ отъ насъ полетѣла... все зарыдало; Плакаль—кто только слышалъ о тебѣ, но болѣе плакать Знавшій тебя; а тѣ, кого прижимала ты къ сердцу, Слезы пайти не могли, а послѣ ужъ ихъ не считали. Время придетъ; намъ завидовать стануть въ великомъ, въ прекрасномъ, Стануть завидовать въ счастья, насъ поспѣвшимъ, а скорби, Скорби, съ какою отъ себя мы его проводили, не вспомнить. Въ часъ тотъ, когда бытіе на землѣ для нея начиналось, Ангель жизни ея прилетѣлъ предъ Судьбу и сказалъ ей: Много вѣщевъ у меня для младенца: изъ лилій силетенный Свѣжій вѣнецъ красоты, и брачный изъ миртъ, и корона, Есть и дубовый вѣнецъ героической чести германской; Есть и *терновый*—который избрать поведишь ли младенца? *Весь* избирало, сказала Судьба. Но остался единый, Все награждающій. Въ день испытанія, когда появился *Смрти* вѣнецъ на высокоомъ челѣ, унывающей ангель Снова предсталъ... и одиѣ лишь слезы его вопрошали. Голосъ раздался: *возри!* Онъ воззрѣлъ— передъ нимъ *Искупитель*.

III. ВОСПИТАНІЕ.

что такое воспитаніе?

Что такое воспитаніе? Этотъ вопросъ разрѣшится самъ собою, когда будетъ разрѣшенъ слѣдующій: что такое здѣшняя жизнь? Здѣшняя жизнь есть пригото-

ніе земнаго человѣка къ жизни вышей. Воспитаніе есть приготовленіе души человѣка къ принятію уроковъ здѣшней жизни. Какую бы форму ни имѣли сіи уроки, ихъ смыслъ всегда одинъ и тотъ же. Открытіе этого смысла, независимо отъ формы, которой опредѣленіе принадлежитъ Промыслу, есть вышій предметъ воспитанія. Для достиженія сего предмета должна быть въ здоровомъ тѣлѣ образована здравая душа, вѣрно мыслящая, свободно дѣйствующая, чисто чувствующая, наконецъ, смиренно вѣрующая.

Цѣль воспитанія есть та же, какъ и цѣль жизни человѣческой. Сама жизнь здѣшняя не иное что, какъ воспитаніе для будущей; а вся будущая — не иное что, какъ безконечное воспитаніе для Бога. Что есть назначеніе человѣка на землѣ? Въ одномъ словѣ: возстановленіе падшаго въ немъ образа Божія. Воспитаніе должно въ первые годы жизни сдѣлать его способнымъ пройти впоследствии нѣсколько шаговъ для достиженія этой цѣли. Человѣкъ образуется здѣсь не для счастья, не для успѣха въ обществѣ, не для особеннаго какого-нибудь званія, даже не для добродѣтели; онъ образуется для вѣры въ Бога [для вѣры христіанской] и для безусловнаго преданія воли своей въ высшую волю [въ чьей истинная человѣческая свобода]: изъ этого истекаетъ все другое, — счастье, успѣхъ, праведность, добродѣтель.

Воспитаніе должно образовать человѣка, гражданина, христіанина. Человѣкъ — здравая душа въ здоровомъ тѣлѣ. Гражданинъ — праведность, просвѣщеніе, искусство, самостоятельность. Христіанинъ — подчиненіе всего человѣка вѣрѣ.

Природа человѣка есть то, что онъ есть отъ рожденія. Это врожденное образуется воспитаніемъ, развивается жизнью и получаетъ доброе или худое направленіе; но оно всегда остается въ человѣкѣ. Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку.

Первое время воспитанія особенно должно быть посвящено утвержденію хо-

рошихъ привычекъ; основою всѣхъ другихъ привычекъ должна быть привычка къ повиновенію. Сила привычки доказывается ловкостью правой руки, которая, привыкая дѣйствовать болѣе лѣвой, несравненно искуснѣе, нежели лѣвая. Если бы въ первые годы закрыть лѣвый глазъ и глядѣть только правымъ, то, конечно, произошла бы между ними большая разница; но ихъ дѣйствіе болѣе совокупное, нежели дѣйствіе рукъ. Отъ чего нѣтъ разницы въ нашихъ ногахъ? Онѣ всегда обѣ дѣйствуютъ совокупно.

Привычка производится собственнымъ опытомъ, влияніемъ вышнихъ обстоятельствъ, вспомогательнымъ и постояннымъ содѣйствіемъ воспитанія. Послѣднее тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ согласнѣе съ дѣйствіемъ опыта и чѣмъ болѣе властвуетъ обстоятельствами. Привычки могутъ быть умственные, нравственныя и физическія. Чѣмъ скорѣе угадаетъ воспитатель тайну природы, то есть врожденные качества — и умственныя и нравственныя и физическія — воспитанника, тѣмъ удачнѣе будетъ дѣйствовать на произведеніе благихъ привычекъ, способствующихъ развитію добрыхъ и подавленію худыхъ врожденныхъ качествъ. Дѣло воспитанія состоитъ въ поостроеніи возможнаго лучшаго на тѣхъ условіяхъ, какія первоначально положила природа.

Что такое привычка? Утвержденный образъ дѣйствія физически или умственно или нравственно. Этотъ образъ дѣйствія отъ многократнаго произвольнаго повторенія становится постояннымъ, непроизвольнымъ, и наконецъ сливается неразрывно съ тѣломъ, умомъ и волею. Дарованіе добрыхъ привычекъ и уничтоженіе худыхъ есть дѣло воспитанія. Привычка не мѣшаетъ свободѣ; ею только облегчаются дѣйствія свободной воли. Изъ сего слѣдуетъ, что воспитаніе есть положеніе твердаго основанія дѣйствіямъ нашего ума и воли посредствомъ утвержденія добрыхъ привычекъ въ то время, когда онѣ въ насъ легко укореняются.

Привычка основана на сцѣпленіи идей;

сѣзленіе идей основано на сходствѣ, противоположности и современности. Изученіе языка основано на сѣзленіи идей, происходящихъ отъ современности. Ребенокъ видитъ глазами столъ, въ его умѣ происходитъ чувственное впечатлѣніе стола, умственный образъ стола; если современно съ этимъ впечатлѣніемъ пропнесено будетъ слово столъ, сіе слово соединяется въ умѣ съ умственнымъ образомъ. Послѣ матеріальный видъ стола пробуждаетъ въ умѣ слово *столъ*; или наоборотъ, пропнесенное слово *столъ* возобновляетъ въ умѣ умственный видъ стола, и такимъ образомъ звукъ соединяется съ понятіемъ, съ конемъ онъ современно возбужденъ былъ въ умѣ. Повтореніе сего современнаго возбужденія производитъ привычку. Такимъ образомъ всѣ предметы умственные соединяются въ умѣ съ представляющими ихъ звуками, и наоборотъ. Ребенокъ, наконецъ, имѣетъ языкъ. Ребенокъ научается ходить — отъ привычки наблюдать или сохранять равновѣсіе; научается разсуждать — отъ привычки сравнивать, замѣчать отношенія, выводить заключенія. Все привычка. Привычка есть одинъ изъ главнѣйшихъ способовъ природы и воспитанія. Не даромъ говоритъ пословица: *привычка дружитъ природу*. Это неоспоримо—истина.

Чтобы составить себѣ ясное теоретическое понятіе о главныхъ правилахъ воспитанія, надобно сперва утвердить понятіе о назначеніи человѣка вообще, рассмотреть его природу, его тѣлесныя и умственные качества, и опредѣлить вообще средства, какъ усовершенствовать его добрыя и исправить его худыя наклонности. Сей общій взглядъ на человѣка будетъ то же, что карта для путешественника, не дающая понятія о землѣ, чрезъ которую надлежитъ проходить, но необходимая, дабы знать свою дорогу; все остальное откроетъ самое путешествіе. Какъ для успѣшнаго путешествія нужно имѣть предварительное сѣзденіе о мѣстной природѣ посѣщаемой страны, о

ея исторіи, о языкѣ въ ней царствующемъ; такъ и для успѣшнаго воспитанія, сверхъ общихъ познаній о человѣкѣ и его свойствахъ, нужно знать особенную природу воспитанника и руководствоваться частными наблюденіями, дабы умѣть призмѣнять практически общую теорію къ частности и сею частностію измѣнять общее. Ибо нѣтъ теоріи, которая могла бы обнимать все частное. Теорія, повторяю, есть карта, необходимая для путешественника; практика есть самое путешествіе, которое только съ картою будетъ вѣрно, безъ карты же будетъ на угадъ и не приведетъ къ цѣли или приведетъ къ ней длинными обходами съ бесполезною утратою времени. Теорія безъ практики—Прокустова кровать; практика безъ теоріи—корабль безъ руля.

Въ идеѣ, которая мало по малу образуется въ ребенкѣ о силѣ, справедливости и любви къ нему родителей, заключается и то понятіе, которое послѣ онъ получаетъ о власти, правосудіи и любви Божіей. Зависимость отъ власти родителей, и впоследствии безусловная ей покорность, есть приготовленіе къ живой дѣятельной вѣрѣ. Привыкнувъ чувствовать зависимость, ребенокъ научается покорности, которая есть не иное что, какъ произвольное признаніе необходимой высшей, хранительной власти. Сперва ребенокъ по привычкѣ узнаетъ непоколебимость силы, имъ управляющей, которой онъ принужденъ покориться; эта привычка обрабадается потомъ въ ясное понятіе о мудрой власти, которой онъ покориться долженъ. Если наблюдаена будетъ сія постепенность, то произвольная покорность весьма легко будетъ согласована съ чувствомъ свободы, и не повредитъ самостоятельности характера. Переходъ сей необходимъ. Руссо его не опредѣлялъ: онъ хочетъ необходимости и отвергаетъ покорность. Но послѣднее выше первой.

Многія отдѣльныя замѣчанія Руссо весьма справедливы и убѣдительно; но изъ всѣхъ сихъ отдѣльно справедливыхъ

замѣчаний выходить въ цѣломъ что-то чудовищное. Когда въ концѣ второй книги онъ излагаетъ результатъ младенческаго воспитанія и описываетъ своего Эмиля готовымъ ребенкомъ, мы видимъ передъ собою что-то несбыточное, существо, какаго нѣтъ и быть не можетъ, созданіе парадоксальнаго ума, который все насильственно втѣснялъ въ свою теорію и никогда не зналъ существеннаго. Система Руссо, такъ называемая система природы, есть уродство: онъ образуетъ своего Эмиля для такого порядка, котораго нѣтъ и быть не можетъ и никогда не бывало. Мечтая о свободѣ и о совершенной независимости отъ всѣхъ условій общества, онъ и изъ воспитанія исключаетъ всякую зависимость. Его воспитанникъ не знаетъ, что такое покорность, даже не имѣетъ никакихъ привычекъ. Онъ покоряется одной необходимости, и то, что онъ дѣлалъ вчера, не имѣетъ вліянія на то, что онъ дѣлаетъ нынче. Это легко говорить и писать; но на дѣлѣ этого быть не можетъ, и быть не должно. Въ насъ все привычка, и нынѣшній я есть результатъ вчерашняго и всѣхъ прежнихъ; мы привыкаемъ ходить, глядѣть, слушать, осязать, думать, говорить — все дѣло воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы дать тѣлу и душѣ хорошей привычки и чтобы воспитанникъ получилъ эти привычки самобытно, собственнымъ опытомъ, съ развитіемъ ума и воли, и чтобы направленіе, которое воспитаніе даетъ сему развитію, было согласовано съ полною свободою, которая не иное что, какъ произвольная, твердая, постоянная покорность долгу, сказалъ однимъ словомъ: уничтоженіе своей воли передъ высшею Божіею волею.

IV. ИСКУССТВО.

ОБЪ ИЗЦПЛОМЪ ИСКУССТВЪ. -

Искусство — поэзія въ разныхъ формахъ; источникъ искусства — творческая сила человѣка, посредствомъ которой онъ посреди творенія Вожія другими сред-

ствами творить то же, что въ глазахъ его сотворено природою; его матеріалы для творенія суть: слово, звукъ, краска, твердая матерія. Цѣль искусства — не иное что, какъ самое сіе созданіе, которое въ то же время должно быть и созданіе изящное, то есть пробуждающее въ душѣ сладостное ощущеніе красоты. Красота въ тѣсномъ смыслѣ есть истина, то есть вѣрное сходство изображенія съ изображаемымъ; въ обширномъ смыслѣ красота есть истина идеальная, то есть не одно ощутительное сходство выраженія съ выражаемымъ, но и соединеніе съ нимъ того, что неоощутительно, что единственно существуетъ въ душѣ человѣческой, постигающей нечто высшее, нѣтъ видимой матеріальной природы существующее, и свойственное сея божественной природѣ. Однимъ словомъ, когда идеаль красота есть Богъ, явно и тайно соприсутствующій въ созданіи и ему сообщающій красоту живую, одной человѣческой душѣ откровенную. Искусство принадлежитъ землѣ; оно украшаетъ земную жизнь; его произведенія составляютъ памятники неизмѣнные посреди измѣняющихся явленій міра; но оно не переходитъ съ нами за границу земнаго.

Говоря о красотѣ природы, Гумбольдтъ исчисляеть, какъ ее въ разныхъ народахъ, отъ древнихъ временъ до нашего, изображали поэты и живописцы. Весьма жаль, что онъ самъ не сталъ на мѣсто поэта и живописца и не пролетѣлъ живымъ воспоминаніемъ по всей землѣ, чтобы указать на разные виды красоты, въ разныхъ частяхъ міра, подъ разными зонами, посреди льдовъ полярныхъ, посреди песковъ Сахары, посреди горъ Кордильерскихъ, на океанѣ, на островахъ, на берегахъ великихъ рѣкъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ народовъ, ихъ нравовъ и обычаевъ, подъ вліяніемъ оставшихся отъ древности памятниковъ, говорящихъ о прошедшемъ человѣческаго рода, какъ горы и окаменѣлости говорить о прошедшемъ земли, подъ вліяніемъ есте-

ственных феноменовъ: землетрясеній, урагановъ, сѣверныхъ сіяній и другихъ величественныхъ явленій физическаго міра. Своимъ могучимъ словомъ онъ произвелъ бы нѣчто разительное, и въ его картинахъ самъ собою отразился бы, хотя и не названный имъ, Создатель міра, источникъ его красоты несказанной.

Въ молодости, предпринимая трудъ поэтическій, мы думаемъ о славѣ и върнемъ славу. Въ зрѣлые дни, болѣе разсматривая, что такое слава, и поиявъ болѣе жизнь, мы трудимся для прелести труда; мысль объ одобреніи людей съ нею соединяется, но это одобреніе не есть уже цѣль. Подходя къ концу своей дорожки, мы болѣе обращаемся во внутренность себя и смотримъ за границу жизни: сама жизнь становится уже нѣчто второстепенное, вышнее и намъ мало принадлежащее.

Цѣль искусства есть одно твореніе. Красота творенія заключается въ истинѣ. Чѣмъ ближе къ своему образцу, къ природѣ и къ ея источнику, тѣмъ прекраснѣе и совершеннѣе произведеніе искусства. Цѣль ремесла также твореніе, но твореніе для нѣкоторой пользы. Ремесло заимствуетъ у искусства матеріальную красоту, состоящую въ правильности, въ порядкѣ, симметріи, чистотѣ отдѣлки, и даже пользуется изящнымъ искусствомъ для украшенія. Но въ такомъ случаѣ искусство подчинено ремеслу, котораго характеръ не красота, а польза. Если же украшенія искусства столь значительны сами по себѣ, что они затмеваютъ пользу ремесленного произведенія, тогда сіе послѣднее уступаетъ произведенію искусства. Если бы Рафаэль вздумалъ расписывать дверцы кареты, то эта карета потеряла бы свое достоинство какъ карета, и ея дверцы сдѣлались бы картиною.

Характеръ генія есть могучее творчество. Онъ не творитъ поваго, то есть не даетъ бытія несуществующему. Но онъ постигаетъ истину или существующее быстрымъ и всеобъемлющимъ образомъ,

такъ что сіе быстрое, легкое, такъ сказать, внезапное постыженіе кажется созданіемъ. Геній все существующее въ природѣ и заключающееся въ наукѣ обращаетъ въ свою соотвѣстность и всему имъ приобретаемому даетъ единство. Это дарованіе единства разнообразному есть особенный характеръ генія. Для него нѣтъ безпорядка; все входитъ въ составъ одного цѣлаго. Въ произведеніяхъ искусства, поэзіи, литературы, науки—геній болѣе выражается въ планѣ и въ созданіи цѣлаго; исполненіе есть уже необходимое слѣдствіе сего созданія. Таинство заключается болѣе въ исполненіи; онъ болѣе выражается въ совершенствѣ нѣкоторыхъ частей; онъ, такъ сказать, есть форма, есть слогъ созданія.

исторія и историческая живопись.

Три рода историковъ. Одинъ занемываетъ то, что происходитъ въ настоящую минуту, не заботясь о причинахъ и послѣдствіяхъ, не имѣя даже возможности опредѣлять ихъ; онъ ограничиваетъ тѣснымъ горизонтомъ современности, онъ описываетъ то, что видитъ, что можетъ обнять глазомъ; его достоинство и обязанность: вѣрность, живость изображенія, богатство мелкихъ подробностей, сходство описанія съ описываемымъ; и въ этомъ описаніи равно живо выражаются и личность описателя, страсти имъ владѣющія, его любовь, его ненависть, и личный характеръ того времени, подъ вліяніемъ котораго онъ пишетъ. Это не историкъ, а лѣтописецъ. Другой историкъ представляетъ событія въ ихъ цѣломъ, онъ обнимаетъ горизонтъ обширный, изображаетъ живо, но изображаетъ не подробности, а всю массу; посреди толпы дѣйствующихъ замѣчаетъ онъ только главныхъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ предпочтительно преслѣдуетъ посреди множества другихъ, имъ содѣйствующихъ, и выказывая особенно ихъ образы, приводитъ чрезъ то въ порядокъ безпорядочное движеніе многолюдства; его лица получаютъ объемъ, выходящій за границу природы, не удаляясь

оъ нея, и его истина не есть мелкая, частная, а вслщественная, сборная истина, результатъ ума, творящаго изъ подробностей цѣлое. Третій историкъ представляетъ событія не только въ цѣломъ, — онъ видитъ ихъ причины и угадываетъ ихъ послѣдствія. Онъ соединяетъ судьбу настоящаго съ намѣреніями Промысла; онъ изясняетъ тайную власть неизмѣнимаго Бога посреди измѣняющагося потока событій; онъ пророчитъ судъ Божій, еще скрытый въ тайнѣ грядущаго; онъ — вѣдатель минувшаго, зритель настоящаго, прорицатель будущаго, онъ проповѣдникъ Бога въ дѣлахъ человѣческихъ; его образы, не теряя своей естественности, получаютъ величіе символическое и становятся эмблемами невидимаго божественнаго міра посреди видимыхъ событій міра человѣческаго. Сін три характера можетъ вмѣстѣ и живопись историческая. Или живописецъ представляетъ, какъ аппалистъ, одну настоящую минуту: характеръ его тогда одна только прозаическая правда; или онъ пишетъ, какъ историкъ: тогда картина его поражаетъ огромностью композиціи; или, какъ историкъ-проповѣдникъ, выражаетъ онъ идеальное въ матеріальномъ, высшее въ ежедневномъ: тогда въ картинѣ его первенствуетъ мысль, и онъ вполне удовлетворяетъ требованіямъ живописи исторической. Леснигъ въ своемъ Гусеѣ есть аппалистъ. Воображаю живописца, который, ничего не вѣдая о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, заѣхалъ въ Констанцъ во время собора. Идя по улицѣ, онъ увидѣлъ толпу народа передъ палатою засѣданій; множество тѣснилось къ дверямъ, каждому хотѣлось посмотрѣть сквозь замочную скважницу. И живописцу удалось протѣсниться къ этой скважинѣ. Онъ увидѣлъ блѣднаго старика съ книгою въ рукахъ, посреди кардиналовъ, епископовъ и монаховъ; старикъ что-то просегадушно изясняетъ своимъ слушателямъ. Живописцу эта сцена понравилась; онъ пашель, что можетъ написать хорошую картину; и онъ написалъ, что видѣлъ — какъ ви-

дѣлъ, но и самъ не зная, что видѣлъ; написалъ прекрасно; но поставилъ зрителя своего въ то же положеніе, въ какомъ онъ самъ находился: зритель глядитъ сквозь замочную скважницу; онъ видитъ сцену, не имѣющую никакой идеальной значительности, но въ изображеніи которой съ удивительнымъ мастерствомъ сохранена вся матеріальная истина.

Теперь укажу на картину, которая, хотя и не перешла еще изъ создавшаго ее воображенія на холстину, но уже въ составѣ своемъ соединяетъ всѣ достоинства исторической живописи.

Въ Берлинѣ предположено построить Campo Santo, по плану, сдѣланному самимъ королемъ. Стѣны аркадъ, которыми должны съ двухъ сторонъ примыкать къ церкви, будутъ покрыты фресками, для которыхъ картоны уже приготовлены знаменитымъ Корпеліусомъ. Въ самой же церкви будетъ только одна картина: изображеніе страшнаго суда. Идея этой картины также принадлежитъ самому королю; для ея исполненія поручено приготовить картоны тремъ первымъ живописцамъ нашего времени [первымъ вѣсть съ Овербекомъ въ христіанской живописи]: Корпеліусу, Фейту и Штейнле. До сихъ поръ ни одному живописцу не удалось изобразить страшный судъ такъ, чтобы великій предметъ былъ выраженъ достойнымъ его образомъ, и чтобы вполне удовлетворены были требованія искусства. Микель Анжелю наполнилъ картину свою высокими образами, но главная мысль исчезаетъ въ подробностяхъ; праведники нѣкого не отличаютъ своимъ блаженствомъ, а осужденные и дьяволы портятъ величіе предмета отвратительными сценами, посреди ихъ пронеходящими. Какъ выразить въ одну время и небо, и рай, и адъ, и землю? Король рѣшилъ это. Онъ ограничился однимъ небомъ, оставивъ остальное воображенію. Все небо въ соборѣ. Верховный Судія, готовый произнести свой приговоръ, воссѣдаетъ посреди него на престолѣ славы; съ одной стороны Богоматерь, съ другой Іоаннъ

Креститель, за ними всё образы тѣхъ, для которыхъ уже не можетъ быть страшнаго суда и которые должны быть только его свидѣтелями, всё представители миновавшей судьбы человечества, всё дѣйствователи древняго и новаго завета, отъ Адама до святителей церкви, мучениковъ и царей блаженныхъ. Пространство наполнено ангелами; они летаютъ между небомъ и землею, перенося отъ людей молитвы къ Богу, отъ Бога милосердіе людямъ. Одинъ [отъ другихъ отдѣленный] стоитъ ангелъ, возвѣститель суда; въ рукахъ его труба, готовая возглаголють наступленіе страшнаго часа; онъ ждетъ на то повелительнаго слова, и глаза его устремлены на Судію Всевышняго, и вмѣстѣ съ нимъ все небо смотритъ на этого Судію, преполненное ожиданія. Но слово его еще не произнесено; надъ землею таинственно простираются облака, сокрывающія отъ нея происходящее въ вышнихъ. Когда наступитъ этотъ часъ, кто знаетъ? Для тѣхъ, кто на небесахъ, онъ уже насталъ, ибо они въ вѣчности, гдѣ все сливается въ настоящее; для земли онъ еще въ невѣдомомъ будущемъ. Состояніе этой ожидающей, но покровенной мракомъ невѣдній земли, прекрасно и трогательно выразилъ царственный живописецъ, представивъ на ней самого себя съ семействомъ и съ современниками, молящихся и ожидающихъ. Такимъ образомъ многообъемлющій предметъ изображенъ на картинѣ весь, съ сохраненіемъ необходимаго единства. Передъ глазами одни высокие образы, представители всего прошедшаго; ихъ ожиданіе говоритъ о неминуемомъ будущемъ, а молитва стоящихъ на землѣ выражаетъ настоящее. Воображеніе все дополняетъ, рисуя безъ красокъ то, чего не могутъ изобразить краски: воскресеніе мертвыхъ, блаженство праведныхъ и муки осужденныхъ. Этой картины одной довольно для церкви. Она представляетъ весь ходъ христіанства, котораго эпохи соединены въ одно великое соприсутствіе; она говоритъ стоящимъ во храмѣ: «передъ вами

все, что было, и все, что будетъ: паденіе, искупленіе и послѣдній часъ временнаго, послѣ котораго наступитъ вѣчность; но когда наступитъ она, вамъ неизвѣстно. Бодрствуйте—и молитесь».

У. МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ.

ДУША ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ И РОДЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ.

Родъ человѣческій принадлежитъ землѣ; человѣкъ, или правильнѣе, душа человѣческая принадлежитъ высшему міру. Общество человѣческое ограничено тѣсными предѣлами временнаго: все, служащее для развитія общества, имѣетъ характеръ этой ограниченности. Человѣкъ отдѣльно [т. е. душа живая, безсмертная] выше, нежели родъ человѣческій взятый вмѣстѣ, не умирающій, пока стоитъ земля, но прикованный къ ней и отъ нея неотдѣлимый. Онъ тоже, что человѣческое тѣло. Онъ не иное что, какъ театръ дѣйствія души, такъ какъ тѣло ея орудіе для сихъ дѣйствій. Умъ человѣческій роется въ пыли временнаго и творитъ свои мимо безсмертныя созданія для временнаго. Онъ наблюдаетъ природу и ея жизнь для порядка общественнаго; цѣль его положительная польза, но она въ тѣсныхъ границахъ матеріальности; науки, искусства, гражданственность,— все это для ограниченнаго здѣшняго міра, для человѣка, запертаго въ темницу человѣческаго рода. Достаточно ли это для души человѣческой? Нѣтъ. Она принадлежитъ иному міру. То, что составляетъ ея достояніе въ этомъ иномъ мірѣ, получаетъ она независимо отъ здѣшняго— это достояніе есть Богъ, и Богъ откровенный: этотъ Богъ не есть идея ума, извлеченная имъ изъ міра матеріальнаго и его отношеній; эта идея есть собственность самой души, непосредственно изъ самаго источника истекающая: и родъ человѣческій и земля, отведенная ему на житіе, суть только явленія, посредники и на сценѣ которыхъ душа развиваетъ врожденное понятіе о Богѣ и вводится

въ непосредственное съ Нимъ соединеніе благодатию христіанства.

СВОБОДА ПРЕПОДАВАНІЯ.

Можетъ ли существовать полная свобода преподаванія въ университетахъ или пѣтъ? Конечно, пѣтъ. Преподаватель, принимая обязанность профессора, входитъ въ условія съ правительствомъ дѣйствовать согласно съ нимъ, а не противудѣйствовать установленному порядку, въ составъ котораго входитъ и публичное образованіе. Въ предметахъ чистой науки преподаватель, конечно, слѣдуетъ своимъ мнѣніямъ и не можетъ быть никакими предѣлами ограниченъ: условіе одно, чтобы онъ зналъ свое дѣло. Въ его способностяхъ и знаніяхъ правительство должно быть убѣждено предварительно. Получивъ право преподаванія, на семь убѣжденій основанное, онъ дѣйствуетъ самобытно,—ибо въ наукѣ и самыя заблужденія, въ кои можетъ впасть скорѣе самый знающій, служатъ къ ея распространенію. Но въ предметахъ преподаванія, кои относятся къ религіи, политикѣ и нравственности, сія самобытность должна быть ограничена предварительнымъ условіемъ съ правительствомъ, что преподаватель будетъ дѣйствовать въ смыслѣ религіи, установленнаго порядка и нравственности. Если изъ преподаванія его окажется, что онъ имъ противудѣйствуетъ, то условіе уничтожено и правительство въ правѣ удалить преподавателя отъ мѣста имъ даннаго на условіи, имъ нарушенномъ. Главный вопросъ, на который долженъ отвѣчать профессоръ теологіи [какой бы то ни было отрасли] есть: вѣришь ли ты во Христа? Если онъ отвѣчаетъ: вѣрю,—то онъ получаетъ право преподаванія. Если изъ преподаванія окажется, что онъ не вѣритъ, то онъ самъ себя онаго лишаетъ. Если онъ, не смотря на свое невѣріе, захочетъ сохранить свое мѣсто, то онъ и передъ совѣстію и передъ людьми становится лжецомъ и воромъ, и не долженъ быть терпимъ на своемъ мѣстѣ. Крикуны журналисты за-

щищаютъ неограниченность свободы преподаванія только потому, что всякая обязанность имъ противна и что имъ въ области мысли такая же пужла анархія, какую они желали бы ввести въ самое общество. Первое они готовятъ послѣднимъ. Или лучше сказать, они дѣйствуютъ безъ ясной цѣли. Имъ въ настоящемъ дѣлѣ только двѣ вещи: не обузданность мысли и дѣйствій и деньги, скопляемыя на счетъ нравственности и порядка.

ЦЕПЗУРА.

Общество гражданское въ Европѣ достигло до своего полнаго развитія въ своей матеріальной части, т. е. въ опредѣленіи отношенія человѣка къ человѣку, въ опредѣленіи правъ и въ огражденіи ихъ закономъ. Человѣкъ вышелъ изъ состоянія природы, въ которомъ онъ враждуетъ со всѣмъ его окружающимъ, и вошелъ въ состояніе гражданства, въ которомъ онъ другъ и помощникъ и защитникъ своего согражданина, обуздавъ свою вредоносную волю закономъ.

СИЛА ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Человѣкъ ничего не можетъ творить на будущее время. Онъ можетъ только прибавлять въ настоящемъ песчинку къ песчинкамъ, изъ которыхъ время создастъ гору. Какъ ни могуче море, оно не можетъ въ мгновеніе создать песчаной дюны: ее создаетъ сила вѣтровъ. Дѣйствуя въ свою минуту на своемъ мѣстѣ, во благо, какъ велитъ Богъ, тогда твое дѣйствіе въ цѣломъ будетъ благо, то есть благо самаго Бога, Который творитъ въ цѣломъ. И величайшій гений не можетъ перешагнуть минуты; его натура есть ничто пророческое, предугадывающее будущее; но горе, если онъ этому дару угадывать будущее пожертвуетъ смиренною покорностію настоящему, котораго характеръ есть исполненіе воли Божіей, слѣдственно верховная правда. Сила гения есть въ то же время и великое неукнушеніе и великая слабость. Онъ увлекаетъ

человѣка ограниченнаго заступитъ мѣсто неограниченной силы, и тогда онъ только убѣждается въ своемъ безнліи и въ разрушимости своего созданія.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Мы не имѣемъ понятія о человѣкѣ въ чистомъ состояніи природы, то есть въ совершенной независимости отъ человѣка, или простѣе, внѣ всякаго общества. Такой человѣкъ, если бы онъ могъ существовать, былъ бы врагомъ всему, его окружающему, не по злобѣ, а по необходимости сохранять бытіе, какъ всякой другой хищный звѣрь, терзающей добычу свою не отъ злобы, а для утоленія голода или для своей защиты. Но человѣка внѣ общества никогда не существовало. Первый человѣкъ созданъ совершеннымъ. Въ своемъ паденіи имѣлъ онъ уже семейство; и съ той поры человѣкъ родится окруженный семействомъ, то есть родится членомъ общества болѣе или мене многолюднаго. Въ семействѣ все начала гражданскаго общества. Гражданское общество составилось не по правиламъ, а правила извлечены изъ его постояннаго развитія. Пока сіи правила составляютъ только привычки, переходяція по преданію отъ отца къ сыну, пока они не выражены словомъ, не опредѣлены закономъ, утвержденнымъ на общемъ согласіи и служащимъ обороною для личной безопасности и собственности, по тѣхъ поръ общество въ состояніи дикомъ. Изъ дикаго состоянія въ гражданское переходить оно съ развитіемъ общечлнтя, которое производится *политически* положительнымъ гражданскимъ закономъ, опредѣляющимъ права, ограждающимъ собственность и безопасность личную, *умственно* и *правственно* наукою, — что все дополняется христіанствомъ [не говорю религію, ибо всякая нехристіанская религія есть только одинъ *provisio* въ ожиданіи христіанства]. И законъ положительный и религія полагаютъ границы свободѣ личной и чрезъ то утверждаютъ свободу гражданскую,

единственно возможную. [Свобода гражданская состоитъ въ полной возможности дѣлать все то, что не запрещено закономъ, то есть въ подчиненіи воли своей волѣ законовъ; высшая свобода, или свобода христіанская, состоитъ въ уничтоженіи своей воли предъ вышшею волею Бога Спасителя].

ОБЩЕЕ БЛАГО.

Дашковъ сказалъ: нельзя жертвовать общимъ благомъ частному, хотя бы то было основано и на несправедливости. Правительство не должно признаваться въ несправедливости, оказанной лицу частному. Это правило вредное. Надобно, чтобы правительство признавало выше всего справедливость. Благо общее, пѣчто неопредѣленное, существующее въ идеѣ, болѣе или менѣе несправедливой, можетъ ли быть предпочтено справедливости частной, опредѣленной, вѣрному? Въ такомъ случаѣ правительство дѣйствуетъ такъ же, какъ всякій мятежникъ, прибѣгающій къ преступленію въ настоящемъ для общаго блага въ будущемъ. Чтобы сіи послѣдніе не могли имѣть права дѣйствовать такъ, правительство должно подавать имъ примѣръ: дѣйствія правительства должны быть образцомъ и примѣромъ дѣйствія частныхъ. То, что есть преступленіе для лица, не можетъ быть не преступленіемъ для представителя всѣхъ лицъ, то есть для правительства.

ПОРЯДОКЪ ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

Не государство для порядка, а порядокъ для государства. Если правитель будетъ заботиться объ одномъ порядкѣ исключительно, жертвуя ему благосостояніемъ лицъ, то это будетъ одна декорация: спереди благовидное зрѣлище, сзади перепутанныя веревки, колеса и холстина. Надобно, напротивъ, чтобы видная сторона была благодествіе общее и частное, а порядокъ — сокровенная задняя сторона, невидимо производящая это благовидное устройство.

ПОСТАНОВЛЕНІИ.

Постановленія или институты суть не ограниченіе, а свобода государей. Государь самодержавный имѣетъ только мечтательную власть. Если бы онъ могъ быть въ одно время и повелителемъ и исполнителемъ, то могъ бы ручаться за свое могущество. Но онъ только произноситъ волю, а исполненіе зависитъ отъ повинующихся. Институты подпираютъ волю повелителя и направляютъ, опредѣляютъ повиновеніе исполнителя, подчиняя его двумъ властямъ вмѣсто одной. Институты есть дорога къ цѣли: по ней идутъ, не опасаясь заблудиться, и повелитель и исполнитель. Она есть кормило мореходца. Безъ нее державный кормчій, при всей неограниченной власти своей на кораблѣ правленія, не можетъ странствовать безопасно. Всякое странствованіе его будетъ странствованіемъ Колумба, окруженнаго мятежниками. Онъ можетъ дойти къ цѣли, угадать ее своимъ гениемъ; но успѣхомъ своимъ всегда обязанъ невѣрному счастью. Неограниченная власть не есть всемогущество; напротивъ, въ неограниченности заключается неопредѣленность, слѣдовательно и шаткость. Ты еще не всемогущъ, когда можешь произвольно всегда и вездѣ произносить повелительное слово — но, произнеши его, ты предаешь его на волю твоихъ исполнителей, которые, стараясь только твою волю угадывать, и не имѣя твердыхъ правилъ дѣйствовать, покорствуютъ только тебѣ, а не правиламъ, утвержденнымъ самимъ тобою, они искажаютъ волю твою своимъ рабскимъ повиновеніемъ, и дѣйствуютъ вопреки благу [цѣли твоей], ибо имѣютъ въ виду только тебя. А что, если къ тому еще примѣшаются страсти честолюбія и корысти? Институты суть зеркало государя и подданныхъ. Они лампада правленія. При нихъ властитель видитъ и цѣль свою, видитъ и дѣйствующихъ въ исполненіи воли его, которая не иное что, какъ голосъ и сила незыблагаго закона. Институты суть катихизисъ правителя и

подданныхъ. Безъ правилъ незыблемыхъ цѣль и власти незыблемой, цѣль и повиновенія твердаго.

ЛЮБОВЬ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Мѣры нашего правительства клонятся къ тому, чтобы снова затворить тѣ двери, которыя Петръ отворилъ въ Европу. Вотъ для чего надобно платить по 50 талеровъ съ головы въ годъ за пребываніе за границею, возвращаться черезъ каждые 5 лѣтъ домой, продавать имѣніе жены, коль скоро мужъ иностранецъ, и еще Богъ знаетъ что будетъ. Нельзя заставить насильно любить отечество. Принуждать не покладать отечество—есть возбуждать желаніе его покинуть. Средство фальшивое. То же, что нетерпимость. Преслѣдуя за религію, произведешь мученичество и угодишь однимъ палачамъ. Прикуй къ отечеству, и заставишь его возненавидѣть. Нѣтъ! Сдѣлайте, чтобы намъ было хорошо на родинѣ, и смѣло отворите пастежь дверь на чужбину. Не мѣшайте никому жить, какъ онъ хочетъ, *про себя*; тогда онъ будетъ съ любовью жить *про васъ*. Пусть будетъ каждый покоенъ и счастливъ *дома*—тогда онъ будетъ дорожить покоемъ и счастьемъ *государства*, ограждающаго домъ. Уважайте святыню *семейной жизни*, тогда будетъ уважаема святыня *власти государственной*. Однимъ словомъ: основывайте благо *общее* на благѣ *частномъ*; тогда каждый частно будетъ другомъ *общаго блага*. Храните *законъ*, произведете *законность*.

ГОСУДАРЬ И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

Государь—говорять—удаленъ отъ чело-вѣчества и простыя чувства чело-вѣческія ему чужды. Последнее несправедливо: государь знакомится съ чело-вѣчествомъ въ семьѣ своей и въ этомъ отношеніи онъ равенъ всякому другому чело-вѣку. Если по своему положенію онъ не можетъ знать всѣхъ частныхъ чело-вѣческой жизни, подобно чело-вѣку, стоящему на башнѣ, съ высоты которой не можно ему видѣть въ лицо всѣхъ людей, ее окружающихъ,

ва то онъ видитъ всю ихъ массу, о которой не можетъ имѣть понятія тотъ, кто въ толпѣ.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ЦАРЯ.

Главная добродѣтель властителя должна быть *терпѣливость*. Онъ долженъ быть смиреннымъ исполнителемъ воли Провидѣнія; его всемогущество относительно народа должно быть смиреніемъ относительно Бога. Твори надъ народомъ Божию волю, онъ долженъ ей подчинять безусловно свою собственную. Если, посягая добро на нивѣ народнаго блага, онъ захочетъ насильственно произвести входы своихъ сѣмянъ и пожать преждевременно плоды ихъ, то онъ будетъ дѣйствовать только въ смыслѣ одной собственной власти, а не въ смыслѣ власти верховной. Сѣй сѣмяна блага, но жди отъ Промысла благотворнаго дождя и свѣта для созрѣнія сѣмянъ твоихъ. Иными словами: твори добро, но жди съ терпѣніемъ плодовъ его. Нетерпѣніе видѣть успѣхъ [зависящій не отъ насъ, а отъ Бога и отъ нашего постоянного содѣйствія Его воли] есть эгоизмъ, весьма свойственный властителю. Онъ слишкомъ подверженъ опасности видѣть въ неограниченности власти всемогущество. Но всемогущество принадлежитъ одному Богу; горе тому, кто замыслилъ его себѣ присвоить; онъ познаетъ только слабость свою, гибельную и для него самого, и для тѣхъ, кто подверженъ его власти. Твори благо не для себя, а для народа; не жди исполненія при себѣ добрыхъ твоихъ замысловъ; не ищи наслажденія видѣть ихъ исполненными; будь счастливъ чувствомъ своей чистоты и своего безкорыстнаго дѣйствія для блага, своимъ смиреніемъ передъ Богомъ, твоимъ всемогущимъ сподвижникомъ. Смотри въ будущее и вѣрь, что придетъ минута, въ которую Богъ благословитъ твою на Него надежду; удобряй почву царства, не мысля о жатвѣ, не падаясь даже, чтобы и твой наслѣдникъ ее собралъ; но въ настоящемъ довольствуясь чистымъ дѣйствіемъ для блага,

живи въ будущемъ, и всеяя твоему наслѣднику то же смиреніе—добро творить Богъ, а не люди. Оно будетъ, когда творящій его творитъ во имя Бога. Когда будетъ?—это Его дѣло. Намъ принадлежитъ только *одна* минута, и правда въ эту *одну* минуту и вѣра въ будущее, безъ всякаго желанія властвовать будущимъ, которое все во власти Того, Кто одинъ всемогущъ и Который равно дѣйствуетъ и въ каждое быстропролетающее мгновеніе и въ вѣчности, неизмѣнно Ему одному подвластной.

ДИСЦИПЛИНА.

Дисциплины не должно смѣшивать съ законностію. Дисциплина есть законъ такого общества, гдѣ нѣтъ гражданъ, ни собственности, ни безопасности, —гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ огромной массы, огромной машины, подчиненной закону необходимости, совпадающему съ закономъ механическимъ.

ДЕСПОТИЗМЪ.

Тамъ нѣтъ народнаго благоденствія, гдѣ народъ чувствуетъ себя подъ стѣпяющимъ вѣяніемъ какой-то невидимой власти, которая вкрадывается во все и бременить тебя во все минуты жизни, хотя впрочемъ до тебя непосредственно и не касается. Это стѣпенительное чувство, которое портитъ жизнь, бываетъ въ такомъ случаѣ, когда правительство вмѣшивается не въ одну публичную жизнь, но хочетъ распоряжаться и лично и домашнюю жизнь, когда ему до всего нужда, до нашего платья, до нашихъ забавъ, до нашего дома, когда мы вѣчно подъ надзоромъ полиціи. Въ такомъ случаѣ власть отъ верховнаго властителя переходитъ къ исполнителямъ власти, и въ нихъ становится не только обременительною, но и несправедливою. Въ государствѣ демократическомъ чувствуешь себя такъ же стѣненнымъ; тамъ власть не на тронѣ, а на улицѣ, не въ порфирѣ, а въ лохмотьяхъ; властвуетъ не одинъ, а толпа; тамъ личная свобода,

огражденная закономъ, по подчиненная верховной власти, не признаетъ въ толпѣ ни закона, ни власти. И чернь, гордая свободою, становится, такъ сказать, сама мучительнымъ закономъ, отъ котораго нѣтъ нигдѣ убѣжища; она не наблюдаетъ закона, который, въ свою очередь, давая всею одинаковую гарантію, тѣмъ самымъ отдастъ того, кто чтить законъ по мѣрѣ правотвенности и просвѣщенія, на жертву тому, кто, не имѣя сеи узды, безпрестанно его нарушаетъ насчетъ безопасности общей.

УЧЕНІЕ И ДѢЙСТВІЕ.

Доктрины [ученія] производятъ дѣйствія, изъ дѣйствій въ свою очередь развиваются ученія: въ этомъ кругѣ все обращается. Каково ученіе, таковы и дѣйствія. Крестовые походы были слѣдствіемъ возбудительнаго ученія римской церкви, утвердившаго могущество папъ; злоупотребленіе папской власти произвело оппозицію реформаторовъ; реформація, потрясшая авторитетъ римской церкви, произвела релігіозныя войны, возмущенія и, наконецъ, тридцатилѣтнюю войною измѣнила политическую систему Европы, — съ одной стороны сокрушилось всемогущество Рима, съ другой образовался чудовищный деспотизмъ королей французскихъ; свобода мысли, пробужденная реформаціею, и релігіозный развратъ двора Людовика произвели сильнѣйшую, но враждебную умственную дѣятельность въ Европѣ, которая съ помощію безправственной эпохи регентства обратилась въ разрушительную философію ХVIII вѣка; сія послѣдняя, подковавъ все основанія общества, выразилась наконецъ въ революціи, которая, опернившись на ея доктрины, опрокинула весь прежній порядокъ. Ученіе революціонное, обошедъ Европу и выразившись сперва въ республиканскомъ деспотизмѣ террористовъ и измѣнивъ порядокъ политическій, обратилось на порядокъ общественный; и теперь уже не скептицизмъ дѣйствуетъ своими теоріями противъ христіанства, но вѣсело является

обыкновенное отверженіе всякой релігіи; съ симъ отверженіемъ, которое есть послѣдняя инстанція реформаціи, идетъ рядомъ отверженіе всякой власти, всякаго права, всякаго ограничивающаго буйную страсть постановленія. На этой чертѣ стоитъ теперь европейское общество. Какія дѣйствія и событія истекутъ изъ подобныхъ ученій, это мы можемъ угадать, оглянувшись на прошедшее современное. Въ нашешъ вѣкѣ событія приобрѣли быстроту неимоверную; они также скачутъ по желѣзной дорогѣ, на которой ролю движущей силы играетъ книгопечатаніе: легкимъ паромъ газетъ, журналовъ и брошюръ, по натурѣ своей ничтожнымъ и скоро улетающимъ, приводитъ она въ движеніе гигантскую машину мнѣній, а съ ними и все знаніе общественнаго порядка: бѣда, если отъ негражданина или неразумія или запальчивости кондукторовъ произойдетъ столкновеніе или колеса выпрыгнутъ изъ желѣзной колесницы релей.

САМОДЕРЖАВІЕ.

Самодержавіе есть высшая и самая простая форма верховной власти, если оно соотвѣтствуетъ смыслу своего имени. Самъ держу и самого себя держу. Удобно, чтобы власть была подъ командою воли, подвластной Правдѣ всевышней. Власть: *самъ держу*. Воля: *самого себя держу*. Самодержавіе и то и другое вмѣстѣ. Одна власть или одна воля — нѣтъ самодержавія. *Власть* безъ воли — уродливое самовластіе, восточный деспотизмъ, опирающійся на фатализмъ; *воля* безъ власти — невозможность властвовать. *Власть*, руководимая богоподвѣстною *волею* — самодержавіе во всей чистотѣ его и во всей благотворительной силѣ.

Любовь къ самодержавію и чувство спасительности самодержавія вкоренилось въ русскій народъ въ тѣ времена междоусобій и татарскаго ига, въ которыя одна только церковь была независима и говорила однимъ общимъ, для всехъ слышимымъ и для всехъ ободрительнымъ,

языкомъ. А что говорила церковь? Она проповѣдывала вѣрность царямъ и основы алась на томъ, что сія вѣрность есть уставъ Божій, и это тѣмъ было неопровержимѣ, что въ сей вѣрности заключалась тогда единственно возможная безопасность личная и независимость общая; что татарское [общее бѣдствіе] наиболѣе укоренило въ народѣ это чувство, и оно сдѣлалось—не рабскимъ чувствомъ необходимой покорности, предписываемой желѣзною властію одного,—но высокимъ, произвольнымъ, отъ отца къ сыну переходящимъ, силою преданія хранимымъ, церковью освященнымъ чувствомъ, дополнительнымъ членомъ символа вѣры, голосомъ исторіи, знаменіемъ судьбы народной, синонимомъ отечества, однимъ словомъ, религіею, благоговѣніемъ всепароднымъ предъ властію высшею, перешедшею въ земную. Въ царѣ выразилось отечество, и это стало общею вѣрою; а эта вѣра облагородила, освятила покорность и сдѣлалась ея живымъ источникомъ. Эта вѣра далека отъ рабства,—отъ сей насильственной, злобно грызущей цѣпи свои, покорности тюремнаго затворника, не знающаго о своемъ тюремникѣ или его ненавидящаго. Покорность самодержавцу есть благоговѣніе предъ святынею, которой поклонялись отцы и дѣды, отвлеchenно отъ самаго лица самодержца. Восточный деспотизмъ совѣтъ не то, что историческое русское самодержавіе. Восточные рабствующие народы не имѣютъ понятія о святыхъ царской власти: ихъ покорность есть преданіе себя желѣзной необходимости. Одинъ только русскій народъ понимаетъ самодержавіе! И если русскій самодержецъ понимаетъ его въ смыслѣ своего народа — то оно будетъ на все времена наладіумомъ бытія Россіи. Это религія насльдственная отъ праѣдковъ, въ теченіе вѣковъ прешедшая времена бѣды и славы, въ нихъ созрѣвшая и возмужавшая. Иностранцы, судящіе это народное чувство русскаго народа по своему собственному, имъ свойственному, по тому самому не могутъ его

достигнуть; и даже нельзя его имъ сдѣлать понятнымъ, хотя бы и призвать въ свидѣтельство исторію. Русскій царь, понимая это чувство во всей его обширности, не будетъ гордиться, а преполнится смиренія передъ недоступнымъ величіемъ того идеала, который вѣка и судьба земли русскаго вложили въ сердце русскаго народа. И бѣда самодержавію, когда сей идеалъ утратится въ сердцѣ русскаго народа. Сей идеалъ для царской власти былъ до сихъ поръ то же, что церковь для царства. Церковь во времена бѣдствій и ига и междуособій сохранила цѣлость Россіи, несмотря на нашествіе всехъ бѣдствій разврата, произвола, рабства личного, неправды — сихъ враговъ, раздробляющихъ могущество властп. То же скажемъ и о самодержавіи. Россія устоитъ, окрѣпнеть, разовьется и возблагоденствуетъ, и своимъ путемъ дойдетъ до того, къ чему дошли своими путями другіе народы, если царь ея не престанетъ олицетворять въ себѣ тотъ идеалъ самодержавія, который глубоко таится въ душѣ русскаго, вложенный въ нее ея судьбою и слившійся въ пей съ христіанскою вѣрою.

Правда, правда, Божія правда—и болѣе ничего. Вотъ тайна верховной власти и самое легкое средство властвовать: умѣй только во время, не обманывая себя никакими софизмами, вѣрующимъ, полнымъ страха Божія сердцемъ примѣнять Божію правду къ дѣламъ человѣка. Самодержецъ неограниченъ въ исполненіи Божіей правды; монархъ болѣе или менѣе ограниченъ постановленіями, которыхъ сохраненіе, разъ признанное, принадлежитъ уже Божіей правдѣ; республиканское правительство такъ же точно подчинено закону Божіей правды, какъ и самодержецъ. Никто не говори: моя воля; все должны говорить: воля высшая, и въ пей видѣть свою. И такъ, ни самодержецъ, ни монархъ, ни демократія не могутъ слѣдовать одной собственной волѣ. И если свою волю кто изъ нихъ

признать главнымъ источникомъ власти, то изъ законнаго владыки онъ обращается въ беззаконнаго деспота. Воля самодержца такъ же ограничена, какъ воля толпы, съ тою только разницею, что на немъ лежитъ наибольшая отвѣтственность, ибо на одномъ его лицѣ лежитъ *все*, тогда какъ монархъ имѣть своею опорой и ограниченіемъ воли своей постановленія, тогда какъ демократія не лицо, а масса, и отвѣтственность лежитъ на всѣхъ вмѣстѣ, а не на каждомъ особенно. Самодержецъ не имѣть права быть самовластнымъ; когда онъ говоритъ: *я такъ хочу*, онъ долженъ въ то же время присоедишить къ этому слову: *потому что Богъ или Божія правда такъ хочетъ*. Принимать свою волю за высшую волю есть святотатство; произволъ есть нарушение Божіей правды и самый опасный врагъ власти самодержавной, которая въ своей чистотѣ есть высочайшее достоинство, какое только можетъ имѣть на землѣ человекъ смертный. Смирненіе христіанское есть вѣнецъ самодержавія; оно должно быть святѣйшею добродѣтелью самодержца, понеже между христіанами онъ долженъ занимать ближайшее мѣсто къ Богу Спасителю. Но, представляя Бога, онъ не есть Богъ, а только самый могущественный исполнитель Божіей воли, то есть Божіей правды.

Самодержавіе есть форма державной власти самая ближайшая къ власти Божіей, изъ которой всякая власть истекаетъ; потому она можетъ быть и самою *благодѣтельною* властію, ибо она самая сходная съ божественною, и самою *бдѣтвенною* властію, ибо тяжелое бремя исполненія сей власти возложено на слабую человѣческую плеча. Богъ, источникъ земной власти, не подчиненъ никакому закону; Онъ самъ законъ, и законъ неизмѣнный, законъ верховной правды. Самодержавіе высшая земная власть, истекшая изъ божественной, ею одной ограничена и по тому самому должна на землѣ

имѣть ся божественное свойство—должна быть на землѣ Божіею правдою, совершеніемъ Божіей воли, а не земной, человѣческой. Самодержецъ есть источникъ земнаго закона, но онъ самъ не есть законъ, а только выразитель закона Божія, который одинъ законъ, одинъ верховная правда. Если самодержецъ смѣшаетъ себѣ два различныхъ понятія и свою неограниченную власть подавать законъ приметъ за источникъ закона, за правду верховную, то онъ обезобразитъ самодержавіе и уничтожитъ его божественный характеръ. Такимъ образомъ самодержавіе божественная власть, когда опирается на верховную власть Божію, обращается въ произволъ человѣческой, когда источникомъ его будетъ воля человѣческая, хищнически столкнувшая съ престола власть Божію или лицемерно поклоняющаяся, подъ видомъ Бога, ея воздвигнутому идолу произвола. Самодержавіе—въ истинномъ смыслѣ—можно сравнить съ благоразумнымъ капитаномъ корабля, который, будучи полнымъ властителемъ своего судна [безъ чего не можетъ быть никакого безопаснаго плаванія], самъ покоряетъ свои дѣйствія указаніямъ компаса, карты и звѣздамъ небеснымъ; они ведутъ корабль чрезъ пустыню моря, спасаютъ его отъ мелей и подводныхъ камней и хранятъ его въ бурѣ; и всѣ корабельные люди безусловно и съ довѣренностію подчиняютъ себя путеводной власти, которая дѣйствуетъ спасительно, безъ произвола, руководствуясь вѣрнымъ закономъ. Напротивъ, самодержавіе-произволъ—есть корабельщикъ, непогодующій на вѣщое ограниченіе своей власти и дѣйствующій по одной прихоти; онъ презираетъ компасъ, не смотритъ на карту, не смотритъ на звѣзды; его ненавидятъ, ему повинуются принужденно; нѣтъ довѣренности, нѣтъ покоя, корабль плаваетъ наугадъ; когда же настаетъ буря, никто не знаетъ, *идти, куда и что?* И всяма перѣдко бунтъ ускоряетъ гибель корабля, неиспровергая власть, ведущую къ гибели общей.

1850.

РУССКАЯ И АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА.

письмо къ князю варшавскому, графу и. о.
пашкевичу-эриванскому.

Вѣру перо съ нѣкоторымъ страхомъ для выраженія передъ вашею свѣтлостію моеѣ поздней благодарности. Если бы вы имѣли время обо мнѣ вспомнить, то что подумали бы о моемъ молчаніи? Я уже давно имѣю передъ глазами вашъ драгоценный подарокъ, и уже передъ многими имѣлъ случай имъ похвастать, а еще до сихъ поръ не изъявилъ вамъ своей сердечной благодарности. Позвольте мнѣ, для успокоенія моеѣ совѣсти, изъяснить вамъ эту загадку; это объясненіе будетъ въ то же время грустнымъ признаніемъ и напомнить вамъ о томъ мѣстѣ въ Жилблазѣ, гдѣ онъ докладываетъ архіепископу голедскому, исполняя его приказаніе: *monseigneur, plus d'homélie*, и за эту искренность архіепископъ выгоняетъ его изъ своей службы. Въ настоящемъ обстоятельстве я играю роль и архіепископа и Жилблаза: припужденъ отъ самого себя выслушать досадную правду, а самого себя выгнать изъ моей службы не могу. «Что за чепуха!» скажете вы, читая эти строки. Къ несчастью, не совсемъ это чепуха; вотъ въ чемъ дѣло. Получивъ черезъ генерала Ушакова отъ вашего имени карту Венгріи, бывшую съ вами въ вашемъ знаменитомъ походѣ, я обрадовался и дорогому подарку—который будетъ храниться въ семействѣ моемъ, какъ представитель и свидѣтель славнаго времени и чуднаго событія—и случаю побесѣдовать съ моею музою и проскакать по старой дорогѣ на старомъ моемъ приятелѣ Пегасѣ. И подлинно, лучшаго случая для лирическаго вдохновенія мнѣ не дожидаться. Самый видъ этой измятой и замаранной карты есть уже поэзія! Эти гирбы, эти пятна говорятъ о трудныхъ походахъ, о военныхъ трудахъ, о бивакахъ; а когда глядишь на эти листы,

печерченные линиями, вѣтвями рѣкъ и дорогъ, тебѣ мечтается широкая, магическая сѣть, раскинутая по цѣлому краю могучимъ русскимъ великаномъ, чтобы захватить въ нее цѣлую армію, возмущившуюся противъ кесаря, ея почти побѣжденнаго. Все это представилое моему воображенію при видѣ вашей венгерской карты, и я, пригласивъ мою старушку музу на поэтическое свиданіе, велѣлъ осѣдлать Пегаса, чтобы выѣхать на встрѣчу къ своей давнишней знакомкѣ; но знакомка моя не разсудила ко мнѣ пожаловать, а Пегасъ стаалъ на дыбы и сбилъ меня съ сѣдла весьма неучтиво. И я послѣ такого жалостнаго паденія принужденъ былъ сказать себѣ съ Жилблазомъ: *monseigneur, plus d'homélie*! Чтобы все это изъяснить простымъ языкомъ, донесу вашей свѣтлости, что я хотѣлъ написать къ вамъ поэтическое посланіе, и началъ писать, но долженъ былъ оставить трудъ свой, и теперь уплачиваю вамъ мой поздній долгъ благодарности однимъ признаніемъ моего безсилія выразить эту благодарность такъ, какъ бы въ прежніе годы выразило ее мое бывалое вдохновеніе.

Но если не удалась поэзія, то по крайней мѣрѣ въ прозѣ хочу въ бесѣдѣ съ вашею свѣтлостію повеселить себя воспоминаніемъ о томъ времени, которое провела я въ Варшавѣ. Это была чудная минута нашей исторіи, и мнѣ явилась она съ нѣкоторой особенной стороны, съ какой не взглянешь на нее потомствію; я уже не говорю о современникахъ! Современники едва ли что-нибудь видятъ ясно. Пронесшества кипятъ, бѣгутъ, суются, толкуются и толкаются передъ нашими глазами съ такою быстротою и въ такомъ беспорядкѣ, что никому нѣтъ времени ни для ихъ наблюденія, ни для ихъ оцѣнки. Мірѣ сдѣлался желѣзною дорогою, по которой мчатся паровозы событій во всѣхъ направленіяхъ; они, какъ призраки, мелькаютъ передъ нами, когда мы съ ними встрѣчаемся, и отъ этихъ встрѣчъ происходитъ подъ часъ ужасная давка.

Кому тутъ до спокойнаго наблюденія? Кому до оцѣнки? Кто даже имѣеть возможность сказать чистую правду? Событія венгерскаго похода и его чудная развязка уже перешли въ разрядъ давнишнихъ преданій; ни одна изъ газетъ европейскихъ не сказала о немъ чистой правды, которой одной, безъ всякихъ прикрастъ хвалы, было бы достаточно для славы. У нихъ рука не подымается написать что-нибудь въ пользу Россіи; онѣ такъ привыкли на насъ клеветать и видѣть въ насъ записныхъ враговъ европейской безопасности и гражданственности, что и теперь, когда въ глаза имъ бросается противорѣчащее этому мнѣнію, все поютъ старую пѣсню, все Россія для нихъ есть противникъ всякаго политическаго развитія, представитель абсолютизма, дѣятельный сокрушитель политической пхъ свободы, опасный разбойникъ, ждущій только удобнаго случая, чтобы напасть на нихъ въ распухъ и ограбить ихъ или уничтожить. Веѣмъ сердцемъ горюю, что я не имѣлъ возможности остаться на нѣсколько времени въ Варшавѣ, дабы, подслушавъ животрененціи разеказы очевидцевъ, имѣя передъ глазами все документы и слушая самого знаменитаго вождя, которому Россія обязана пріобрѣтеніемъ такой чудно-чистой славы, описать вѣрно, во всей простотѣ правды, этотъ эпизодъ нашей исторіи. Думаю, что это описаніе мнѣ бы удалось. Теперь объ этихъ славныхъ дняхъ не говоритъ уже никто, хотя не много мѣсяцевъ прошло съ той единственной въ исторіи минуты, какъ русскій полководецъ, принявъ покорность отъ цѣлой арміи, положившей передъ нимъ оружіе, и примиривъ съ этою арміею ея императора, повелъ обратно въ отечество полки свои, не оставивъ на пути своемъ ни бѣды, ни разоренія; и его доброе войско, совершивъ свой спасительный подвигъ, исчезло какъ призракъ, какъ величественная гроза, только освѣжившая край, посѣщенный ея ужасомъ! Думаю, что не ошибусь, если скажу, что здѣсь главною причиною

такого полного успѣха была, при великой матеріальной силѣ, мирная энергія русскаго вождя, который началъ тѣмъ, что завоевалъ довѣренность враждующаго съ нимъ народа, и что съ одной стороны непоколебимость воли русскаго царя, который, наблюдая за своимъ войскомъ, веѣми средствами упрочивалъ ему побѣду, отняла всякую надежду на удачу сопротивленія, а съ другой его безкорыстіе, его рыцарская честность, выразившіяся въ самыхъ дѣйствіяхъ его воюема, приготовили и совершили такое чудное торжество надъ цѣлымъ бунтующимъ народомъ.

Но это торжество было русское, и Европа его не оцѣнила по достоинству; единственнымъ и безпристрастнымъ цѣнителемъ былъ императоръ австрійскій, котораго свѣтлая, молодая душа прекрасно выразилась въ его рескриптѣ на имя князя Варшавскаго. Общее мнѣніе, когда оно обратится въ закоренѣлый предразсудокъ, становится упрямъ до глупости и пріобрѣтаетъ неподвижность пѣтуха, который, если его, положивъ на полъ, притиснешь головою къ полу и отъ носа его проведешь мѣломъ длинную полосу, увѣренный, что онъ привязанъ, протезитъ до тѣхъ поръ, не шевелясь, пока его сильнымъ шикомъ не столкнутъ съ мѣста. Такъ неподвиженъ иѣтухъ Германіи въ своемъ о насъ мнѣніи. Дождется онъ сильнаго шикка, который скувырнетъ его съ мѣста, и этимъ шиккомъ по всей вѣроятности угоститъ его честная Англія.

Что сказать о Пальмерстонѣ? Это злой геній нашего времени. Геккеры, Штруве и Генде, все эти грязные политическіе разбойники, на большой дорогѣ грабятціе прохожихъ съ опасностію своей жизни, кажутся мнѣ благородными героями въ сравненіи съ этимъ представителемъ великаго народа. Недавно я читалъ исторію англійской революціи Маколея; это чтеніе пренеполнило меня удивленіемъ къ тому народу, который имѣеть такую исторію, такихъ историковъ и такое могучее, стройное бытіе политическое. Но къ чему

служить Англiи ся чудная исторiя, ся гражданственность, ся величественная свобода, ся ни въ какомъ—ни въ древнѣмъ, ни въ новомъ—народѣ лебывалое могущество, если все это не спасаетъ ся отъ поношенiя, въ которое капризная воля одного человѣка, чуждаго всякаго уваженiя къ высшей правдѣ, сввергаетъ се передъ глазами всѣхъ современниковъ на вѣчный упрекъ исторiи и потомства? Судьбы Божiи поставили Англiю на великую степень земнаго могущества. Съ своего недоступнаго острова, оберегаемаго войскомъ кораблей, приученныхъ повелѣвать моремъ, она властвуетъ великими областями во всѣхъ частяхъ свѣта; въ ней сосредоточиваются все богатства мiра и но всему мiру льются потоки ся чудной промышленности. И внутри этого острова царствуетъ благоденствiе [не скажемъ однако ни слова объ Ирландiи]: народъ знаетъ, что такое законъ и законность; христіанство, единственный вѣрный источникъ нравственныхъ силъ, еще не опрокинуто безвѣрiемъ и дѣйствуетъ сильно на все состоянiя; уваженiе власти [не смотря на буйство развратнаго книгопечатанiя, съ которымъ усердно борется книгопечатанiе нравственное, сильно поддерживаемое государственными постановленiями] не потрясено; литература богатая, въ которой все образовательное, возвышающее и истинно-просвѣтительное не сказано превзынать буйственное и развратное; устройство семейственности, безопасность всѣхъ неотъемлемыхъ правъ личныхъ, законная свобода частныхъ людей во всей ся хранительной, согласной съ общимъ порядкомъ неограниченности; прочность постановленiй, утвержденныхъ на строгой законности въ настоящемъ и на почтительномъ храненiи историческаго прошедшаго, создаваемаго и устроившаго это настоящее; уваженiе къ чествованiю въ сильномъ правительствѣ и проистекающее отъ того уваженiе народа къ правительству, и высокое чувство своего человеческого и гражданского достоинства въ каждомъ, отъ чего и твер-

дая, ничѣмъ непоколебимая любовь къ отечеству, оберегающему для всѣхъ такое сокровище—вотъ Англiя. Такова ся нравственная и материальная сила посреди всѣхъ образованныхъ народовъ. Какая же должна бы быть ся мнѣся на такой высокой чредѣ, отъ Промысла для нея избранной? Играть на землѣ роль этого небеснаго Промысла и быть могучимъ распространителемъ и охранителемъ не одного собственнаго, но и общаго, всемирнаго благоденствiя. Какое чудное, восхитительное назначенiе! И можно ли допустить мысль, чтобы Провидѣнiе Божiе для чего инаго даровало такое могущество народу, осыпавъ его всѣми дарами земныхъ благъ, и материальныхъ и духовныхъ? Англiя, стоящей въ головѣ просвѣщенныхъ народовъ, не остается ничего инаго желать, кромѣ высокой чести предводительствовать ихъ благоденствiемъ и, такъ сказать, повелѣвать всему мiру быть стройнымъ и спокойнымъ. И то, что теперь творится въ остальной Европѣ, представляетъ ей самый къ тому благоприятный случай. Какъ царица морей, какъ Виргилiевъ Нептунъ, она можетъ, въ смыслѣ всеобщаго блага, сказать бунтующимъ волнамъ европейскыхъ народовъ: Quos ego! Я васъ! — Но что же? Она произноситъ это слово только въ ругательномъ смыслѣ всеобщаго бѣдствiя. Не обвиняя еще въ этомъ всемирномъ преступленiи всей благородной наци; послѣдствiя скоро намъ скажутъ, оправдываетъ ли она его или нѣтъ. Но на бѣду нашего вѣка и къ безчестию англійскаго народа, рулемъ ся корабля управлять рука, недостойная такой чести и власти. Если бы природа лорда Пальмерстона соответствовала высотѣ его назначенiя, если бы его душа была доступна божественному чувству любви къ чествованiю, соединенному съ уваженiемъ Всевышней Воли, скажу болѣе, если бы онъ имѣлъ истинный патриотизмъ, который не можетъ существовать безъ уваженiя къ чести народной: корабль Британiи торжественно и спокойно властвовалъ бы морями,—подъ

флагомъ общаго мира, привѣтствуемый всѣми благословляющими его хранительное шествіе народами. Но этотъ корабль обратился во враждебное судно флибуэтеровъ. Англія, при всемъ своемъ народномъ величій, не иное что, какъ всемірный корсаръ, сообщникъ сперва потаенный всѣхъ мелкихъ разбойниковъ, губящихъ явно и тайно въ другихъ народахъ порядокъ общественный, а теперь и явный разбойникъ, провозглашающій, какъ послѣдній результатъ христіанской цивилизаціи, право сильного и безъ стыда поднимающій красное знамя коммунизма посреди государствъ, въ подражаніе грязнымъ толпамъ черни, строящимъ по городамъ баррикады для грабежа во имя свободы. Что видѣли мы въ послѣднее время? Съ кѣмъ изъ возмутителей не дружилась Англія? Какой мятежникъ не былъ признанъ союзникомъ ея правительства? Въ какой землѣ Европы, гдѣ кипѣлъ мятежъ, не были англійскими деньгами разъярены и награждены уличныя, обрызганные кровью герои? Не она ли бросила Швейцарію во власть грабителей-радикаловъ, дабы основать въ ней постыдную рабочую мятежа и разврата, которые не даютъ вздохнуть свободно Европѣ? Не она ли подала братскую руку разбойнику Кошуту, воиня противъ беззаконнаго притѣсненія, а въ то же время готова своей безсовѣстной разбой въ Греціи, въ поруганіе всѣхъ правъ народныхъ и человѣческихъ? Сердце кипитъ отъ негодованія и презрѣнія: отъ негодованія противъ нѣкой націи, дозволяющей такое безстыдное злоупотребленіе силы и такое нарушеніе всякой правды, и отъ презрѣнія къ ея представителю: ибо какъ не презирать человѣка, который, обладая такою властію, не постигъ того величія, которое получилъ отъ Промысла народъ, ему вѣрноподанный, но съ непонятною, скотскою дерзостью ругается этимъ величіемъ, жертвуетъ имъ для удовлетворенія собственной личной досады и безчеститъ свою націю для нѣкоторыхъ меркантильныхъ выгодъ, которыя, можетъ быть, за-

громоздить гинееми сундуки нѣсколькихъ торгашей, за то оставятъ на Англіи пятно вѣчнаго поношенія!

Но какое дѣло лорду Пальмерстону до поношенія и отъ современниковъ, и отъ исторіи? Чего добраго, онъ, можетъ быть, еще и гордится своими дѣйствіями въ смыслѣ народнаго блага; онъ, можетъ быть, видитъ въ себѣ мученика за Англію. Анаѳема дѣлуга свѣта загремѣть противъ меня, и я самъ знаю, что дѣло мое достойно всякаго порицація—все это принимаю я для пользы моего отечества. Для какой пользы? Къ билліонамъ славы, которые Англіи даны великими событіями ея исторіи, какъ жадный ростовщикъ, ты хочешь грабежомъ и неправдою прибавить ничтожный милліонъ денегами, тогда какъ капиталъ твоего отечества долженъ быть пущенъ въ оборотъ на его честь и на благо всемірное. Англія говоритъ тебѣ: упрочь для меня первенство славы между народами; а ты, глухой къ этому вызову, обрадываешь народы чужіе и обижаешь свой народъ, хватая передъ нимъ свою кражею. Повторяю: сердце кипитъ отъ негодованія и презрѣнія. Увидимъ, должно ли это презрѣніе перейти отъ ненавистнаго правителя Англіи на самую его націю? Теперь пока всѣ голоса воиють противъ разбоя: увидимъ, что произведетъ этотъ всеобщій крикъ? Устоитъ ли предъ нимъ недостойный дѣйствитель? Или, какъ это часто случается, крикъ умолкнетъ, новыя происшествія, въ которыхъ наше время такъ изобильно, заслонитъ передъ глазами націи этотъ постыдный актъ ея самовластия, и все успокоится. Нѣсколько торгашей начнутъ, считая свои барыши, благословлять лорда Пальмерстона, который, величаясь своимъ *сoup d'état*, спокойно будетъ продолжать безчестить Англію грабежомъ и развратомъ, и безстыднымъ испроверженіемъ всего, на чемъ основанъ общественный союзъ народовъ.

Увидимъ, какъ стершутъ это Англія и согласится ли она своимъ безчестіемъ за-

платить за выгоды своихъ торгашей и за удавство капризовъ своего министра?

Гордо подымается сердце русскаго, когда, опечаленный взглядомъ на эту отвратительную политику грабежа и безстыднаго эгоизма, онъ обратитъ глаза на дѣйствія своего государя: какая противоположность между этимъ представителемъ британской свободы и этимъ самодержавнымъ русскимъ царемъ, безкорыстнымъ спасителемъ союзника, и въ немъ порядка Европы!

Обращаюсь къ мопмъ воспоминаніямъ. То, чему я былъ свидѣтелемъ въ Варшавѣ, кладеть вѣнецъ инаго разряда на это дѣло славы военной, вѣнецъ, котораго не увидитъ исторія. Это видѣніе, такъ сказать, есть моя собственность. Возвращеніе русскаго полководца изъ Венгрии должно бы быть ознаменовано встрѣчею торжественною, но этой встрѣчи не было: почти инкогнито, въ темнотѣ наступившаго вечера, проѣхаль по тихимъ, безмолвнымъ улицамъ польской столицы князь Варшавскій къ своему дому. Тамъ ждалъ его великій князь наслѣдникъ. Императора увидѣлъ онъ безъ свидѣтелей. Отъ чего же была такая тишина, въ такую торжественную минуту? Причина неизъяснимо-трогательная: государь любить торжественность, и князь Варшавскій былъ бы имъ встрѣченъ съ торжествомъ необыкновеннымъ; ему бы сладостно было сказать свое царское благодарію, передъ лицомъ войска и народа, своему полководцу за его дѣло, давшее новую и въ своемъ родѣ небывалую славу царю и царству; но все это исчезло передъ скорбію сердца! Прославленный русскій царь не отходилъ отъ постели умирающаго брата, котораго минуты были уже сочтены! При слышаніи наговъ приближающейся смерти, никакой голосъ торжества не могъ быть ему допустенъ; мысли о земномъ блестящемъ величій исчезали передъ этимъ мрачнымъ величійемъ неизбѣжной, непобѣдимой смерти. Было что-то наполняющее душу глубокимъ благоговѣніемъ въ

этой противоположности: съ одной стороны побѣдоносное войско и озаренное его подвигами величіе царя самодержавнаго, съ другой этотъ тихій уголокъ Бельведерскій, гдѣ мало по малу гасла лампада милой жизни, которой никакое могущество человеческое засвѣтитъ снова уже не было въ силахъ.

Это соединеніе двухъ даяній свыше — даянія силы и славы, разительныхъ своимъ блескомъ, и даянія великой скорби, передъ которой всякая земная слава исчезаетъ, по которой сообщаетъ душѣ безутратное величіе смиренія передъ вышшею силою: вотъ что представилось глазамъ моимъ. Въ самый вечеръ моего пріѣзда въ Варшаву, я имѣлъ возможность увидѣть государя императора. Пріѣхавъ въ Лазенки, чтобы явиться къ его высочеству наслѣднику, я не пашель его дома; мнѣ сказали, что онъ у большого великаго князя вмѣстѣ съ государемъ; скоро потомъ говорятъ мнѣ, что онъ и государь идутъ лѣшкомъ и уже близко. Я сталъ тамъ у входа на дѣтницу, чтобы увидѣть государя, и какъ повернулось въ груди мое сердце, когда я увидѣлъ его, блѣднаго, со пылыми щеками, идущаго тихо, усталымъ шагомъ. Я увидѣлъ не торжественнателя, полнаго чувствомъ новой славы, а блѣднаго мученика, въ которомъ скорбь по умирающемъ братѣ умертвила всякое другое чувство. И эта пытка продолжалась для него болѣе десяти дней. Не было часа покойнаго; безпрестанно избѣщали его, что смертная минута наступила, и онъ спѣшилъ къ постели умирающаго; но смерть не давалась милому страдальцу: она какъ будто ждала его для послѣдняго свиданія съ женою и дочерью, и онъ имѣли горестную отраду! На одно мгновеніе и мнѣ удалось увидѣть его — этой минуты никогда не забуду. Двери спальни были отворены; священникъ тихо читалъ отходную; у постели стоялъ сокрушенный императоръ; великой княгини я не видалъ, видѣлъ дочь, которая, неподвижная, блѣдная, глубоко-горестная, но не плачущая, стояла

у изголовья, ощутивъ глаза на тихую голову отда, глубоко втиснутую въ подушку. Черезъ часъ ево не стало. Живой кусокъ оторвался отъ братняго сердца. Онъ потерялъ друга, товарища жизни отъ самой колыбели, вѣрнѣйшаго подданнаго, котораго честности могъ вѣрится во всякое время безъ оглядки. И какъ тяжела была эта потеря для всѣхъ, которые близко знали эту простую, здоровую, полную пѣжности, чуждую всякаго притворства, правдивую и истинно благородную душу. Вечеромъ этого дня я видѣлъ государя въ минуту его отъѣзда; когда онъ сѣлъ въ коляску и когда коляска, удаляясь отъ ярко освѣщеннаго крыльца, исчезла въ темнотѣ ночи, миѣ стало по немъ несказанно грустно: онъ въ эту минуту показался миѣ какъ будто опротивляемъ. Чтѣ чувствовало его бѣдное сердце въ уединеніи этого ночнаго мрака, въ которомъ ничто не могло отвлечь его отъ овладѣвшаго имъ горя и оторвать его мысли отъ смертной постели, на которой лежало бездыханное тѣло брата! Жаль, что ни одинъ изъ нашихъ упорныхъ порицателей не видалъ въ это время нашего государя; онъ получилъ бы вѣрное понятіе не только о его нравственномъ характерѣ, но въ то же время и о необходимомъ характерѣ его политики, въ которой чисто-человѣческое и святое нравственное не подавлено расчетами такъ называемой государственной пользы, столь часто оправдывающимъ вопиющую къ Небу неправду, которой элементъ есть честность и уваженіе установленнаго права. Не тронь меня, я никогда не трону; я никогда не войду въ союзъ съ мятежомъ, и своей личной выгодѣ никогда не пожертвую справедливостію.

Сія правда, которыхъ русской императоръ непоколебимо держался съ самаго начала своего царствованія, составляютъ разительную противоположность съ политикою нынѣшняго правителя Англіи. Но куда приведетъ, наконецъ, эта ненавистная политика? Спрашиваю мудрыхъ правите-

лей Англіи: вы, представители народа, въ которомъ общественное образованіе дошло до величайшаго развитія, сдѣлано вы, глубже всѣхъ проникшіе въ тайну самого общества, скажите, какъ понимаете вы земное назначеніе челоѣческаго рода? Къ чему идетъ оно? И къ чему вы, стоящіе впереди, ведете его? Къ тому ли только, чтобъ онъ обратился въ подвластную одной Англіи толпу работниковъ на ея торгашей и сдѣлался всемірною Ирландією, гдѣ, въ виду благодѣлствующей Англіи, народъ гибнетъ тѣлесно отъ голода и нравственно отъ буйства и разврата? А изъ того, что недавно случилось предъ нашими глазами, необходимо должно заключить, что таковы замыслы Англіи на остальной міръ. Теперь ни въ одномъ приморскомъ городѣ, гдѣ бы онъ ни находился, никто не можетъ спать спокойно; надъ всеми народами виситъ мечъ Дамоклесовъ англійскаго самовластія. Конечно, Англія не можетъ ласкаться надеждою, чтобы государства Европы съ смиреніемъ и покорностію позволили ей повѣсить этотъ мечъ надъ ихъ головами. Но что изъ этого выйдетъ? Всемірное возстаніе, которое теперь уже выражается въ ненависти всеобщей. Правда, чтобы предупредить это возстаніе, Англія напередъ парализируетъ всякое сопротивленіе, возбуждая повсюду мятежъ и разрушая всздѣ внутренній порядокъ. Но опять повторяю, что далѣе? Положимъ, что Англіи удалось опрокинуть все, что не ея островъ, и разрушить всякое, не ей принадлежащее, благодѣлствіе. Это будетъ не иное что, какъ въ большомъ размѣрѣ торжество того коммунизма, который въ маломъ объемѣ проповѣдуется Прудонами, Штруве и прочими. Роль протестаріевъ въ лохмотьяхъ, которые рвется завладѣть чужимъ достояніемъ, провозглашая великій догматъ: *la propriété c'est le vol*, хочетъ взять на себя могучая и богатая Англія, проповѣдую всеобщее равенство, т. е. всеобщую подчиненность ея силѣ. Положимъ, что она унесла провѣсть свой кровавый уровень надъ всеми

пародами, и что она, отрубивъ имъ головы на своей всемірной гильотинѣ, благодаря своей необъятной матеріальной силѣ и своему столь же необъятному презрѣнію къ святости правъ народныхъ, будетъ одиноко властвовать терроризмомъ на сценѣ міра — чѣмъ, опять повторяю, это должно кончиться? Безъ сомнѣнія явленіемъ казнителя Наполеона, который сокрушить это зданіе несправды, безумства и эгоизма. Если Англія хочетъ занять въ христіанскомъ мірѣ мѣсто изыскаемаго Рима, то она должна ожидать и судьбы его. Исторія представляетъ намъ безпрестанно торжество могучей несправды—но торжество это одна фантазмагорія, одно временное, блестящее привидѣніе, не имѣющее никакого вѣчнаго бытія и жизни. Исторія въ настоящемъ смыслѣ своемъ есть безпрестанное оправданіе Божія промысла: неправда сама себя губитъ, и иногда, напротивъ, правда не имѣла послѣдствій губительныхъ; эта историческая аксіома не терпитъ исключеній, если только мы въ исторіи будемъ останавливаться не на одной минутѣ падающаго, а на сцѣпленіи всѣхъ вѣковъ ея. И этотъ новый Римъ [если только удастся ему построить свое міровладычество], будетъ имѣть своихъ кесарей, которые опозорятъ его своимъ унижающимъ тиранствомъ; онъ будетъ имѣть свое нашествіе варварскихъ народовъ, но это нашествіе совершится инымъ путемъ. Смотри на то, что происходитъ передъ нами, мы уже можемъ сказать, что свобода Англіи начинаетъ гнѣнуть; уже для нея началась послѣдняя эпоха тиранства кесарей. Какой Калигула такъ самовластвовалъ въ древнемъ Римѣ и такъ безчестилъ свой народъ, какъ этотъ министр, который, оставая пока въ покоѣ и личную свободу и постановленія государственныя, тиранствуетъ народною честію, и съ своего конститціоннаго престола, охраняемаго преторіанцами нартіей, бьетъ и рѣжетъ ея истинное бытіе, ея правдивость государственную, а съ нею и правдивость всѣхъ и каж-

даго? Нашествіе варваровъ произойдетъ въ Англіи не извнѣ, а извнутри ея. Нельзя дѣйствовать беззаконно на вѣшность, не разрушая чувства законности внутри. Одинъ и тотъ же народъ [и колѣны наче народъ, пріученный своею цивилизаціею все обсуждать собственнымъ разумомъ] не можетъ въ одно и то же время вѣрять въ правду относительно себя, и оправдывать ея нарушеніе относительно другихъ. Эта отравка, вдыхаемая изъ вѣшняго воздуха, необходимо должна пройти во внутренности собственнаго тѣла и его заразить смертельно. Благоденствіе и могущество Англіи стоятъ на всеобщемъ чувствѣ законности въ ея народѣ, въ которомъ никакой другой народъ съ нимъ до сихъ поръ не могъ сравниться; потерявъ это сокровище, Англія утратитъ въ немъ главный элементъ своей высокой жизни, и нашествіемъ варваровъ, которые разорвутъ на части этотъ Римъ, будутъ пороки его народа, воспитанные въ немъ эгоизмомъ его правительства, которое, уничтоживъ въ немъ чувство законности своимъ беззаконнымъ дѣйствіемъ въ пользу личнаго своего честолюбія, приготовило его къ неизбѣжному самоубійству.

Когда Фемистоклъ замыслилъ съечь союзный греческій флотъ, чтобы дать Аѳинамъ владычество надъ морями, Аристидъ, котораго суду былъ преданъ этотъ дерзкій замыселъ его соперника, сказалъ передъ народомъ: ничто для Аѳинъ не можетъ быть выгоды Фемистоклова предложенія, но и ничто не можетъ быть несправедливѣе. Народъ повѣрилъ Аристиду, и даже не захотѣлъ узнать, въ чемъ состояло предложеніе сего славнаго вождя въ Саламинской битвѣ. То была самая великая минута аѳинскаго народа; послѣ сила его обезумела, правдивость погибла. Послѣдствія намъ извѣстны. Лордъ Пальмерстонъ не Фемистоклъ: между нимъ и великимъ мужемъ древней Греціи нѣтъ никакого сравненія; но беззаконность замысловъ, исполненію которыхъ положено начало на томъ же пунктѣ, гдѣ нѣкогда были отвергнуты замыслы Фемисто-

сла, несравненно ихъ беззаконіе, именно потому, что они принадлежать міру христіанскому и противорѣчатъ всеѣмъ правамъ народнымъ, о которыхъ не было понятія въ вѣкъ Ѳемистокла. Увидимъ, осудитъ ли Аристидъ Англіи подражателя Ѳемистокла и какъ приметъ Англія совѣтъ своего Аристида, уже отчасти вырѣженный голосомъ нѣкоторыхъ изъ ея благороднѣйшихъ, уважающихъ честь пародію, публицистовъ.

Но какъ не оскорблено сердце тѣмъ, что случилось, нельзя допустить мысль, чтобы Англія, христіанская Англія, самое устроенное изъ всеѣхъ государствъ, образцовый народъ между народами, съ равнодушнымъ эгоизмомъ оправдала дѣйствія своего министра. Можетъ ли она быть репегатомъ своей славы, ругателемъ своего величія, дорого купленныхъ вѣковыми борьбами и подвигами ея великихъ людей, которыми такъ ярко сіяетъ ея исторія, которые [одни на полѣ крови, другіе въ святыхъ законодательствъ, третьи на попріи науки] предали ей въ жертву свою жизнь и завосвали для нея то высокое достоинство, которымъ такъ улучшено ея бытіе народное? Кто лучше Англіи долженъ теперь видѣть [особенно послѣ бурь, которыя въ наши дни потрясли человѣческое общество], что вредна завосвалій и хищничества, накопецъ, также точно, какъ вулканическія допотопныя созданія въ мірѣ физическомъ, миновались; что истинное благоденствіе народовъ не въ распространеніи границъ, не въ матеріальномъ нагроможденіи богатства, а въ богатствѣ нравственномъ, въ умѣренности и порядкѣ, какъ говоритъ І. Миллеръ, т. е. [какъ бы долженъ былъ сказать великій историкъ] въ сохраненіи правды Божіей. Теперь настало время переимѣнить основныя правила политики и опереть ее не на языческія понятія метафизическаго государства, а на христіанскія понятія царства Божія, въ которомъ нѣтъ враговъ, а есть одинъ союзъ народовъ для общаго благоденствія. Все борбы для утвержденія

безопасности политической кончили. Теперь всякая война въ угожденіе честолюбію и хищничеству, всякая политическая война [кромя войны противъ губителей нравственности и общественаго порядка] есть безумство и бесполезное преступленіе. Настала пора воздвигнуть знамя любви христіанской и соединиться подъ нимъ въ одну рать для охраненія общаго благоденствія.

Романъ, романъ! скажетъ эгоистъ въ политикѣ. Такъ, романъ; но романъ потому, что вы, распорядители судьбы народовъ, провозглашаете романомъ существованіе; романъ потому, что принято за правило не признавать ничего иного существовавшимъ, кромѣ настоящей, оцунываемой рукою выгоды, и что, служа въ настоящемъ одному Молоху, такъ называемой государственной пользѣ, приносятъ ему въ жертву святую вѣчную правду; романъ потому, что уловимое, видимое въ настоящемъ, ласкающее честолюбію или корысти, кажется существованіемъ того невидимаго, вѣчно существующаго, которое одно хранить, образуетъ и бережетъ чистоту народовъ; романъ потому, что ослѣпительный, быстро исчезающій фейерверкъ настоящаго предпочитается тайно разлитому повсюду живительному воздуху, котораго бытіе вы отрицаете, но безъ котораго ни дышать, ни жить невозможно; романъ потому, что еще не догадали, что существующій Богъ есть Богъ живой, а не пантеистическій призракъ, и что Онъ вольный хозяинъ въ Своемъ созданіи, что во всякій мигъ Своей вѣчности Онъ на всякомъ пунктѣ Своего необозримаго созданія всеѣмъ бытіемъ Своимъ присутствуетъ и произвольно забываетъ о каждомъ атомѣ Своего безпредѣльнаго міра, и что, наконецъ, вамъ пора съ скоростию очистить принадлежащее Ему мѣсто въ совѣтѣ человѣческаго міронравленія, гдѣ, впрочемъ, Онъ и безъ позволенія правителей соприисутствуетъ, содѣйствуя одной изъ правдъ и казни ихъ неправду, или ея некроверженіемъ въ первой съ Нимъ борбѣ,

или еще чаще ея собственнымъ постыднымъ усильемъ.

Но письмо мое сдѣлалось длинно до безконечности. Скажу въ заключеніе: сохрани намъ Богъ нашего могучаго царя! Онъ представителъ прямоудіи въ политикѣ; на этомъ основаніи мы стоимъ твердо и устоимъ долго. Россія имѣеть передъ собою несказанное будущее; если она пойдетъ, безъ сѣхъ и безъ скачковъ, путемъ указаннымъ ей ея исторіею, она дойдетъ къ благоденствію самобытному, независимо отъ Европы, которая хочетъ ее оттолкнуть въ Азію; она не будетъ ни Европа, ни Азія, она будетъ Россія, особенный міръ, отъ всѣхъ отдѣльный, внутренно стройный, извѣтъ недоступный.

Прибавлю въ заключеніе: сохрани Богъ царю и царству надолго знаменитаго вождя, который своими подвигами внесъ огромный вкладъ въ капиталъ отечественной славы! Дай Богъ еще долго этому вождю, обдержанному въ бояхъ булату, какъ говорилъ Державинъ, въ силѣ жизни, отдыхать на своихъ лаврахъ и во дни дѣятельнаго покоя поминать съ веселіемъ о дняхъ минувшихъ, о дняхъ богатыхъ, въ которые, гуляя по царству Митридата съ храбрыми русскимъ войскомъ, онъ русскою трубою пробуждалъ эхо, отвѣчавшее трубамъ римскихъ легионовъ, и бивакировалъ у подошвы Арарата, въ виду второй колыбели человѣческаго рода.

Прошу вашу свѣтлость простить мнѣ мою болговню и мое длинное письмо; смѣю даже надѣяться, что вы порадуете меня двумя строчками отвѣта.

ЮСИФЪ РАДОВИЦЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Въ письмѣ, которое я писалъ къ вамъ передъ моимъ отъѣздомъ во Франкфуртъ, я обѣщала сообщить о томъ, что увижу тамъ своими глазами и что услышу своими ушами. Вотъ уже болѣе пяти недѣль, какъ я возвратился изъ похода,

но писать еще не могъ: имѣлъ другія запятія, которыхъ отложить мнѣ не хотѣлось, и потомъ само письмо взяло у меня много времени,—оно длинно. Вы не должны однако пугаться его огромности; прочтете его на досугъ. Между тѣмъ на политической сценѣ многое двинулось — впередъ ли, назадъ ли, не знаю. Съ одной стороны противъ Пруссіи стали во фронтъ четыре королевства, изъ которыхъ два покинули ея знамя, и ими командуетъ Австрія; съ другой — Пруссія открыла свой Эрфуртскій парламентъ и подъ ея знаменемъ выстроили сборный своей легионъ почти всѣ мѣшшія государства Германскаго Союза. Что изъ этого выйдетъ? Начнется ли война и который фронтъ сдѣлаетъ первый выстрѣлъ—кто знаетъ? Вамъ это должно быть извѣстно, ибо, конечно, Россія броситъ между обими фронтами свое могучее *velo* и этой русской ротатки ни съ какой стороны не решатся шагнуть не помыслить. Между тѣмъ я, для исполненія своего слова, и еще болѣе для удовлетворенія собственнаго горячаго желанія, сообщу вамъ то, что слышалъ и видѣлъ во Франкфуртѣ, сообщу единственно для того, чтобы изобразить вамъ Радовица такимъ, каковъ онъ есть; это — главная цѣль письма моего. Въ политикѣ я не судья; могу только съ нѣкоторою ясностію повторить то, что слышалъ, но не могу взять на себя произнести какой нибудь приговоръ, ибо для того нужна опытность политическая, которой я не имѣю, нужно имѣть передъ глазами *весь* ходъ происшествій современныхъ: я не могъ слѣдовать за ними съ надлежащимъ вниманіемъ на всѣ подробности, бывъ занятъ своимъ личнымъ дѣломъ. Дай Богъ, чтобы то, что для моего ума такъ ясно и что сердцу моему такъ дорого, то есть, чтобы изображеніе друга Радовица вышло изъ-подъ пера моего совершенно сходное съ тѣмъ образомъ, который болѣе двадцати лѣтъ врѣзанъ въ глубинѣ души моей. Перо весьма непокорно нашей волѣ. Между тѣмъ, что мы знаемъ вѣрно и чувствуемъ живо, и словеснымъ или пись-

меннымъ его изображеніемъ—лежить для многихъ глубокая бездна: почти всегда то, что живетъ внутри души, переходитъ по служивымъ нодъ перо; припекиваніе слова къ мысли и чувству можно сравнить съ работою живописца, пишущаго портретъ; почти никогда не бываетъ полного сходства копій съ оригиналомъ, и это часто происходитъ именно отъ тревожнаго усилія поймать это сходство. Таково теперь мое положеніе: мнѣ слишкомъ хочется написать вамъ сходный портретъ того оригинала, который въ полной жизни стоитъ передъ моимъ внутреннимъ окомъ, но меня тревожитъ страхъ, что мысли не соберутся въ одинъ яркій фокусъ, что выраженія не дадутся и что не произойдетъ въ соединеніи ихъ того порядка, который, повидимому, зависитъ отъ нашей воли, а на самомъ дѣлѣ почти всегда есть созданіе неподвластнаго намъ вдохновенія. Помози Богъ.

Но прежде, нежели перейду къ главному, то есть къ писанію портрета, я долженъ натереть краски и сдѣлать такъ называемую подмалевку, то есть предварительно окинуть взглядомъ происшествія нашего времени и то, что должно быть ихъ необходимымъ послѣдствіемъ. Этотъ взглядъ будетъ не мой, а только соединеніе въ одну раму всего того, что я въ разное время, и особенно теперь, отъ зачитниковъ прусской политики слышалъ. Все, что слѣдуетъ, есть результатъ моего подслушанія; передаю вамъ не свое, а чужое; не прибавлю къ нему ничего собственного.

«Все въ политикѣ получаетъ свое основаніе и приобретаетъ свое право (Berechtigung) отъ исторіи, а ходъ исторіи есть изъясненіе вышней, всѣмъ управляющей Воли, есть глаголъ Провидѣнія, въ который надобно вслушиваться, чтобы всегда и во всякую минуту знать, что дѣлать на своемъ указанномъ свыше мѣстѣ. То, что совершается въ настоящую минуту, есть необходимое слѣдствіе прошедшаго, есть послѣднее звено неразрывной цѣпи событій, изъ которой ни

одного изъ этихъ, одно въ другое входящихъ звеньевъ, никакою силою историчнуть не можно. Это прошедшее указываетъ намъ, какъ дѣйствовать, не нарушая правды, въ настоящемъ—дабы построить нѣчто прочное для будущаго. Должно однако сказать, что намъ не дано ничего строить особеннаго по собственному плану; мы можемъ только дѣлать пристройки къ зданію вѣковъ, котораго планъ не нами начертанъ и намъ даже неизвѣстенъ въ цѣломъ; мы можемъ только пристроивать къ тому мѣсту вѣковаго, всемірнаго зданія, близъ котораго стоимъ въ настоящемъ, и должны согласоваться съ мѣстностію такъ, чтобы наша частная пристройка гармонически входила въ цѣлое, а не была бы отъ него отдѣльнымъ, а потому и легко разрушимымъ зданіемъ. Чтобы понимать, *идти, какъ и что*, нужно пристроить, мы должны справляться съ исторіею; она одна раскрываетъ намъ планъ Провидѣнія, котораго мы должны держаться, по обзорѣ котораго только по ея указаніямъ для насъ возможно. Если мы будемъ хотѣть не пристроивать, а самобытно строить, то мы только будемъ разстроивать, то есть набрасывать развалины. Это самовольное набрасываніе развалинъ есть то, что называется революціею. И характеръ всякой революціи есть эта отрывочность вновь создаемаго, которымъ хотятъ насильственно замѣнить часть зданія вѣковаго, вырвать эту часть изъ общаго плана и на ея развалинахъ воздвигнувъ нѣчто отдѣльное, вмѣсто того, чтобы, отдѣливъ обветшалое (само собою уже полуотдѣленное) отъ существующаго твердаго, замѣнить его соотвѣствующимъ новымъ, и тѣмъ только дать новую крѣпость всемірному, вѣковому.

«Обращаясь къ тому, что произошло въ послѣднее время, мы должны въ той бѣдственной революціи, которая вновь потрясла Европу, видѣть послѣднее звено длинной цѣпи событій; обзорѣ этой цѣпи приведетъ насъ къ узнанію того, что необходимо въ настоящемъ для воз-

становленія порядка, для утверженія общаго и частнаго блага.

«Не упоминая о томъ, какое всеобщее потрясеніе произвела первая французская революція, которая перешла почти въ свои фазы,—начавъ съ разрушенія всего историческаго во Франціи и перешедши черезъ завоевательный деспотизмъ Наполеона къ самоубійственному деспотизму народнаго самодержавія, грозящаго разрушеніемъ не одному государству, но самому обществу,—мы укажемъ на происшествія, непосредственно приготовившія переворотъ, потрясшіе Германію. Всеобщій энтузіазмъ, пробудившій германскую національность въ войнѣ съ Наполеономъ, учрежденіе Германскаго Союза и появленіе въ Германіи конституцій по образу и подобию французской, и съ сими конституціями фальшивое удовлетвореніе революціонному духу, родившемуся отъ того же энтузіазма, который одержалъ побѣду надъ диктаторомъ, удовлетвореніе, не давшее законной свободы, а только узаконившее духъ буйства, и влѣдствіе этого тридцатилѣтня вражда народовъ съ правительствами, произведенная съ другой стороны ничтожною дѣятельностію или бездѣятельною ничтожностію Германскаго Союза, который вмѣсто того, чтобы властвовать духомъ времени, только его раздражалъ пренебреженіемъ его требованій и наконецъ превратилъ въ пагубнаго демона анархїи—слѣдствіемъ всего этого было постепенное уничтоженіе правственной силы правительствъ, по мѣрѣ ослабленія которой съ одной стороны возростала сила буйства, съ другой—сила, которую наконецъ было подкотоано все, что составляло основаніе гражданскаго порядка: религія, уваженіе власти, покорность долгу, публичная и частная правда.

«Въ такомъ положеніи была Германія, когда совершился роковой взрывъ февральской революціи; Франція затрепетала передъ своею республикою, и съ первыхъ дней ея распаленія начала съ нею бой не на животь, а на-смерть. Анархисты

Германіи, обрадованные появленіемъ этого чудовища, быстро воспользовались паническимъ страхомъ, который оно навело на всѣ правительства, и бросились на разлабленный союзъ ихъ, какъ вандалы на приготовленную къ паденію Римскую Имперію. Тогда совершилось невиданное и неслыханное: всѣ германскіе государи безусловно покорились малочисленной толпѣ самозванцевъ, которые сами провозгласили себя выборными германскаго народа и приказали правительствамъ, распустивъ своихъ представителей, засѣдавшихъ въ палатѣ Германскаго Союза, передать ихъ власть народному парламенту, образованному по ихъ произвольному начертанію. Что вышло изъ этого парламента, мы видѣли. Богъ, Котораго покровительство было съ циническою дерзостью отвергнуто большинствомъ этихъ представителей націи при открытіи ихъ засѣданій, навелъ на ихъ умы вавилонское затменіе—все опрокинули, ничего не построили, и Германія, обезпеленная, уже облитая кровію междоусобной войны, стоитъ теперь на краю гибели. Что же падешитъ дѣлать? Чѣмъ возстановить и упрочить на будущія времена порядокъ? Дабы рѣшить эту задачу, падешитъ, поглядѣвъ прямо въ глаза своему времени, предварительно отвѣчать на слѣдующіе вопросы: *что сдѣлано? какъ? для чего? и кѣмъ?* Тогда можно будетъ легко опредѣлить и то, что остается дѣлать.

«Что сдѣлано? Опрокинуть существовавшій историческій порядокъ и произведенъ опытъ замѣнить вѣковое, старое вдругъ вымышленнымъ, новымъ, опытъ уничтожить хартію исторіи, вырванную на бронзовой колоннѣ времени, вылитой изъ дѣйствительныхъ событій минувшаго, и вмѣсто ея на ломкомъ деревѣ вольности повѣсить бумажный конституціонный листъ, въ одинъ день скасенный изъ лоскутьевъ теорій. Для чего? Для произведенія могучаго единства въ Германіи, какъ то означено въ титулѣ бумажной конституціи. Какъ? Насильствомъ революціи, которая, опровергнувъ законную

верхнюю власть, передала ее въ руки толпы народной, провозгласивъ ее самодержавною, и тѣмъ уничтоживъ возможность всякаго порядка и всякой правды. Что же остается дѣлать? Надлежитъ, въ томъ убѣжденіи, что всякая ложь сильна только тою истиною, которая тайно въ ней заключается, признать событія событиями, то есть не отрицая ни ихъ существованности, ни тѣхъ послѣдствій, которыми необходимо они должны имѣть, смотря по тѣмъ, какъ будутъ достигнуты тѣми, которые должны дѣйствовать по ихъ указаніямъ, — надлежитъ отдѣлить отъ ихъ губительной дѣи заключающуюся въ ней спасительную истину и, давъ жизнь послѣдней, умертвить первую. Слѣдуетъ вопросъ: что здѣсь ложь и что истина? то есть, что надлежитъ принять и что отвергнуть? Ложь — сама революція и все ея такъ называемыя благопріобрѣтенія (Ergungenschaften), насильственно ея сдѣланныя по навѣстной методѣ практическихъ благотворителей человечества, которые останавливаютъ путешественниковъ на большой дорогѣ съ привѣтвіемъ: «кошелекъ или жизнь!». Въ чемъ истина? Во первыхъ, въ требованіи той свободы, въ которой отказать невозможно, безъ которой нѣтъ благоденствія частнаго, нѣтъ порядка общаго, нѣтъ могущества власти. Подъ истинною этою свободою революція скрыла свою ложь анархій. Во вторыхъ, въ этомъ духѣ народности, пробужденномъ во дни борьбы съ Наполеономъ за независимость, въ теченіе тридцати лѣтъ сдвоенномъ и вдругъ оныя освободившемся съ удвоенною силою, но безаконою революціею превращенномъ въ буйство, тогда какъ самъ по себѣ онъ не иное что, какъ законное стремленіе къ единству, то есть къ соединенію всѣхъ членовъ въ одно крѣпкое тѣло для дарованія этому тѣлу живой силы, съ сохраненіемъ самобытности každого члена отдѣльно. Итакъ, единство Германіи должно быть теперь цѣлю правительства. Какъ достигнуть сей цѣли? Уничтоживъ совершившуюся революцію, не про-

изводя новой, то есть произвести хранительную реформу, умертвить анархію присвоеніемъ того блага, которое таится въ незаконныхъ ея пріобрѣтеніяхъ. Осушествленіемъ этого блага — блага законной свободы и могучаго германскаго единства — правительства опрокинуть дѣйствителей революціи ихъ же оружіемъ и отнудить всякій поводъ къ мятежу на будущее время. Кто были эти дѣйствители? Ихъ было три рода: для однихъ цѣль была сама революція, то есть постоянный, имъ однимъ выходящий мятежъ; для другихъ ея цѣль состояла въ повсемѣтномъ утвержденіи представительнаго правительства; третьи имѣли въ виду единство Германіи; для всѣхъ революція была средствомъ достиженія цѣли. Слѣдствія у насъ передъ глазами; революція могла произвести только разрушеніе. Что же теперь остается дѣлать правительствамъ? Съ первыми изъ дѣйствителей не можетъ быть никакого соглашенія, имъ должно объявить войну непримиримую, и ихъ истребленіемъ умертвить революцію. Цѣль вторыхъ достигнута: во всей Германіи учреждены представительныя правительства; рѣшеніе этого общаго процесса принадлежитъ теперь каждому государству въ особенности, онъ обратился теперь для каждаго изъ нихъ въ дѣло домашнее, и можно думать, что представительная система сама себя въ своемъ развитіи уничтожитъ, уступивъ наконецъ мѣсто чистой монархіи, опирающейся на штаты (государственные чины). Система конституціонная, которая теперь изъ теорій обращена въ фактъ, не иначе можетъ быть опровергнута, какъ только фактомъ опыта, который одинъ можетъ обличить ея несостоятельность; конечно, этотъ опытъ будетъ тяжелый ходъ горячки, но существованія этой горячки отвергнуть уже нельзя, и горе меднику, если онъ, отрицая болѣзнь, не дастъ лѣкарства, вспомогательнаго натурѣ, или, отрицая дѣйствіе натурѣ, захочетъ насильственно

вырвать болѣзнь изъ одержимаго ею тѣла. Остаются третьи, то есть поборники германскаго единства. Одно слѣдное упрямство можетъ утверждать, что цѣль ихъ не благая. Одинъ только способъ, которымъ они хотятъ достигнуть благой цѣли, то есть революція, незаконенъ самъ по себѣ и разрушителенъ для самой некоей цѣли. Стремленіе къ единству властвуетъ теперь Германію,—это неоспоримо; но Германія есть не одно государство, составленное изъ многихъ народовъ, а одинъ народъ, раздѣленный на многія государства. Въ первомъ случаѣ соединеніе въ одинъ народъ было бы стремленіемъ къ раздѣленію, сокращенію тому цѣлаго; здѣсь напротивъ стремленіе къ соединенію должно уквѣплять каждую часть особенно, вводя ее въ сильный составъ цѣлаго, съ сохраненіемъ ея исторической самобытности. Такому стремленію удовлетворить необходимо должно, должно уже потому, что его невозможно уничтожить, оно вступило въ жизнь; если на время сила его и сдавить, то оно только отъ этого сдавленія приобрететъ сильнѣйшую упругость, и при первомъ толчекѣ произойдетъ новый, усиленный взрывъ и новое, болѣе обширное разрушеніе. Правительства, соединяясь прямодушно и самоотверженно подъ знаменемъ единства, должны совокупно идти къ этой цѣли, но не тѣмъ путемъ, которымъ шли дѣйствователи революціи, хотѣвшіе все въковыя постановленія, всякую историческую самобытность государствъ, все отдѣльное, личное, и слѣдственно дѣйствительно существующее, обратить въ нѣчто общее, въ какую-то идеальную цѣльность безъ прошедшаго, безъ отечественнаго, безъ наслѣдственнаго, хотѣвшіе, однимъ словомъ, обратить все историческія государства въ нули, и изъ суммы этихъ нулей составить метафизическую свою единицу подъ именемъ Германскаго народа. Чтобы дойти къ ихъ цѣли, то есть къ дѣйствительному, твердому единству, надлежитъ только выбрать путь противный

избранному ими; правительства должны также энергически и съ такою же полною, взаимною довѣренностію соединиться для дѣйствія въ пользу порядка, съ какою соединены были для дѣйствія на общую гибель друзья безпорядка. Теперь наступило время самоотверженія, теперь нѣтъ мѣста эгоистическимъ спорамъ о первенствѣ, нѣтъ мѣста ребячеству дипломатической гордости, нѣтъ мѣста своекорыстному хищничеству: дѣло идетъ о возстановленіи святаго, обруганнаго держимымъ развратомъ; о соединеніи всѣхъ силъ воедино для спасенія общаго совропца: страха Божія, достоинства монаршаго, безопасности отъ враговъ вънутреннихъ и внѣшнихъ и истинной свободы, истекающей изъ благоговѣнія передъ святымъ, изъ уваженія власти, изъ покорности долгу. Извѣстно, чего желалъ для Германіи король Фридрихъ Вильгельмъ IV. За нѣсколько лѣтъ до революціи исполненіе тогдашнихъ его безкорыстныхъ предложеній, въ которыхъ на первомъ планѣ стояло предсѣдательство Австріи на совѣтѣ государей германскихъ, отвратило бы эту бѣдственную революцію и изъ рукъ законопной власти Германія получила бы то, что теперь въ такомъ несчастномъ видѣ выпало ей изъ несчастивыхъ когтей мятежа. Кто тогда отвергнулъ спасительное предложеніе Пруссіи? Австрія,—наконецъ соглашавшаяся принять ихъ, но уже тогда, какъ судьба Божія произнесла свое наказующее: поздно. И теперь Пруссія, съ тѣмъ же самоотверженіемъ, безъ всякихъ своекорыстныхъ замысловъ, предлагастъ то же, то же конечно, но то же послѣ событий 1848 и 1849 годовъ, которыхъ уже никакая сила не вырветъ изъ роковой цѣли времени. Тогда дѣло шло о предотвращеніи бѣдствія, которое такъ громкогласно пророчили все событія; теперь дѣло идетъ уже о возстановленіи того, что совершившесся, напрасно предвидѣнное и предсказанное, бѣдствіе превратило въ развалины. Тогда все правительства могли дѣйствовать самобыт-

но, со всёмъ достоинствомъ власти, свободно благотворящей; могли даровать произвольно необходимое, требуемое въкомъ, даровать не въ смыслѣ анархія, а въ смыслѣ хранительной, державной власти: заслуживъ всеобщую благодарность, они возстановили бы и утраченную свою силу; теперь всё правительства, покорившіяся въ минуту страха незаконному бунту, опутаны тѣми обѣдственными уступками, на которыхъ лежить печать монаршаго обѣщанія; и даръ, исторгнутый принужденіемъ, вредный для самихъ приобретателей (ибо есть произведение незаконнаго ихъ буйства), не возбуждаетъ ни въ комъ благодарности и не производитъ примиренія между враждующими партіями. Пруссія, которая со всёми вмѣстѣ вынула горькую чашу наказания, и теперь, какъ прежде, предлагаетъ вѣрное средство спасенія, но средство наиболѣе исполнимое въ настоящую минуту, черезъ которую нельзя перепрыгнуть въ желаемое будущее, а это будущее необходимо наступитъ, если только безъ изтерибія, безъ эгоизма будетъ достигнуто и исполнено одно возможное въ настоящемъ. Въ какомъ видѣ наступитъ желаемое будущее, знаетъ одинъ Богъ. Но Онъ говорилъ государямъ и народамъ: дѣйствуйте по правдѣ; за вашу правду явишь, Я воздамъ мою правдою завтра. Прусскій монархъ искренно и самоотверженно желаетъ правды, и это уже доказано дѣломъ. Не онъ вытѣбняетъ Австрію изъ Германіи,—она сама себя изъ нее вытѣбнила своею конституціею; если притомъ взглянемъ на карту, то увидимъ, что Австрія всёми своими приобретениями выдвинута изъ Германіи, а Пруссія, напротивъ, тѣмъ же въкомъ процессомъ выдвинута въ ея внутренность. Итакъ, если Австрія не можетъ вслѣдствіе своей конституціи быть непосредственно въ главѣ союзной Германіи, то кому занять ея мѣсто, какъ не Пруссіи? И если второстепенныя государства отказываются признать необходимое первенство Пруссіи, то здѣсь оче-

видно, что личной, династической снесп приносится въ жертву общій судьба Германіи. Пруссія не только не имѣетъ въ виду замысловъ на хищническое уничтоженіе самобытности державъ, которыми предлагаетъ союзъ свой, но она именно этимъ союзомъ упрочиваетъ ихъ самобытность и разрушаетъ замыслы анархистовъ, которые ничего такъ не желаютъ теперь, какъ возстановленія стараго, безжизненнаго союза, дабы питать имъ духъ мятежа и ненависти, продолжать по частямъ раздроблять Германію, и потомъ снова, при первомъ удобномъ случаѣ, съ большимъ успѣхомъ нанести сокрушительный ударъ свой цѣлому. Разительнымъ доказательствомъ этого служить то, что всё анархисты или отказываются содѣйствовать Пруссіи, или дѣйствуютъ противъ нее въ лагерѣ ея противниковъ. У нихъ чутье тонкое; они чувствуютъ, что единство Германіи на томъ основаніи, на комъ хочетъ ее построить Пруссія, есть смерть революціи, обличеніе несостоятельности представительнаго правительства и необходимое возстановленіе чистой монархической власти. Однимъ словомъ: Пруссія хочетъ одной правды, чужда своекорыстію и самоотверженно готова на всякую жертву для общаго блага; въ этомъ убѣдятся современники, но крайней мѣрѣ такое свидѣтельство дать ей безпристрастная исторія».

Вотъ сумама того, что я слышалъ и прежде и теперь отъ защитниковъ нынѣшней прусской политики. Не позволяя себѣ никакого собственнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ, ибо не имѣю для этого достаточнаго числа собственныхъ данныхъ, скажу здѣсь только одно: безкорыстность и честность прусской политики для меня неотрицаемы, и мое доказательство состоитъ въ томъ, что душа этой политики, съ той минуты, какъ Пруссія предложила союзъ свой Германіи, есть Радовицъ. Ни для кого и ни для чего онъ не пойдетъ излучистымъ путемъ махіавелизма. Будетъ ли имѣть эта политика

успѣхъ — это другое дѣло. Главнымъ врагомъ ея можетъ сдѣлаться тотъ самый Эрфуртскій парламентъ, на которомъ она хочетъ утвердить свою силу. Но я теперь дошелъ до настоящаго предмета моей эпитолы; буду говорить о самомъ Радовицѣ.

И до 1848 года довольно много было о немъ говорено и писано; тогда болѣе въ немъ судили челоѣка и писателя, и Радовицъ, котораго мнѣнія религиозныя, философскія и политическія были въ рѣзкой противоположности съ царствующими мнѣніями вѣка, слылъ, какъ католикъ — іезуитомъ, ультрамонтаномъ, какъ политикъ — проповѣдникомъ абсолютизма. По вступленіи Радовица въ покойный парламентъ, онъ все еще носилъ эти данныя ему титулы; прибавилось только то, что не прошло ни одного дня, чтобы въ какой-либо газетѣ или брошюрѣ не появилась вариация на общіе темы: *іезуитъ* и *абсолютистъ*; все эти вариации были однако повтореніемъ одна другой; клевета не дремала: къ нападкамъ на мнѣнія, вымышленыя или некажущіяся, она присоединяла и низкую лежку на характеръ и на дѣйствія челоѣка, на которомъ до сихъ норъ не лежигъ и тѣни упрека. Наконецъ, со времени призванія Радовица въ Пруссію, гдѣ онъ сдѣлался главною пружиною теперешней ея политики, тема *іезуитъ* варьируется только для того, чтобы не потерять привычки, а тему *абсолютистъ* заступила противоположная ей тема *радикалъ*. Въ какомъ чудовищномъ видѣ долженъ стоять передъ современниками этотъ повсемѣстно поносимый Радовицъ, однимъ неизмѣннымъ молчаніемъ отвѣчающій на все низкія клеветы и оскорбленія, которыми съ одной стороны осаняютъ его партіи (по натурѣ своей неспособныя быть справедливыми), а съ другой подкупные работники партій, которые въ публичныхъ листахъ безсовѣстно проповѣдываютъ и *pro* и *contra*, или враги личные, которые хотятъ удовлетворить клеветною зависти и

злѣбъ. Постараюсь объяснить феноменъ такой всеобщей, незаслуженной несприязни. Радовицъ до вступленія своего въ прусскую службу былъ незнакомъ съ такъ называемымъ большимъ свѣтомъ. Жизнь его была посвящена труду усидчивому и тѣпному кругу друзей, въ которомъ онъ могъ независимо предаваться безъ всякой оглядки движеніямъ сердца и свободному выраженію своихъ чувствъ и мыслей. Онъ мыслилъ велухъ для друзей, которые понимали не одиѣ его мысли, но и его душу. Эта душа проста, во всякое время готова симпатически принимать чужое чувство, чужую радость, чужое горе, въ ней нѣтъ и тѣни притворства; она младенчески довѣрчива — но къ этимъ золотымъ качествамъ не присоединялось (говорю о первомъ времени свѣтской жизни Радовица) искусство, которое такъ высоко цѣнится въ большомъ свѣтѣ, искусство ласкать всѣхъ и каждого привѣтливимъ обхожденіемъ. Радовицъ не имѣлъ ни случая, ни досуга для образованія себя въ этомъ искусствѣ, и на сценѣ большого свѣта, какъ въ кругу знакомыхъ съ сердцемъ его друзей, выражалъ мнѣнія рѣзко, сильнымъ, неопровержимымъ словомъ, подкрѣпляя собственныя мысли аргиллерією необычайной учености: его желѣзная диалектика была сокрушительна, и этимъ оружіемъ онъ дѣйствовалъ безнападно, не для того однако, чтобы опрокинуть своего соперника, выказать свое надъ нимъ превосходство и тѣмъ оскорбить его самолюбіе — такого рода суетность совершенно чужда его высокому характеру — нѣтъ, онъ просто, какъ рыцарь, вѣрный своей красавицѣ, выходилъ на поединокъ за то, что признавалъ въ сердцѣ своемъ истинною; правда, живость характера не даетъ ему терпѣливо выслушивать плоскостей или безтовни певѣжества, но никто не умѣетъ быть столь внимательнымъ къ тому, что достойно вниманія, никто не имѣетъ такой терпѣливости къ чужимъ убѣжденіямъ, не отличаетъ такъ прямодушно

ошибочнаго мнѣнія отъ личности, принявъ за правило (правило любви христіанской, которому всема немногіе слѣдуютъ) не ставить на счетъ нравственности сердца убѣжденій ума, ослѣпленнаго предрасудкомъ. Но эта рѣшительность мыслей и рѣзкость въ ихъ выраженіи пзъявлена была высокоуміемъ отъ всѣхъ, кто не былъ въ короткой связи съ Радовицемъ, которому и самые искренніе друзья его говорили: *надобно быть твоимъ другомъ, чтобы не сдѣлаться твоимъ непріятелемъ*. Тѣмъ изъ немногихъ, которые могли съ нимъ успѣшно единоборствовать на сценѣ общества, но которые желали сохранить исключительно для себя на этой сценѣ первую роль, было вообще его присутствіе не по сердцу; многіе, которые не имѣли силъ съ нимъ бороться и которыхъ тѣмъ болѣе сердило его надъ ними превосходство, что онъ (безъ всякаго высокоумія, а просто отъ недостатка искусственно-ласковой свѣтскости) не заботился золотить свои подносимыя имъ пилюли, были раздражены противъ него собственнымъ самолюбіемъ, всегда непримиримымъ; а всема многіе, которые не могли никакого имѣть при немъ голоса и которыхъ ничтожество было для нихъ самихъ и для общества опутительно отъ его превосходства, не могли сносить этого превосходства. Прибавьте сюда всѣхъ отрицателей вѣры, всѣхъ рационалистовъ въ христіанствѣ, для которыхъ всякая положительная религія есть предрасудокъ, а всякій строго вѣрующій — досадный обличитель ихъ безвѣрія, есть лицемерный піетистъ, когда онъ протестантъ, — іезуитъ, если онъ католикъ; наконецъ, сочтите всѣхъ такъ называемыхъ либераловъ, и честныхъ, то есть искренно убѣжденныхъ, и нечестныхъ, то есть апархистовъ съ годами своекорытными — и тѣмъ и другимъ была ненавистна чистая, монархическая доктрина Радовица, проповѣдуемая побѣдоноснымъ его словомъ и столь же побѣдоноснымъ перомъ его. Все это, извѣ-

стое вмѣстѣ, объясняетъ всеобщее противъ него возстаніе, особенно въ теперешнюю минуту, когда онъ обетоятельствами вскинуть на высоту, на которой всѣ тридцать два вѣтра партій съ ругательнымъ свистомъ падаютъ на него, никакой партіи не принадлежащаго, и силится растерзать его доброе имя. Были, конечно, голоса и въ пользу Радовица, но то были капли въ морѣ. Наконецъ нашелся одинъ, Френсдорфъ, отважившійся говорить о немъ безпристрастно и отдать ему надлежащую справедливость.

Надобно, однако, замѣтить, что и онъ въ своей брошюрѣ говоритъ о Радовицѣ по однимъ публичнымъ документамъ. Онъ, правда, умѣлъ отдѣлать въ нихъ истину отъ лжи, но изъ того, какъ онъ говоритъ о самомъ лицѣ Радовица, кажется мнѣ, можно заключить, что онъ его лично не знаетъ, или знаетъ мало; какъ бы то ни было, нельзя не изъявить благодарности человѣку, который по одному неродованію на несправедливость сдѣлался адвокатомъ обвиненнаго, безъ всякой надежды, чтобы присяжные общаго мнѣнія, которые слуги партій [по обычаю всѣхъ присяжныхъ нашего времени], произнесли свой приговоръ въ смыслъ чистой правды.

Въ суммѣ порицаній надобно прибавить еще одно: Радовица, строгаго монархиста, называютъ теперь ренегатомъ монархическаго вѣроисповѣданія. На это отвѣчаетъ за себя онъ самъ въ лицѣ Вальдгейма, который есть представитель мнѣній Радовица, въ его «*Разговоръ изъ настоящаго времени о вѣрности и церкви*». Вотъ что говоритъ Вальдгеймъ:

«Ich halte mich verpflichtet, die Monarchie auch in ihrer Entstellung nach allen Kräften gegen die Theilung mit der Volks-Souveranität zu vertheidigen, und die Repräsentativ-Regierung wieder eben so gegen die Republik, ungeachtet ich den Vordersatz missbillige, ungeachtet ich die nothwendigen Folgerungen durchaus zuge-

stehe, ungeachtet ich das Ende des Zer-
setzungsprozesses schmerzlich ahnen muss».

Если прибавимъ къ этимъ словамъ Вальдгейма святаго слова изъ Евангелія: *ищите во первыхъ царствія Божія и правды ея и все остальное приложится вамъ*, то мы будемъ имѣть передъ глазами всего Радовица, и политика и человѣка. Вышесказаннаго достаточно для легкаго очерка; но для живаго портрета пужны краски фактовъ. Я не намѣренъ писать біографіи; хочу только дополнить рассказъ упомянутаго біографа нѣкоторыми подробностями, которые мнѣ, по долготѣнней, дружеской связи съ Радовицемъ, могли быть вѣрнѣе многихъ извѣстны.

Не пужно упоминать о томъ, какъ щедро природа осыпала Радовица духовными дарами: этого не отрицаютъ и закоренѣлые враги его. Предназначивъ его для великихъ земныхъ испытаній, Богъ даровалъ ему и великія силы душевныя. Практически свѣтлый, философически-глубокій и математически-вѣрный умъ, соединенный съ ребяческимъ чистосердечіемъ и съ непоколебимостію воли, которая крѣпко властвуетъ рулемъ ума, то есть правилами, разъ признаанными за вѣрныя—вотъ въ немногихъ словахъ характеръ Радовица.

Часто меккія, случайныя обетоятельства, если только можно допустить дѣйствіе случая въ правительствѣ Божіемъ, имѣють роковое вліяніе на цѣлую жизнь нашу. Опираясь на этомъ, я утверждаю, что простая бочка много участвовала въ умственномъ образованіи Радовица. Въ первые годы его ребячества не весьма прилежно занимался его классическимъ ученіемъ: мальчикъ былъ оставленъ самому себѣ. Въместо того, чтобы играть и проказничать съ своими сверстниками, онъ любилъ сидѣть за книжкою. Случай помогъ ему сдѣлать важное открытіе. Въ подвалѣ дома, въ которомъ жили его родители, отыскать онъ бочку; она была полна книгъ, набранныхъ въ нее безъ всякаго порядка. Вскрывъ бочку,

которую съ этой минуты ребенокъ призналъ своимъ законнымъ призомъ, онъ схватилъ первую попавшуюся ему книгу и съ жадностію прочиталъ ее; за прочтеніемъ книги послѣдовало новое посѣщеніе бочки; взята опять первая, ошупанная рукою, книга, совсѣмъ другаго содержанія, нежели прежняя, и она прочтена такъ же, какъ та—жадно и скоро. Такимъ образомъ чтеніе, начавшееся съ верха бочки, дошло до дна ея. Можно себѣ представить, какимъ хаосомъ разнообразныхъ предметовъ наполнилась голова ребенка, котораго память все схватывала и ничего не теряла. Когда открылось дно бочки, прекратились и всѣ на нее пашествія хищнаго читателя; но съ этой минуты началась главная его дѣятельность. Безпорядочное приобрѣтеніе извѣй усугубило мѣсто внутреннему, умственному созданію цѣлага изъ разнородныхъ, въ огромный хаосъ накопившихся частей. Какую врожденную силу долженъ былъ имѣть этотъ свѣжій, молодой умъ для произведенія такого созданія! И конечно никакое методическое ученіе не укрѣпило бы такъ этого ума, какъ эта гимнастика мысли, приведшая въ движеніе всѣ его духовныя мускулы. Роковая бочка отзывается и теперь во всѣхъ умственныхъ дѣйствіяхъ Радовица: это быстрое обхватываніе однимъ взглядомъ множества предметовъ, это всегдашнее соприсутствіе при всякой новой операціи ума всѣхъ матеріаловъ, въ разное время собранныхъ и сохраняемыхъ памятью, это вѣрное, легкое, какъ будто инстинктивное, угадываніе того, что необходимо, и умѣнье отбрасывать все непужное, этотъ законизмъ мысли и ея совпаденіе съ выражающимъ ее словомъ, эта пластическая стройность и плотная сжатость частей въ одно живое, легко объемлемое цѣлое, которое тогда является чистою истиною безъ всякой лигатуры—вотъ что мы находимъ теперь и въ дѣйствіяхъ ума и въ краснорѣчій Радовица. Можетъ быть, все это вышло изъ роковой, изгнанной въ подвалъ бочки. Если

бы книги, складенныя въ ней какъ ни пошло, были въ порядкѣ разсталоены на полкахъ, онѣ были бы и прочтены въ порядкѣ, и умъ читатели не имѣлъ бы пужды повторять работы древнихъ гигантовъ, которые по горахъ, ими набросаннымъ въ одну гряду, почти добралась до неба и до Зевса. Партизанскими набѣгами на бочку Радовицъ былъ хорошо приготовленъ къ регулярной войнѣ подъ знаменами политехнической школы, въ которую помѣщенъ былъ какъ подданный короля вестфальскаго. Какое широкое и глубокое развитие должна была произвести математика, схваченная во веѣхъ ея отрасляхъ, на умъ, такъ самобытно и свободно возмужавшій и вдругъ подчинившій свою независимую дѣятельность строгой дисциплинѣ наукъ математическихъ! Когда изъ политехнической школы, въ которой выдержалъ блестятельный экзаменъ, Радовицъ, произведенный въ офицеры артиллеріи, въ 1812 году поступилъ въ армію Вестфальскаго королевства, ему еще не было шестнадцати лѣтъ. Изъ рукъ Наполеона получилъ онъ крестъ почетнаго легіона. Въ эту эпоху замѣчательна не храбрость пятнадцатилѣтняго юноши (котораго умъ замѣтилъ зоркій взглядъ Наполеона), а то, что для него и война и поле сраженія были, такъ сказать, продолженіемъ уроковъ политехнической школы; приложеніемъ математической теоріи къ практикѣ занимался онъ такъ же внимательно, какъ выстрѣлами пушекъ вѣрною ему батарее; преслѣдуя глазами прыгающее по полю сраженія ядро, онъ извѣснѣлъ его убійственными скачками законы рикошета.

Возвращаясь къ хронологическому порядку моего разсказа. По заключеніи вѣнскаго мира, 18-ти-лѣтній воинъ, который остался вѣренъ своему знамени за и противъ Наполеона, былъ сдѣланъ учителемъ вышшаго класса математическихъ и военныхъ наукъ въ Кассель. Этотъ періодъ его жизни, съ 1815 по 1823 годъ, былъ, можетъ быть, счастли-

вѣйшимъ ея временемъ: онъ былъ періодомъ уединеннаго, могучаго, дѣятельнаго самосозданія, это была весна души, души высокой, пламенной, пѣвливой, неисполненной силънаго гения, открытой всему, что на землѣ прекрасно, жаждущей истины, жаждущей Бога. Что можно сравнить съ прелестію такой жизненной весны, въ которой подъ небомъ непорочной молодости, какъ подъ свѣтлымъ небомъ Италіи, разомъ расцвѣтають всѣ благоуханные цвѣты жизни—цвѣты вѣры, цвѣты науки, цвѣты поэзіи, и съ ними всѣ унованія, чарующія нашу душу въ первые земные наши годы? Не могу безъ благоговѣнія думать объ этомъ творческомъ уединеніи юноши, который, въ это же время, лишенный всякой фортуны (ибо онъ отказался отъ наслѣдства отца своего, для уплаты оставшихся послѣ него долговъ), сдѣлался покровителемъ своей, пѣвливой и любимой и достойной любви его, матери, дѣлалъ съ нею свое небогатое достояніе (жалованье имъ получаемое по званію учителя математики), а все остальное время посвящалъ наукѣ, по наукѣ въ обширномъ и высокомъ смыслѣ, то есть не одному сконченію знаній, которыя обогащаютъ нашъ умъ, дѣлають его властителемъ природы и, доставляя живѣйшія наслажденія, даютъ намъ способъ служить человечеству въ земномъ, общественномъ порядкѣ, но такой наукѣ, которая все понимаемое нами на землѣ соединяетъ въ одинъ яркій фокусъ, въ Бога, въ Бога живаго, не дерзкимъ умомъ сотвореннаго, а самооднагося душъ таинствомъ откровенія. Радовицъ, преданный до этой эпохи изученію математики, гдѣ все имѣло удовлетворить мысли, гдѣ все есть чистая, неопровержимая очевидность, не былъ ни вѣрующей, ни отрицающей; математика, первая теоретически изучаемая, помогъ прилагая къ дѣлу военному на полѣ битвы, не давала въ душѣ его мѣста ни вѣрѣ, ни безвѣрію. Но когда съ поля дѣятельной, практической жизни, еще во всемъ цвѣтѣ молодости, онъ вступилъ въ тишину

удиненія и углубился въ самого себя, когда природа и ея законы, человѣкъ и исторія человѣческаго общества, право-вѣдѣніе, языки древніе, восточные и новыя, поэзія, музыка, искусство и наконецъ умозрительная философія, которая должна соединять все части знанія въ одинъ гармоническій составъ, сдѣлались предметомъ его изысканій, тогда почувствовала эта глубокая душа, что все эти знанія, сколь бы ни были обширенъ ихъ объемъ, сколь бы ни была многообразна плъ нихъ извлекаемая практическая польза, не имѣютъ никакой самобытности, никакого смысла безъ откровеннаго Бога; что до тѣхъ поръ они сводъ безъ ключа, пока не скрѣпится ихъ христіанство, довершающее дѣло человѣческаго генія непосредственнымъ даромъ Божиимъ, вѣрую, которая всю систему знаній обращаетъ въ пѣчто живое (какъ огонь, безъ котораго свѣтъ, назначенная для освѣщенія, не имѣетъ сама по себѣ никакой самобытности), которая изъясняетъ неизяснимое, соглашаетъ противорѣчія и придаетъ земному знанію, исчезающему для насъ вмѣстѣ съ нашею землею жзнію, духовную неумираемость, то есть сливаетъ все то, что мы здѣсь постигли умомъ своимъ, все, что мыслы чувствовали и испытали, въ одну идею живаго. Радовицъ, котораго первое отрочество колебалось между протестантизмомъ и католицизмомъ, въ это время сдѣлался строгимъ католикомъ. Глубокое изученіе теологіи привело его къ вѣрѣ, а результатомъ всего этого, какъ основное практическое правило жизни, сдѣлалось вышеприведенное мною евангельское слово: *ищите прежде царствія Божія и правды ею и все остальное приложится вамъ*; это правило проникло все его мысли и все его дѣйствія. Тѣ, которымъ его жизнь извѣстна вблизи, знаютъ это; тѣ, которые одной съ нимъ вѣры (католики и протестанты), понимаютъ это; напротивъ, тѣ, которые сами вѣры не имѣютъ, не только не вѣруютъ его вѣрѣ, но именуютъ ее лицемерствомъ,

почитая въ своемъ высокоуміи безсмысленною все, чего сами не смыслятъ, и невозможностію все, что отрицаютъ, и Радовицъ въ глазахъ ихъ есть просто іезуитъ, ультрамонтанъ, тайцій въ душѣ своей глубокіе замыслы. Какіе? До сихъ поръ никому изъ его порицателей не удалось придумать ничего вѣроятнаго въ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ наше время называть іезуитомъ того, кто не принадлежитъ къ ордену іезуитовъ, есть совершенная безсмыслица. Что же касается настоящихъ іезуитовъ, то они герон нашего вѣка; они дерзко передъ его неперимостію посягъ на себѣ ненавистный свой титулъ и строго исполняютъ все постановленія своего ордена. Для чего? Какую побѣду и падь вѣмъ можетъ одержать эта отставная милиція папы? Какія могутъ быть ихъ надежды теперь? Они просто вѣрны своему отверженному обществу и терпятъ гошеніе за эту вѣрность. Но ихъ правила, или справедливѣе сказать ненавистное злоупотребленіе ихъ правилъ, которымъ руководствовалея въ прежнее время и навлекъ на себя всеобщую ненависть ихъ орденъ, это злоупотребленіе ихъ правилъ, безъ ихъ титула, присвоено ихъ бѣшенными порицателями, которые, вступивъ въ орденъ авархіи, признають всякое средство для достиженія цѣли своей позволительнымъ, проповѣдуютъ царубійство, мятежъ, грабительство, кровопролитіе, и употребляютъ явно и тайно все способы, чтобы всеобщимъ безвѣріемъ и развратомъ упрочить себѣ такое владычество надъ міромъ, о которомъ никакой изъ самыхъ закоренѣлыхъ іезуитовъ не позволялъ себѣ и ризитъ.—Кто-то, желая оскорбить Радовица, назвалъ его виновственнымъ монахомъ (и это было торжественно повторено всею шайкою хулителей); но въ этомъ титулѣ безъ намѣренія произнесена была похвала, а не порицаніе. Виновственный монахъ—слѣдовательно отшельникъ отъ свѣта, живущій посреди свѣта и воюющій съ свѣтомъ, отка-завшійся отъ всехъ тѣхъ наслажденій

чувственных и страстно нескромныхъ благъ, въ которыхъ по горло утопаютъ всѣ не монахи, и служащій върою и правдою Тому, Кто, посылая учениковъ своихъ благовѣстить о Его прішествіи, сказалъ имъ: *вы не отъ міра и міръ вознепаидитъ васъ*. Такимъ монахомъ вышель Радовицъ изъ той келіи, въ которой онъ, добровольный затворникъ, провель десять лѣтъ юношеской жизни въ приготовленіи къ той войнѣ, о которой намекаетъ въ данномъ ему титулѣ воинственнаго монаха его добросовѣстный порицатель, противъ желанія похвалившій его своею хулою. Въ эти святые дни чистѣйшей молодости, въ которые умъ его, скончвъ необъятныя знанія, привелъ ихъ къ одному общему знаменателю въры, онъ не выходилъ изъ очарованнаго круга внутренней жизни [онъ заглядывалъ въ него мимоходомъ] посвящая досуги свои ибжйшимъ заботамъ о милой матери и тѣспому кругу друзей, между которыми одинъ, избранный сердцемъ, сдѣлался товарищемъ души его на всю жизнь. Оба товарища одинакими глазами смотрѣли на жизнь и свѣтъ, для обоихъ былъ одинъ и тотъ же идеаль; разица между ими была та, что одинъ, богатый знаніями, былъ наставникомъ другому, который съ своей стороны имѣлъ живую воспримчивость сердца и обращалъ въ собственность дары, истекавшіе изъ души друга. Говорю о Рейтернѣ. Замѣчательно то, что въ сраженіи подъ Лейпцигомъ они находились въ противныхъ фронтисахъ; Радовицъ командовалъ артиллерійскою батареею, у Рейтерна оторвало ядромъ правую руку. Кто знаетъ? Можетъ быть, это ядро вылетѣло изъ той пушки, которой Радовицъ прокричалъ свое: *пани!* върою только то, что этотъ роковой выстрѣлъ, по сдѣлленную обстоятельство, свелъ на одну дорогу друзей и былъ для нихъ источникомъ великаго благословенія. Обращаясь къ воинственному монаху, скажу, что первое сраженіе его въ этой монашеской войнѣ была побѣда, которой лаврами (какъ то

и принадлежить къ характеру подобной войны) была утрата его мѣста и вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ способовъ существованія. Радовицъ, держа сторону угнетенной слабости противъ угнетающей власти, былъ выгнанъ изъ Касселя и выдержалъ нѣсколько мѣсяцевъ заточенія въ Цигенхайнѣ. Наконецъ курфиреть, одумавшись, возвратилъ ему свободу и, вычеркнувъ его изъ своей службы, далъ ему пенсію съ оригинальнымъ условіемъ, чтобы онъ этимъ пенсіономъ пользовался въ границахъ Гессенъ-Касселя. Радовицъ, отвѣчая, что онъ, не заслуживъ наказанія, не почитаетъ приличнымъ принять такого рода награду, отказался отъ пенсіона и отправился въ свое изгнаніе, не имѣя никакого достатка и никакой върпой цѣли передъ глазами, съ однимъ лучшимъ своимъ богатствомъ—съ своею матерью, въ которой былъ олицетворенъ передъ нимъ завѣтъ Божій, выраженный въ его пятой заповѣди. На дорогѣ изгнанія Радовицъ отдохнулъ въ гостиницѣ, отведенной ему дружбою; потомъ открылась для него болѣе широкая дорога дѣятельности. Упомяну здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, означаемомъ и слуду его воли и трезвости его ума, надъ которымъ никогда не властвовало обольщеніе минуты. Ему надлежало выбрать между второстепеннымъ мѣстомъ субальтернъ-офицера въ прусской арміи и обязанностию быть главнымъ воспитателемъ принца при такомъ дворѣ, гдѣ, исправляя должность, удовлетворительную для ума и сердца, онъ нашелъ бы самый привлекательный и образованный кругъ общества. Онъ выбралъ первое, предпочитая желѣзную подчиненность военной дисциплины пріятной независимости педагога, которая казалась сибаритствомъ его стоической души, менѣе дорожившей трудомъ, крѣпительнымъ для ея силы. Радовицъ былъ призванъ въ Берлинъ въ 1823 году. Здѣсь неутомимая дѣятельность ума его приняла новое направленіе: къ математикѣ и къ военной наукѣ присоединилась политика; хотя онъ еще

и не былъ вызванъ на ся дорогу, по введенный въ общество, составлявшее кругъ гениальнаго кропъ-принца, онъ вошелъ въ сношеніе со многими знаменитѣйшими людьми нашего времени, государственнымъ, ученымъ и художникамъ; горизонтъ его практической жизни расширился. По главнымъ его пріобрѣтеніемъ въ эту эпоху была связь съ самимъ кропъ-принцемъ, котораго душа, преполненная стремленіемъ ко всему высокому, пошла въ душѣ Радовица отвѣтъ на всея свои жизненные вопросы. Эта дружба, со стороны кропъ-принца непритворная; со стороны Радовица безкорыстная, преданная и самоотверженная, сохранилась неизменно и донынѣ. Она имѣла великое вліяніе на всю послѣдующую жизнь Радовица; она сдѣлалась, такъ сказать, осью ея обращенія, особенно съ той минуты, когда на тронѣ Пруссіи мѣсто благодушнаго Фридриха III-го заступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, котораго душа такъ искренно, такъ безкорыстно, съ такою вѣрою въ Бога желала и желаетъ блага общаго и частнаго, котораго просвѣщенный гений такъ ясно понимаетъ, въ чемъ это благо состоитъ [по которому Богъ, строго испытующій своихъ избранныхъ, далъ вытерпѣть величайшее изъ земныхъ бѣдствій, допущеніе отъ першительности въ роковую минуту сокрушиться всеякъ идеаламъ, озарившимъ его чистую жизнь]. Фридрихъ-Вильгельмъ IV пріобрѣлъ въ Радовицѣ сокровище, цемногимъ данное на тронѣ: друга по сердцу, друга, который въ своемъ государѣ любилъ и любитъ безъ всякихъ свескорыстныхъ видовъ его самого [равно шло, какъ въ свѣтлые дни вдохновительныхъ упованій, говорившихъ о созданіи благоденствія отечеству и прочнаго міра народамъ, когда такъ сладостно было находить въ душѣ своего монарха такое чистое стремленіе и ему содѣйствовать, такъ и въ темные дни мятежа всеобщаго, когда остается одно: отбросивъ всякую надежду на успѣхъ, идти путемъ правды, рука въ руку съ государемъ

своимъ, и съ нимъ вмѣстѣ устоять или съ нимъ вмѣстѣ погибнуть]. Я не нишу біографіи Радовица, а только его портретъ, и потому не считаю нужнымъ говорить о томъ, какъ изъ Берлина онъ попалъ во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ ему—тогда только майору въ главномъ штабѣ—дано было важное мѣсто, которое передъ тѣмъ занималъ генералъ-отъ-инфантеріи. Не буду повторять того, что сказано въ нечатной біографіи о публичной жизни Радовица въ промежуткѣ отъ 1840 года до настоящаго времени. Дополнимъ къ тому можетъ служить и брошюра самого Радовица, изданная въ 1848 году; она бросаетъ блистательный свѣтъ, какъ на дѣйствія короля прусскаго въ послѣдніе предшествовавшіе революціи годы, такъ и на его теперешнія намѣренія относительно устройства Германіи. Буду говорить только объ одномъ домашнемъ Радовицѣ. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ осуществить благи идеи свои, которыхъ исполненіе произвело бы благодѣтельный переворотъ въ Германіи и, вѣроятно, спасло бы ее отъ разрушительнаго потрясенія, Радовицъ жилъ тихо въ Карлеру, занимая мѣсто министра при баденскомъ дворѣ и сохраняя званіе уполномоченнаго по дѣламъ военнымъ при Союзѣ Германскомъ. Его здоровье было сильно потрясено. Мудрецъ, наименовавшій его виновственнымъ монахомъ, конечно, назвалъ бы эту болѣзнь заваломъ неудовлетвореннаго честолюбія. Но тѣмъ, которые знаютъ и уважаютъ истину, коротко извѣстно, что Радовицъ того честолюбія, которое можетъ производить подобные въ душѣ завалы, вовсе не имѣлъ. И они, съ своей стороны, готовы назвать его въ смыслѣ честолюбія воинственнымъ монахомъ—но честолюбіе ихъ монаха будетъ не иное что, какъ исключительная любовь къ чести Божіей, которая одна есть путеводительный компасъ всеякъ дѣйствій Радовица. Итъ! при всеякъ благородномъ желаніи сохранить во всей чистотѣ свое доброе имя, дѣйствовать широко и бла-

готоворно на свое время, оставить по себѣ прищѣръ добра своимъ дѣтямъ и добрую камять потомству, Радовицъ чуждъ того честолюбія, которое тревожитъ и мучитъ душу исканіемъ власти, первенства, рукоплескаміи славы, баеска фортуны. Его честолюбіе есть стремленіе смиренно и безукоризненно приносить ежедневно отчетъ свойъ передъ судящаго его душу Бога, дабы не затрениать передъ тою минутою, которая ибкогда потребуеть послѣдняго отчета; это честолюбіе пайдете въ немъ во всякое время, — такое честолюбіе исключаетъ изъ души всякое кругое. Такъ! болѣзнь его могла ироисходить отъ многихъ горькихъ неудачъ, но не отъ неудачъ своекорыетія, — отъ неудачъ того, что умъ призналъ верховною правдою, чего сердце желало, какъ блага міру, и чему враждебно противоборствовала демоническая сила нашего времени. Утомленный такого рода неудачами, Радовицъ не желалъ ничего иного, какъ совершеннаго отстраненія отъ дѣлъ государственныхъ; онъ желалъ быть забытымъ въ томъ уголкѣ Германіи, гдѣ имѣлъ самый смиренный кругъ дѣйствія, но гдѣ съ полною свободой, не смотря на страданія тѣлесныя, предавался наукѣ и размышленію. Въ эти дни родилась его книга, обратившая на себя вниманіе всей Германіи (*Gesprache aus des Gegenwart über Staat und Kirche. Erfurt und Leipzig. 1847*). Она была написана въ ибсколько дней, въ то время, когда авторъ ея находился большой въ Вильдбадѣ, гдѣ пользовался теплыми водами. Въ ней ясно и полно выражены не только мысли самого Радовица, но и все имъ противоположныя мнѣнія о важнѣйшихъ предметахъ государства и церкви. Читеніе этой книги было глубокимъ наслажденіемъ для мысли въ то время, когда она появлялась; но теперь нельзя ее пересчитывать безъ вдумленія и ибзотораго страха: изъ нее раздается какъ будто ахо пророческаго, никѣмъ не услышаннаго, собитіями оправданнаго голоса; она появляется въ свѣтъ какъ гигантская тѣнь, пред-

возвѣщавшая бѣду подходящую, но по которой никто не предугадалъ близости страшнаго; и теперь, когда страшнаго прошло, оставивъ на пути своемъ разрушеніе, та же тѣнь его тянется вездѣ за нимъ, и на тереженію глядягъ съ тѣмъ же невниманіемъ, съ какимъ глядѣли на прежнюю. Литературное достоинство этой книги стоитъ паравнѣ съ превосходнымъ ея содержаніемъ. И здѣсь отзывается роковая бочка. Какое безчисленное множество предметовъ скаго безъ всякаго порядка въ тѣсную раму этихъ вымышленныхъ разговоровъ, имѣющихъ всю легкость и всю небрежную неприготовленность разговоровъ дѣйствительныхъ! Во всехъ философическихъ разсужденіяхъ, имѣющихъ форму разговоровъ, драматическая часть занимаетъ мѣсто подчиненное; все лица говорятъ только для того, чтобы одному главному лицу дать средство высказать свои мысли. Въ книгѣ Радовица драматическое, не будучи главнымъ (ибо въ такомъ случаѣ оно повредило бы дѣйствію цѣлаго и форма заступила бы мѣсто содержанія), имѣетъ всю живость драмы; каждое лицо отличается своею собственною физиогноміею, говоритъ за себя и употребляетъ всю силу діалектики, чтобы побѣдить и убѣдить своего соперника. И какъ то бываетъ въ дѣйствительныхъ спорахъ, каждый изъ выведенныхъ на сцену актеровъ остается при своемъ убѣжденіи, а читателю должно самому рѣшить, на чьей сторонѣ правда: для него остается очевиднымъ только то, что представитель самого автора, слѣдственно и того, что самъ авторъ почитаетъ истиннымъ, не есть радикаль-атеистъ Детлевъ, ни бюрократъ Эдертъ, ни рационалистъ-адвокатъ представительнаго правленія Крузіусъ, ни вѣрующій протестантъ-абсолютнистъ Ариесбургъ (все впрочемъ честные люди), — а строгій католикъ Вальдгеймъ, защитникъ чистой, на Божіей правдѣ основанной монархіи. Конечно, весьма трудно извлечь корень изъ этого философическаго квадрата; но авторъ писалъ не для дѣтей, а

для читателей, знающихъ арифметику, и онъ хотѣлъ дать имъ случай повторить легкимъ образомъ ту трудную операцію, которую въ своемъ ребячествѣ сдѣлалъ надъ бочкою.

Въ это время судьба Божія послала на него великое испытаніе, которое онъ перенесъ какъ христіанинъ, пѣкшій сердцемъ и твердый духомъ: онъ потерялъ единственную дочь пятнадцати лѣтъ. Она была уже въ полномъ развитіи, была прекрасна, щедро одарена природою и готовилась быть прелестію свѣта, — вдругъ у самаго входа въ этотъ свѣтъ остановила ее смерть; но, быстро уводя ее за собою, она дала ей свѣтлымъ окомъ непорочности взглянуть и на покаяемую жизнь, и на приближающуюся вѣчность. Въ немногія мгновенія отходящая, молодая душа ея, вдругъ просвѣщенная, получила все, что приобретається однимъ долгимъ здѣсь пребываніемъ и обыкновенно цѣною тяжкихъ испытаний; она, какъ говорятъ Босенотъ, привѣтливо приняла смерть. И какъ ни глубоко прозила ея утрата сердце отца и матери, но она дала имъ увидѣть глазами то, что всего выше и всего желаннѣе: увидѣть таинство перехода души въ жизнь вѣчную во всей ея чистотѣ первобытной, во всей радости примиренія съ Богомъ, таинство, совершившееся надъ ихъ дочерью, которой послѣднія минуты останутся навсегда нестерпимымъ сокровищемъ сладчайшаго воспоминанія. Земныя бѣдствія получаютъ значеніе свое по мѣрѣ той ясности, въ какой они являютъ намъ посылающаго ихъ Бога. Въ этой милой, чистой, дѣвственной кончинѣ Его присутствіе ознаменовалось самымъ умилительнымъ образомъ; оно проникло душу родителей, и болѣзнь печали обратилась для нихъ въ глубокое опущеніе Господней благодати. Чтобы означить одну чертою и твердость и нѣжность души Радовица, скажу, что во все продолженіе роковой болѣзни онъ ежедневно писалъ къ семейству друзей своихъ, которые беззаконно объ его дочери, и наконецъ почти въ самый часъ ея кончины самъ

въ немногихъ, трогательныхъ словахъ описалъ имъ ея послѣднія минуты. На гробѣ ея стоитъ: *Ich werde loben den Herrn in dem Lande der Lebendigen.*

Въ этомъ подробнѣе есть что-то удивительное и таинственное. Оно не только утѣшило для вѣрующаго сердца, но и сильно говоритъ воображенію. Кто видѣлъ Марію Радовицъ во всемъ цвѣтѣ красоты и молодости, и читаетъ на тихомъ гробѣ ея или про себя воспоминаетъ эти святые слова, тому какъ будто видится эта душа, пролетающая землю живыхъ, и какъ будто слышится ея знакомый, славящій Бога Всевышняго голосъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1847 года (черезъ полтора года послѣ смерти дочери) начинается тревожная, политическая дѣятельность Радовица. Она описана подробно Френдорфомъ. Этотъ періодъ его жизни представляетъ неразрывную цѣпь испытаний тяжелыхъ, но выносимыхъ съ твердостью непоколебимою. Сначала бесполезная поѣздка въ Вѣну для рѣшительнаго побужденія австрійскаго правительства къ преобразованію Германскаго Союза — исполненіе этого плана остановлено швейцарскими смутами; потомъ поѣздка въ Парижъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ швейцарскихъ — швейцарскія дѣла исчезаютъ передъ февральскою революціею; Пруссія снѣшитъ вызвать Австрію на немедленное приступленіе къ преобразованію Германіи и съ ея полномочіемъ снова послалъ Радовицъ въ Вѣну — поздно: и Вѣна и вслѣдъ за нею Берлинъ падаютъ во власть анархіи. Немедленно по возвращеніи въ Берлинъ Радовицъ взялъ четкую отставку, какъ генералъ и какъ дипломатъ, и покинулъ столицу Пруссіи, дѣл свѣршествовалъ мятежъ по всемъ своимъ отгратительнымъ безчиствамъ, не имѣвъ прискорбной отрады и взглянуть на своего государя [увлеченнаго сплою обстоятельствъ на иной путь, на которомъ его вѣрный слуга не могъ уже за нимъ слѣдовать. Онъ долженъ былъ его покинуть окруженнаго такою бурей, которой приближеніе оба предвидѣли, ко-

торую оба успивались отвратить и которая своимъ порывомъ бросила короля именно въ тотъ самый потокъ, отъ разливныхъ гонимъ котораго онъ такъ желалъ защитить свое отечество]. Въ эту минуту, казалось, вдругъ пропала подъ ногами Радовица та дорога, по которой до того времени указывало ему идти Провидѣніе. Имѣя только то честолюбіе, о которомъ я говорилъ выше, и совершенно чуждый своекорыстію, онъ не пожалѣлъ о внезапной утратѣ всего, что называется въ свѣтѣ фортуною (ошибочный переводъ этого слова есть счастье); полный тяжкой скорби о своемъ государѣ и о бѣдствіяхъ, постигшихъ отечество, но съ тишиною сердца, которое не шептало прстивъ него никакого уприска, Радовицъ покинулъ сцену своей публичной дѣятельности; онъ удалился въ Мекленбургъ, гдѣ нашелъ убѣжище въ семействѣ милыхъ родныхъ. Съ ноября 1847 года, слѣдовательно почти ровно шесть мѣсяцевъ, былъ онъ въ разлукѣ съ своимъ семействомъ; его жена и четверо сыновей находились въ Карлеру. Поселившись въ Гивницѣ, въ домѣ своего шурина графа Фосса, онъ написалъ къ женѣ, чтобы она покинула Бадепъ и переселилась съ дѣтьми также въ Гивницѣ. Здѣсь, отдохнувъ подъ гостеприимною кровлею дружбы и разобравъ то немногое, что послѣ кораблекрушенія было ему выброшено волнами на берегъ, онъ хотѣлъ на досугѣ устроить планъ своей жизни. Итогъ оставшагося ему достоянія былъ весьма скуденъ: небольшая сумма, скопленная строгою экономіею во все годы службы, и пенсіонъ генеральскій, который онъ имѣлъ полное право получить немедленно, но который былъ опредѣленъ ему нѣсколькими мѣсяцами позже, такъ что въ началѣ (какъ денутатъ національнаго собранія въ Франкфуртѣ) онъ не имѣлъ никакого псаго дохода, кромѣ дѣтъ своихъ, то есть, если не ошибалось, трехъ или пяти гульденовъ въ день. Этими пенсіономъ надлежало удовлетворять всемъ потребностямъ жизни и давать образованіе четверемъ сыновьямъ,

которые все уже готовы были къ началію классическаго ученія. Но Радовицъ не даромъ учился математикѣ въ политехнической школѣ; какъ прежде онъ прилагалъ теорію рикошета къ прыгающимъ на полѣ сраженія ядрамъ, такъ и здѣсь, на полѣ пнаго сраженія, онъ сумѣлъ сладить самымъ удовлетворительнымъ образомъ свой расходъ съ своимъ приходомъ, включивъ въ бюджетъ самое строгое ограниченіе жизни, которое, впрочемъ, ни для него, ни для героическаго характера его жены ничего затруднительнаго не представляло. И, вѣроятно, въ эти дни испытанія не разъ и онъ и она подумали съ умиленіемъ о той спокойной могилѣ, въ которой скрылась отъ жизни ихъ милая дочь, на которой въ то время свѣжо распускала весна свои цвѣты, тогда какъ кругомъ свирѣпствовала мятежь, за которою было такъ небесно свѣтло, тогда какъ земное будущее часъ отъ часу становилось темнѣе. Эти немпогіе дни, проведенные въ Гивницѣ, были для усталой души Радовица крѣпительнымъ отдыхомъ. Почитая конечнымъ тотъ путь, по которому онъ до тѣхъ поръ шелъ, повинаясь указанію Промысла, онъ сдѣлалъ свои предварительные расчеты для новой открывшейся ему дороги; эта дорога должна была его вести прямо туда, гдѣ все покорить, доволъствовать и возвеличиваетъ душу, въ святилище науки, недоступное волшебіямъ свѣта. Утѣшенный свиданіемъ съ семействомъ, которое, покинувъ Карлеру, соединилось съ нимъ въ Гивницѣ, онъ весело отдохнулъ на перенутьѣ къ этому желанному убѣжищу, гдѣ надѣялся наконецъ предаться волюѣ духовной жизни, разставившись съ тревогами свѣта. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы поселиться въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ Пруссіи, гдѣ было бы жить дешево, гдѣ находилась бы хорошая гимназія для учебнаго образованія дѣтей и гдѣ былъ бы климатъ здоровый: онъ думалъ выбрать Венцларъ. Между тѣмъ, дабы пріятно раздѣлать свой досугъ съ окру-

жающими его родными, онъ вызвался преподавать имъ лекціи нѣмецкой литературы среднихъ вѣковъ. Предложеніе принято было съ радостію, и лекціи начались объясненіемъ пародной нѣмецкой *Иліады*, *Писни Нибелунговъ*. Это обстоятельство само по себѣ не заслуживаетъ особеннаго вниманія; по если вспомнить, кто и послѣ какихъ событій съ такою сладостію переходилъ изъ міра тревогъ, гдѣ на самомъ себѣ испыталъ разрушительность благъ житейскихъ, въ безмятежный міръ поэзіи, и тамъ все забывалъ, раздѣляя прелесть этой поэзіи съ сердцами, понимающими его сердце, — то невольно почувствуешь благоговѣніе передъ младенческою свѣтлостію этой души, которая, глубоко вѣдая, какая буря окружаетъ ее, также оставалась тиха при своемъ знаніи, какъ младенецъ, безстрашный отъ своего непорочнаго познанія. Но этотъ поэтическій отдыхъ былъ непродолжителенъ. Два черезъ три по открытіи лекцій (при которыхъ присутствовали только жена и дѣти профессора, его теца, графиня Фосетъ, и ся сынъ съ своею женою), посреди изъясненій безыменнаго Гомера Германія, подали Радовицу письмо; онъ прочиталъ его и молча подаль его женѣ, которая по прочтеніи письма, не задумавшись, сказала одно слово: *попытайся*. Письмо было отъ незнакомаго, который увѣдомлялъ Радовица, что онъ выбранъ отъ вестфальскихъ округовъ (арнебургскаго и вестфальскаго) депутатомъ въ Франкфуртскій парламентъ. И уже въ тотъ же вечеръ Радовицъ былъ на дорогѣ въ Франкфуртъ. Это одна изъ тѣхъ героическихъ или богоподобныхъ минутъ человѣческой жизни, въ которыя совершается величайшее торжество души нашей: ся полное самоотверженіе передъ голосомъ долга, то есть въ смыслѣ Радовица и въ смыслѣ истины передъ волею вышшею. Для Радовица быть депутатомъ Франкфуртскаго парламента значило вступитъ въ бой со всеми враждебными мнѣніями нашего времени, значило броситься въ быстрый потокъ, чтобы

плыть противъ теченія и, сражаясь съ волнами, если не остановитъ на немъ корабль, сорванный имъ съ якоря и толкаемый на бурное стремя хищниками, умовающими обогатиться добычею отъ его разрушенія, то хотя помочь другимъ, его спасающимъ, удержать его у какого-нибудь берега и не дать ему умчаться въ открытое море. Онъ зналъ напередъ, что ему нельзя ожидать никакого успѣха, но крайней мѣрѣ того успѣха, который одинъ могъ быть для него желаннымъ, что ему надлежало вступитъ подъ деснотическое знамя партій и бороться съ тѣмъ всеобщимъ предубѣжденіемъ, которое въ отношеніи религіи величало его іезуитомъ, а въ политикѣ видѣло въ немъ грубаго абсолютиста и честолюбца, таящаго въ душѣ непроницаемые замыслы; онъ зналъ, что при появленіи его на сценѣ парламента крѣпки вражды и клеветы противъ него едѣлаются общими воплемъ — все это онъ зналъ, и пожертвовалъ этому призыву, разрушительному для его спокойствія, всеми душевными благами, которыя начинали уже слетаться для него подъ кровлею построенаго имъ воздушнаго замка въ мечтательномъ уголкѣ Вейдара.

Не буду говорить о парламентской дѣятельности Радовица въ Франкфуртѣ. Она изображена довольно подробно въ брошюрѣ Френсдорфа. Я плохой судья въ политикѣ. Но въ политикѣ, которой слѣдуетъ Радовицъ, я лучше всѣхъ знаю, на какой осп она вертится. Эта осп есть воля Божія.

Приведу здѣсь одинъ случай, дабы лучше обозначить нравственный характеръ Радовица. Онъ оставилъ въ Гивницѣ все свое семейство. Черезъ нѣсколько времени по приѣздѣ свосей въ Франкфуртъ, онъ получалъ отъ жены письмо, въ которомъ она извѣщала его, что кругомъ ихъ бунтуютъ крестьяне, что они принуждены бѣжать изъ Гивница, въ соседствѣ котораго уже свирѣпствуютъ мятежники. Въ это время я имѣлъ случай видѣть Радовица. Къ дѣламъ парламента, которыхъ ходъ и направленіе угнетали

его душу, вдругъ присоединилась такая страшная тревога: жена и дѣти окружены опасностію, а онъ отъ нихъ далеко и каждое письмо приносятъ извѣстія болѣе и болѣе тревожныя. Что же? Когда я, понимая эту пытку неизвѣстности (которая продолжалась каждыя двадцать четыре часа въ промежуткахъ между двумя письмами), ему сказала: «что еще узнаешь ты завтра?»—онъ отвѣчалъ: *я узнаю самое для меня лучшее*, и онъ сказалъ это просто, какъ отвѣтъ необходимый на пѣчто ежедневное: *самое лучшее! Что бы ни случилось — все лучшее, ибо оно отъ Бога!* Признаюсь, мнѣ никогда не случалось слышать ничего, въ чемъ бы такъ выразилась вѣра въ Провидѣніе Божіе, обращенная въ постоянное, всегда въ душѣ присутственное чувство, въ ея всегдашнюю, глубокую мысль, разливающую свѣтъ и миръ на все житейское. Скоро пришли извѣстія успокоительныя и онъ продолжалъ безостановочно исполнять ближайшій долгъ свой.

На трибунѣ франкфуртскаго парламента явился Радовицъ, какъ ораторъ вышшаго разряда. Многіе изъ писавшихъ о немъ утверждаютъ, что онъ предварительно сочинялъ и пишеть свои рѣчи. Это несправедливо. Все онъ были импровизированы. Само по себѣ разумѣется, что, готовясь взойти на трибуну, онъ составлялъ предварительно въ головѣ и, можетъ быть, записывалъ всю цѣль своихъ предложеній; но живое слово, выражающее все въ связи, было всегда созданиемъ минуты. Его краснорѣчіе имѣетъ характеръ ландшапный: неразрывная цѣль мыслей, для каждой мысли столько словъ, сколько нужно, ни болѣе, ни менѣе, и каждое слово точно, разительно, необходимо. Нѣтъ нигдѣ позыва на эффектъ; нѣтъ искусственнаго блеска выраженій, нѣтъ ораторскаго кокетства, повелюду господствуетъ ясность, которая даетъ слушателю легко обхватывать однимъ взглядомъ все цѣлое. Тайна этого краснорѣчія, какъ говоритъ самъ Радо-

вицъ, заключается въ господствѣ воли надъ мыслию и словомъ, въ рѣшимости ничего не имѣть передъ глазами, кромѣ своей цѣли, и идти къ ней путемъ рѣчи, не обращая вниманія ни на что постороннее, ни на собственный успѣхъ, ни даже на вниманіе слушателей [впередъ самымъ короткимъ путемъ, дейти незамѣтно—вотъ все]. Приведу здѣсь то, что мнѣ случилось сказать въ письмѣ къ другу о характерѣ этого чуднаго краснорѣчія. Я сравнилъ слогу Радовица съ слогу тогданныхъ современныхъ полятковъ: «Въ слогу челоуѣка весь челоуѣкъ—le style c'est l'homme, говоритъ Бюффонъ; это неоспоримо; передъ глазами моими лежатъ четыре печатныя статьи: одна—обозрѣніе 1848 года въ Новой Прусской Газетѣ (кто авторъ ея, мнѣ не извѣстно); рѣчь Бассермана о выборѣ германскаго императора, неповѣдъ кандидата для выборовъ въ камеру депутатовъ Каппца и рѣчь Радовица за Австрію. Все эти статьи прочиталъ я съ живѣйшимъ участіемъ. Вѣрное выраженіе вѣншимъ словомъ того, что внутри души есть истина, имѣетъ неслыханную увлекательность; но оно зависить и пріобрѣтаетъ свой оттѣнокъ отъ личности выражителя. Примѣняя это къ четыремъ прочитаннымъ мною статьямъ, скажу, что истина Бассермана кажется выходящею изъ твердой души, которая, передавая ее другимъ, сама съ нею имѣть не дается; отъ него принимаешь, но съ нимъ самимъ не имѣешь ничего общаго, и слово его, при всей своей убѣдительности, оставляетъ тебя въ покоѣ. Истина обозрѣтеля, напротивъ, выходитъ изъ души горячей; ее принимаешь съ живымъ участіемъ, но и съ какою-то тревогою, которая происходитъ отъ примеси чего-то страстнаго, чувственно-челоуѣческаго, къ тому, что по натурѣ своей есть чисто духовное; это сводить ее степенно ниже, хотя и не вредить ея дѣятелю. Истина Каппца имѣетъ привлекательную прелесть отъ чистоты и прозрачности того языка, который ее выражаетъ, но она теряетъ

часть своего достоинства отъ какой-то легкой игривости и искусственного протодушия, которыя даютъ чувствовать, что выражающій ее столь же заботится о дѣйствіи своего краснорѣчія, какъ о самомъ его предметѣ. Съ Бассерманомъ не думаешь о человѣкѣ; съ обозрителемъ любишь человѣка, но тѣмъ самымъ, такъ сказать, становишь на одну съ нимъ доску его истины и не даешь ей принадлежанаго ей перенетства; съ Каппцемъ занимаешься болѣе самимъ человѣкомъ, который своею заботливостію объ эффектѣ уменьшаетъ простоту своей истины и вредитъ ей спокойному дѣйствію. Наконецъ истина Радовица. Присутствіе этой истины имѣть въ себѣ что-то сверхъестественное, что-то похожее на появленіе чистаго духа, гостя изъ вышняго порядка; эта простота, неукрашенная, непосредственно изъ души вылетающая истина увлекательнѣе для меня всякой поэзіи; сердце трепещетъ и слезы выступаютъ изъ глазъ, когда я слышу ея, какъ голосъ Золовой арфы, глубокіе звуки; я не думаю о томъ, кто ее выражаетъ, но чувствую, что въ этой земной истинѣ соприсутствуетъ Тотъ, Кто одинъ ея источникъ. Я чувствую сліяніе съ нею того святаго, которое безъ словъ убѣждаетъ и одно человѣческому слову даетъ его силу. Не довольно одного дарованія быстро находить для своей истины живое, сильное, ясное или острое слово.—надобно имѣть въ нее вѣру, надобно себя забывать въ ней и приступить къ ея принятію и проповѣданію какъ къ таинству, очищающему и спасающему душу. Такова истина Радовица, таково ея на меня дѣйствіе, когда онъ ее выражаетъ перомъ и рѣчью. И въ парламентѣ франкфуртскомъ никого не слушали съ такимъ вниманіемъ, какъ его; не говорю съ такою довѣренностію, ибо въ эти дни всеобщей горячки, болѣе нежели когда-нибудь, видѣли іезуита въ христіанинѣ и строгомъ католикѣ, и абсолютста въ проповѣдникѣ монаршей, происходящей отъ Бога власти. Того котор-

кѣ, сильныя рѣчи произвели нѣкоторое частное добро: онъ содѣйствовалъ къ обращенію нѣкоторыхъ бѣдственныхъ постановленій: но это были капли масла, брошенныя въ волнующее море. Обезумленный парламентъ былъ непобѣдимъ; онъ могъ только самъ, какъ двѣнадцатилетній змѣй въ сказкѣ о Иванѣ Царевичѣ, растерзать себя собственными своими когтями. Такъ и случилось. Но еще прежде этой развязки, въ которой такъ ясно выразилось, хотя и никѣмъ не было признано, наказаніе свыше, Радовицъ уже призванъ былъ въ Берлинъ. Ему предложенъ былъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ; онъ отказался принять его, но повинуюсь волѣ своего вѣрно имъ любимаго государя, онъ согласился не свѣтити всю свою дѣятельность разрѣшенію трудной задачи единства Германіи, и вступилъ въ тѣсный союзъ съ героическимъ прусскимъ министерствомъ, которое такъ ярко блистаетъ именемъ графа Бранденбурга. Скажу здѣсь мимоходомъ: графъ Бранденбургъ въ молхѣ глазахъ есть герой нашего времени; въ рѣшительную минуту, когда его отечество по крутому склону стремилось на дно бездны, онъ съ самоотверженностію римскаго Курція кинулся влѣдъ за нимъ и удержалъ его на паденіи однимъ своимъ мужествомъ. Онъ сорвалъ съ революціи маску ея, и для всѣхъ сдѣлалось очевидно, что для одержанія побѣды надъ этимъ фантазмагерическимъ чудовищемъ пужно было только мужество. Какую будутъ имѣть развязку дѣйствія его министерства, этого нельзя предвидѣть; но имя графа Бранденбурга навсегда останется въ лѣтписяхъ Пруссіи символомъ любви къ отечеству и рыцарской вѣрности своему государю. Съ этимъ министерствомъ заодно дѣйствуетъ теперь Радовицъ, какъ комиссаръ правительства прусскаго въ Эрфуртскомъ парламентѣ, гдѣ идетъ дѣло о единствѣ Германіи. И здѣсь на вопросъ: что выйдетъ изъ Эрфуртскаго парламента? одинъ отвѣтъ: неизвѣстно. Ставляя предсказывать будущее

записнымъ пророкамъ политики, обращаю глаза на главнаго дѣйствителя, на Радовица. При этомъ взглядѣ двоякое чувство проникаетъ душу мою. Во-первыхъ чувство глубоко-меланхолическое, когда смотрю со вниманіемъ на его тревожную жизнь въ послѣдніе годы. По какому-то особенному опредѣленію судьбы, опъ во все это время призывается быть къ дѣйствию только тогда, какъ благопріятная минута для побѣды уже была пропущена, когда оставалось только одно: угадать съ возможною вѣроятностію, какой выбрать путь, чтобы отвратить худшее. Таково было положеніе Радовица относительно къ дѣлу внутренняго образованія Пруссіи при восшествіи на престолъ Фридриха Вильгельма IV, то же самое относительно преобразованія Германіи, то же относительно къ швейцарскому вопросу. И ни въ чемъ не могло быть удачи. Радикализмъ одержалъ верхъ въ Швейцаріи; опытъ монархіи, не представительной, а монархіи штатовъ, не имѣлъ успѣха; реформу Германскаго Союза поглотила революція. То же и теперь: Радовицъ призванъ былъ въ совѣтъ короля въ ту минуту, когда разрывъ съ національнымъ собраніемъ совершился и никакой побѣды на этомъ пути ожидать уже было невозможно. Въ настоящую минуту онъ брошенъ въ потокъ, когда плотина его почти разрушена и когда нельзя предвидѣть, куда помчатся безпрестанно успливающіяся волны. Ему никогда не приходилось выкраивать изъ цѣльной ткани, а только сшивать на живую нитку лохмотья. Обвиненіе въ неудачѣ падеть на него — но будетъ ли оно справедливо? О, конечно, нѣтъ! И здѣсь представляется для всѣхъ, кто знаетъ Радовица, кто понимаетъ тайну его жизни, другая утѣшительная сторона предмета. Того мѣста, которое занимаетъ онъ теперь, Радовицъ не искалъ. Венцарскій уголокъ, съ своимъ очарованнымъ наукою покоемъ, увеселительно сіялъ передъ нимъ въ перспективѣ, какъ послѣдній пріютъ послѣ бури партій, въ которую такъ не-

ожиданно бросила его покорность долгу; вдругъ, столь же неожиданно, та же покорность долгу перебросила его на другую сцену. Онъ покорился призванію короля своего; онъ принялъ роковую чашу, зная, какое горькое питье она въ себѣ заключаетъ, принимая безъ всякаго ослѣпленія, безъ всякаго упованія на какую-нибудь выгоду или славу земную, даже безъ ожиданія успѣха. Когда обыкновенный честолюбецъ отваживается схватить подобную чашу, онъ видитъ въ ней одно средство для исполненія своихъ замысловъ и гордо уповаешь на свою силу и на удачу. Радовицъ, напротивъ, принялъ эту чашу только потому, что Высшей руки, подающей ее, оттолкнуть нельзя; что всякой даръ этой руки надлежитъ принимать на колѣнахъ, не забывая о томъ, какое будетъ послѣдствіе смиреннаго принятія, и что, разъ принявши поданную свыше чашу, надлежитъ пить до дна, то есть во что бы то ни стало творить то, что разумъ призналъ за истину, а сердце за правду. Я знаю, на дѣлѣ знаю, что относительно Радовица это такъ. Знаю болѣе: если бы это убѣжденіе въ истинѣ и правдѣ было перевѣшено хотя на волюе другимъ, лучшимъ, то Радовицъ ни минуты не колебался бы уступить этому лучшему и сталъ бы самому себѣ противодѣйствовать, прямодушно признавъ необходимость подчинить свое убѣжденіе другому, болѣе близкому къ истинѣ. Ваше чистое сердце, которое вѣрится святому, легко приметъ свидѣтельство моего слова, равновѣрно и всякой, кто знаетъ Радовица, какъ я: изъ другихъ — многіе въ этомъ свидѣтельствѣ найдутъ одинъ романъ, и весьма многіе станутъ надъ нимъ ругательно смѣяться, или извлекутъ изъ него новый поводъ для оскорбленія и клеветы.

Въ 1848 году, въ бѣдственные дни марта, возвращаясь изъ Вѣны, гдѣ онъ былъ свидѣтелемъ быстро сокрушенія древней монархіи передъ толпою нѣсколькихъ студентовъ, въ Берлинъ, о бунтѣ котораго онъ услышалъ на половинѣ

дороги, Радовичъ написалъ слѣдующія строки:

«Das Recht, sowohl das der Einzelnen, als das der Staaten, ist kein Werk menschlichen Willens oder meins, sondern eine Entwickelung göttlicher Willensacte. Diese treten entweder unmittelbar hervor in den Offenbarungen an die Menschheit und in dem Gewissen der Einzelnen, oder mittelbar in dem Naturprozesse des geschichtlichen Verlaufes. Daher eine göttliche und eine irdische Seite im Rechte, die beide doch wieder auf denselben Urheber zurückgehen.

«In diesen Grundgedanken liegt der einzige durchgreifende Gegensatz in der Politik. Er schützt eben so sehr vor falschem Conservatismus, der nur das todte Bestehen kennt und die historische Fortentwicklung laugnet, als vor allen Systemen der Irlehre, die sämmtlich von der Autonomie des menschlichen Geistes ausgehen.

«Dieses sage ich Angesichts der Umwälzungen, die seit vier Wochen das alte rechtliche Europa aus den Angeln heben. Im andern Sinne wende ich darauf an: was auch die Menschen sagen und thun mögen, e pur si muove! 16 März 1848».

Такое свѣтлое убѣжденіе въ такое темное время! Извѣстно, что Галилей за утвержденіе, что земля движется около солнца, былъ заключенъ въ тюрьму и наконецъ его принудили произнести отреченіе отъ этого мнѣнія. Онъ произнесъ его на коѣнахъ; но поднявшись, топнулъ въ землю ногой и сказалъ: e pur si muove, — а все она движется! Когда Галилей произнесъ свое слово, онъ былъ единственною жертвою немногихъ фанатическихъ безумцевъ, возставшихъ противъ истины, для нихъ непонятной. Здѣсь, напротивъ, это слово произносится въ такую минуту, когда все кругомъ того, въѣмъ оно повторяемо, падаетъ, когда хранительное присутствіе Промысла для глазъ его заслонено торжествомъ злаго безвѣрія и разврата, когда исполненіе лучшихъ его желаній и надеждъ вдругъ является невозможнымъ, когда и все зданіе соб-

ственной судьбы его разомъ опрокинуто. Такъ, Радовичъ [e pur si muove!], правда Божія жива! Что бы тебя ни ожидало, дойдешь ли до цѣли своей, которая не иное что, какъ стремленіе къ общему благу, будешь ли долженъ сойти съ пути своего побѣжденный, отворить ли, наконецъ, передъ тобою Всевышняя Воля двери въ твой смиренный уголокъ вецларскій— все останутся съ тобою неприкосновенно твои три сокровища: безпорочная жизнь предъ Богомъ, свѣтъ науки и наконецъ этотъ послѣдній часъ, когда откроется передъ твоею възрующею душою тотъ міръ, при входѣ въ который подобно будетъ сбросить съ себя все земное и сохранить только то, что непосредственно принадлежитъ душѣ на всю вѣчность. О! это сброшенное земное будетъ та о тебѣ память, которая останется прекраснымъ наслѣдствомъ для твоего семейства, хранителемъ сердца твоихъ сыновей, предметомъ уваженія для современниковъ и для потомства; а это сохраненное на всю вѣчность будетъ тотъ прибрѣтенный здѣсь вѣрою и созерцаемый въ глубинѣ души Богъ, во имя Котораго ты жилъ, боролся съ собою и съ тяжкими непытаніями земнымъ, и Которому всегда, вездѣ и во всемъ покорствовалъ мыслію и дѣломъ.

ПО ПОВОДУ НАПАДОКЪ НѢМЕЦКОЙ ПРЕССЫ НА РОССИЮ.

письмо въ редакцію газеты.

Въ 66-мъ номерѣ вашей газеты напечатана статья о союзникахъ Германіи: она побудила меня обратиться къ вамъ и просить васъ помѣстить приложенную статью въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ вашихъ. Ваша газета отличается безпристрастіемъ и чистотою направленія; теперь книгопечатаніе свободно: чтобъ быть истинно свободнымъ, надлежитъ быть справедливымъ. Каждому свое. Вотъ почему и надѣюсь, что вы дадите мѣсто моей статьѣ въ страницахъ вашей газеты.

Во всѣхъ журналахъ и газетахъ воз-

стаютъ противъ союза съ Россіею, ужасаются той помощи, которую она можетъ подать Германіи противъ Франціи, осыпаютъ ругательствами русскаго царя и народъ русскій, и, какъ чудовищное привидѣніе, тревожить всѣхъ набѣгъ козаковъ и башкировъ, готовыхъ растерзать Германію и принести въ нее восточное варварство. По настоящему на все это отвѣчать не нужно: ложныя понятія сами себя опровергаютъ; но разъ навсегда надобно сказать безпристрастную правду.

Русскому царю, повелѣвающему народомъ вѣрнымъ и увѣреннымъ, что самодержавіе монархическое для сохраненія бытія его надежнѣе самодержавія народнаго,—нѣтъ никакой необходимости въ союзѣ съ Европою: онъ силенъ у себя. Во внутренность его великой державы никакой врагъ ворвался не покусится, помня судьбу Наполеоновой арміи; внѣ своихъ границъ онъ побужденъ быть не можетъ по той простой причинѣ, что онъ изъ нихъ не выйдетъ ни для какихъ завоеваній, ему ненужныхъ [не тронъ никто Константинополя—Россія его не тронетъ]. Эта политика, предписываемая здравымъ смысломъ, есть въ то же время и личный, честный характеръ ея нынѣшняго императора; какъ ни старается безобразить его клевета злонамѣренная, Европа должна признаться, что въ его дѣйствіяхъ нѣтъ ничего криваго и двусмысленнаго. Его правила: не тронъ меня, я никого не трону. Что русскій императоръ не наклонилъ головы передъ возмущившею Польшею, можетъ ли за это его порицать Европа? Чтѣ бы сказала она, если бы онъ сдѣлалъ противное? Не на его душѣ несправедное раздѣленіе Польши: онъ получилъ ее, какъ русскій государь, отъ своихъ предшественниковъ въ наслѣдство—онъ только сохранилъ и всегда сохранить неприкосновеннымъ состояніе своего царства.

Германія ни какъ защитница, ни какъ добыча—не нужна Россіи; столь же мало нужно Россіи быть защитницею Германіи—отъ этого можетъ она выиграть

одну только безкорыстную славу, заплативъ за нее людьми и деньгами. Но она уже имѣетъ эту славу на всѣ времена и можетъ ею довольствоваться, не заботясь о приобрѣтеніи новой. Эта слава, которой исторія у нея не отыметъ, есть слава той великой эпохи, когда, сладивъ со всею Европою, покоривъ всѣхъ германскихъ государей своему игу, разоривъ ихъ народы, употребивъ ихъ силы въ пользу своего самовластія,—Наполеонъ съ войсками всей этой Европы ворвался въ границы русскаго царства и сокрушился объ твердую волю русскаго царя, который сказалъ великое слово: *не положу оружія, покуда хотя одинъ врагъ останется въ предѣлахъ моихъ*—и сдержалъ это слово; слава Россіи въ пожарѣ ея древней Москвы, въ смѣломъ выступленіи за Наполеонъ изъ своихъ предѣловъ и въ громкомъ воззваніи всей Германіи на соединеніе съ нею противъ общаго врага; слава Россіи есть ея Александръ, который два раза спасъ Пруссію, который былъ центромъ соединенія силъ Германіи и воли ихъ государей во времена всеобщей борьбы, не имѣвшей бы успѣха безъ единства. Въ эту эпоху помощь Россіи была спасительна для Германіи; теперь Германія поноситъ Россію и ея боится, какъ нѣкогда римскій міръ боялся гунновъ. Какія попытки на завоеванія даютъ на это право? Но причины такого всеобщаго возстанія мнѣній противъ Россіи въ Германіи надобно искать въ другомъ источникѣ: въ совершенной противоположности тѣхъ двухъ основаній, изъ которыхъ на одномъ вѣками утверждена Россія, а на другомъ теперь вдругъ стала и хочетъ утвердиться Германія. Но объ этомъ здѣсь говорить не мѣсто.

Что же касается до страха, внушаемаго мнимымъ завоевательнымъ честолюбіемъ Россіи, то онъ самъ исчезнетъ, какъ всякое другое привидѣніе. Съ спокойнымъ вниманіемъ къ понятіямъ ошибочнымъ и къ клеветамъ злонамѣреннымъ—Россія можетъ сказать Германіи: если ты нѣкогда спасла свою самобыт-

ность, то этимъ обязана ты не одному своему собственному національному героизму, но и вѣрному содѣйствію Россіи, которая въ тѣ времена стояла за тебя, какъ за себя. Если опять настанетъ время, въ которое такое же бѣдствіе поѣтитъ тебя и ты отвергнешь помощь Россіи, Россія отъ этого не будетъ менѣ Россіею; она не подумаетъ насильственно за тебя вступаться. О завоеваніяхъ же областей твоихъ ей и подуматъ невозможно, по той причинѣ, что такія завоеванія не только ей не нужны, но и вредны: пе съ ея востока приходили *замышлятели всемирной европейской монархii* и приносили всеобщій деспотизмъ, но съ запада—оттуда, гдѣ и прежде кричали и теперь кричать.

Русскія же завоеванія всѣ были для *самобытности*, а не для *всемирно владычества*: тѣ границы, въ которыя Россія мало по малу вступила, были ей *необходимы*, пбо сила нужна для само-

бытности; все, что для пріобрѣтенія этой силы было ей нужно, то совершено. Теперь для завоеваній дальнѣйшихъ никакого повода не существуетъ: это были бы не *образовательныя*, а *разрушительныя* пріобрѣтенія. На пограничномъ камнѣ русскаго царства стоитъ: *не да-мѣ*. Для Россіи теперь начинается новая великая эпоха ея бытія: *боевое* развитіе для безопасности совершено; начинается *мирное* внутреннее развитіе для благоденствія. Сіе внутреннее развитіе можетъ быть произведено въ ней только самодержавіемъ. Самодержавіе есть жизненная стихія, есть историческій путь Россіи, то есть путь, проложенный ей Провидѣніемъ. Пустькай Германія идетъ своимъ путемъ, не понуждая Россію за нею слѣдовать и не понося ея за ея своеобразность. Пути различны: но цѣль ихъ одна: благоденствіе народное, основанное на Божіей правдѣ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

(Изъ неизданныхъ и черновыхъ
рукописей поэта).

1800—1802.

ЛОЖНЫЙ СТЫДЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВИИХЪ.

Г. Коцебу.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Совѣтникъ Флаксландъ.
Жена его.
Вильгельмина, ихъ дочь.
Эмма, ихъ воспитанница.
Капитанъ Эрлахъ.
Фонъ-Кугель.
Виконтъ Мальякъ.
Фрелонъ.
Мадамъ Моро.
Иванъ, садовникъ.

ДѢЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Иванъ (*подръзываетъ деревья въ саду и ворчитъ про себя тѣсно. Немного спустя говоритъ*). Сколько негодныхъ растений! здѣсь и вездѣ—только не всюду ихъ подръзываютъ. О! о! Когда бы мнѣ можно было съ своими ножницами забраться въ кучу этихъ молодыхъ вертопраховъ! Щолкъ! щолкъ! такъ бы и летѣли головы. (*Зачинаетъ тѣть, послѣ говоритъ*). Вѣдной мой господникъ! Прежде радость здѣсь цвѣла, какъ негодная трава, сама собою, во всѣхъ углахъ, безъ всякаго присмотра; теперь сдѣлали изъ этого мѣста густую аллею, такъ, что и солнечные лучи не могутъ съвозъ нее проникнуть. А полисадникъ изъ яблонь—и пронадаеть, какъ виола матрионалисъ, ко-

торую черви подѣбдаютъ. (*Онъ поетъ и работаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Эмма (*идетъ съ чулкомъ тихо по театру и говоритъ, проходя*). Здравствуй, Иванъ!

Иванъ. Здравствуйте, барышня! раненъ ли вы? Роса велика—вы намотайте ножки.

Эмма. Солнце свѣтило мнѣ прямо въ окно! какъ же не выдти! (*Уходитъ вонъ*).

Иванъ (*вслѣдъ за нею*). Прекрасной цвѣточекъ! и она прячется, какъ сообразная земляника въ травѣ!.. Боже ее сохрани отъ жадныхъ воробьевъ! И наша Вильгельмина хороша,—о! очень хороша! Но жаль только, что хочеть подражать своей матушкѣ. А пзъ этого выдетъ скоро то, что будутъ говорить только: она была хороша! (*Онъ поетъ и работаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Фрелонъ входитъ.

Фрелонъ. Бонжуръ, метръ Жанъ!

Иванъ (*глядитъ на него, усмѣхается и продолжаетъ работать*).

Фрелонъ (*подходитъ ближе и кричитъ*). Ей! Ей!

Иванъ. Что тебѣ?

Фрелонъ. Я говорю: бонжуръ, метръ Жанъ!

Иванъ. А я говорю: поди къ чорту! Я честной старикъ—со мной не говори дурацкимъ языкомъ своимъ! Слышишь ли? мусье Бушжуръ!

Фрелонъ. Метръ Жанъ всегда ворчитъ!

Иванъ. Какой чортъ называетъ меня метръ Жанъ! Меня зовутъ Ивановъ. Типунъ бы тебѣ на языкъ, французская пуетомея!

Фрелонъ. Иванъ! Иванъ!—такъ кричатъ ослы!

Иванъ. Я это теперь слышу!

Фрелонъ. Метръ Жанъ лучше!

Иванъ. Тебѣ все лучше,—убирайся-ка прочь и не трогай меня болѣе!

Фрелонъ. Кто осмѣлится тронуть медвѣдя?

Иванъ. Да! медвѣдь и треуха дастъ! *(Онъ поетъ и работаетъ).*

Фрелонъ. Метръ Жанъ, аves permis-ion—перестань пѣть, у тебя дурень голосъ.

Иванъ. Кто мѣшаетъ тебѣ идти отсюда...

Фрелонъ. Господинъ мой велѣлъ мнѣ себя здѣсь дожидаться.

Иванъ. Такъ стань же въ горохъ и пугай воробьевъ, чтобы хоть одинъ разъ въ жизни быть къ чему-нибудь полезнымъ.

Фрелонъ. Ты шутишь слишкомъ по-нѣмецки!

Иванъ. За нѣмецкой хлѣбъ можно стерпеть и нѣмецкую шутку.

Фрелонъ *(махаясь)*. Нынче будетъ жаркой день!

Иванъ. Въ пруду довольно тины! полѣзай въ нее, да сиди—такъ и не будетъ жарко!

Фрелонъ. А proros. Прудъ надобно заметать!

Иванъ *(испувавшись)*. Что?

Фрелонъ. Я говорю: прудъ надобно заметать!

Иванъ *(глядитъ на него, уезмывается, поетъ и работаетъ)*.

Фрелонъ. Дай только моему господину жешиться на твоей барышнѣ, тогда все дѣло пойдетъ другимъ чередомъ!

Иванъ. Твоему господину? на барышнѣ? на Вильгельминѣ?

Фрелонъ. Да! да! Господинъ виконтъ намѣренъ забыть все, чѣмъ онъ обязанъ свѣтлѣйшимъ предкамъ своимъ.

Иванъ. Право? Но Вильгельмина вѣрно не позабудетъ, чѣмъ она себя обязана!

Фрелонъ. Монъ ами, господинъ мой привыкъ кружить дамамъ головы.

Иванъ. Да вѣрно, всякая будетъ сумасшедшая, если его при себѣ потерпеть!

Фрелонъ. Потихе, метръ Жанъ,—не очень! Мнѣ стоитъ сказать одно только слово, и ты будешь въ немилости у моего господина.

Иванъ. Е! е!

Фрелонъ. Къ тому же, между нами сказано, я очень сомнѣваюсь, чтобы онъ тебя при себѣ оставилъ!

Иванъ. Неужто?

Фрелонъ. Огородничать-то ты, можетъ быть, гораздъ, но, монъ ами—признаться, у тебя пѣть вкусу.

Иванъ. Ой ли?

Фрелонъ. Деревья, аллеи, тюльпаны—хороши для Голландин, но мы этого не любимъ. Мы хотимъ хорошихъ ситовъ, необыкновенностей, эрмитажей, памятник-овъ!

Иванъ. О! о!

Фрелонъ. Ты старъ, монъ ами, мало видѣлъ хорошаго. Il faut lui passer son ignoance. Ты все еще можешь остаться помощникомъ; но мы примемъ къ себѣ француза, знающаго человѣка, — анъ, метръ Жанъ, тогда-то придется тебѣ пойти въ школу.

Иванъ. Мнѣ пойти въ школу! *(Сходитъ со скамьи)*.

Фрелонъ. То ли еще будетъ—мы до всего доберемся. Изъ этого тинстаго пруда сдѣлаемъ Дианину купальню, а изъ бесѣдки китайской кіоскъ.

Иванъ. Кіоскъ! ахъ ты, проклятая болтушка! *(Беретъ лейку и плескаетъ ему на ноги)*.

Фрелонъ *(бѣгая отъ него)*. Метръ Жанъ! Метръ Жанъ! что это значить?

Иванъ. Дианина купальня, мусе Бунжуръ!

Фрелонъ. Метръ Жанъ! перестань! Говорять тебѣ перестань!

Иванъ. Если это тебѣ не нравится, такъ убирайся въ кіоскъ. *(Вмѣстѣ за нимъ по театру)*.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Совѣтникъ и прежніе.

Совѣтникъ. Иванъ! Что ты дѣлаешь?

Иванъ. Поливаю негодную траву!

Совѣтникъ. Знаешь ли ты, чей онъ слуга?

Иванъ (*ворча*). Какъ не знать! Каковъ попъ, таковъ и приходъ.Фрелонъ (*обтирая ноги платкомъ*).
Метръ Жанъ очень шуталъ.

Совѣтникъ. Гдѣ твой господинъ?

Фрелонъ. Конечно, еще на балѣ.

Совѣтникъ (*принужденно смѣючись*).
Браво! вотъ что называется танцевать!

Фрелонъ. Передъ утромъ выслали онъ меня и велѣли здѣсь себя дожидаться.

Совѣтникъ (*все съ принужденнымъ тономъ*). Безъ сомнѣнія, господинъ ви-
контъ проводитъ жену мою?Фрелонъ. О конечно! мой метръ умѣетъ
обращаться въ свѣтъ.

Совѣтникъ. Весело ли тамъ было?

Фрелонъ. О, очень! Госпожа совѣтница
танцуетъ...

Совѣтникъ. Много ли было гостей?

Фрелонъ. Много! очень много! Госпожа
совѣтница въ полночь окружена была
престрашною толпою...Совѣтникъ (*стараясь скрыть свое
смятеніе*). Только, чтобъ она не про-
студилась, бѣжавши домой.Фрелонъ. Она отпустила назадъ свой
фаэтонъ, потому что господинъ Кугель
предложилъ ей свою карету.Совѣтникъ. Господинъ Кугель? онъ въ
городѣ? я этому очень радъ!Фрелонъ. Онъ прискакалъ сюда вче-
расъ во весь опоръ—скочилъ съ лошади
и прямо на балъ... Метръ Жанъ такъ
меня измочилъ, что я долженъ... (*Онъ
дѣлаетъ поклонъ и исчезаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Совѣтникъ и Иванъ.

Совѣтникъ. Скажи мнѣ, Иванъ—я
былъ у бассейна—на что всѣ деревья
оплетены цвѣточными гирляндами?

Иванъ. А я почему знаю? Госпожа со-

вѣтница приказала! Я оборвалъ всѣ ро-
зовые кусты въ саду для этого!

Совѣтникъ. На что же это?

Иванъ. Спросите ее! Она хочетъ съ-
дѣлать—этотъ негодяй, которой теперь
ушелъ отсюда, называлъ мнѣ это какъ-то
по-французски, а мусье Роза, прикмахеръ,
перевелъ—это называется—ха! ха! ха!—
танцевальной завтракъ. Повара прорабо-
тали всю ночь, а дѣвушки, не переста-
вая, терли шеколадъ!Совѣтникъ (*съ принужденнымъ рав-
нодушіемъ*). Правдо?Иванъ (*мотая головой*). Ей! ей! Уже
два года, какъ такой шумъ завелся въ
саду, что и соловьи всѣ разлетѣлись.Совѣтникъ. Что жъ нужды, Иванъ!
только бы радость всегда вила здѣсь
гнѣздо свое.Иванъ. Да, да, радость хорошая птич-
ка, однакожъ, право, улетѣть ей отсюда,
какъ воронѣ!Совѣтникъ (*вздыхаетъ и ищетъ
скрыть свое смятеніе*).Иванъ. Не сердитесь на меня, мило-
стивой государь. Я старой, сѣдой вашъ
слуга, которой видѣлъ, какъ васъ крест-
стязя,—вы росли и всегда были веселы.
Но, бывало, когда вашимъ товарищамъ
хотѣлось во что-нибудь играть, то вы
всегда играли съ ними, такъ какъ они
того желали, хотя безъ всякаго для себя
удовольствія. Право, вы точно то же и те-
перь дѣлаете! Понимаете ли?Совѣтникъ (*смѣясь*). Если я могъ
быть снисходительнымъ къ своимъ това-
рищамъ, то какъ же не быть къ доброй
женѣ моеѣ.Иванъ. Но молодому человѣку можно
больше снести, нежели человѣку въ лѣт-
тахъ. Деревцо гнется, а дерево ломается.
Если, напримѣръ, до пятидесяти лѣтъ
проживешь одинакимъ маперомъ, то уже
иначе жить не скоро захочется.Совѣтникъ. Жена моя молода, а мнѣ
ужъ за сорокъ—кому жъ быть снисхо-
дительнѣе? (*Съ жаромъ*). Притомъ же
она заслуживаетъ всю мою довѣренность.
она такая милая, такая добрая жена...

Иванъ. Все это очень хорошо, но только бы она не трогала моего прекраснаго сада!

Совѣтникъ. А чѣмъ она тебѣ мѣшаетъ?

Иванъ. Ахъ, любезной мой господинъ! этотъ садъ кажется мнѣ раемъ. Отецъ мой—царство ему небесное!—былъ въ немъ садовникъ; я въ немъ родился, въ немъ былъ и воспитанъ и послѣ того, научившись въ Голландіи садоводству, не выходилъ изъ него ни на пядь,—всякое плодovitое дерево выхожено мною!.. Я думалъ: тамъ за рощей есть пустое мѣстечко, заросшее травой, никто про него не знаетъ,—тамъ я посадилъ нѣсколько березъ у плетня и по вечерамъ играю тамъ на свирѣли...

Совѣтникъ. Ну!

Иванъ. Такъ думалъ я—тебѣ только стоитъ хорошенько попросить твоего господина, можетъ быть, онъ тебя и сходить подъ этими деревьями...

Совѣтникъ. Не сомнѣвайся въ этомъ, доброй старикъ!

Иванъ. Боже мой! кто знаетъ, долго ли будутъ стоять бѣдныя мои березы. Госпожа совѣтница столько затѣваетъ лишняго—стѣны хочетъ сломать, весь дугъ усадить молодыми деревцами, провести кривую дорогу, сдѣлать гору для музъ—и Богъ знаетъ что!.. Тогда гдѣ уцѣлѣтъ моимъ березамъ!

Совѣтникъ. Твоихъ березъ никто не тронетъ.

Иванъ. Если не хотѣтъ оставить этихъ лишь, то кому нужна до березъ моихъ?

Совѣтникъ. Какихъ лишь?

Иванъ (*показывая на лѣты*). Развѣ вы забыли вашихъ воспитанниковъ? Вы и сестрица ваша Филиппина посадила ихъ вмѣстѣ, въ день рожденія вашей доброй матушки.

Совѣтникъ. О, я это очень помню!

Иванъ. Вы тогда были очень еще малы, были меньше этого розоваго кусточка, а сестрица ваша немного побольше. Только что вы воткнули корни въ землю, то обхватили ихъ рученками и

поцѣловались, а матушка ваша обтирала себѣ слезы и сказала: Иванъ, береги эти деревья! Я это въ точности исполнять по ея пору. Ну теперь они стали большими деревьями, и мнѣ велитъ ихъ срубить!.. Нѣтъ, я не могу этого сдѣлать! Рука у меня затрясется, когда я съ поромъ подойду къ нимъ.

Совѣтникъ. Кто же велитъ срубить ихъ?

Иванъ. Госпожа совѣтница говорила, что когда сидитъ въ бесѣдѣ, то эти липы портятъ перспективу.

Совѣтникъ. Нѣтъ нужды! ихъ никто не долженъ трогать! Слышишь ли, Иванъ, я отъ тебя этого требую.

Иванъ. Слышу, сударь!

Совѣтникъ. Однѣ только эти липы вспоминаютъ мнѣ о бѣдной сестрѣ моей!

Иванъ. Къ сожалѣнію!..

Совѣтникъ. Вѣрно, жена моя этого не знала!

Иванъ. Можетъ статья! Вчера она въ нервой разъ объ этомъ говорила. Я думаю, что замысловатой господинъ французъ ей такія вещи въ голову суетъ. Онъ тогда былъ тутъ, прыгалъ, скакалъ кругомъ ее и растопталъ здѣсь гряды огурцовъ, а тамъ земляничнѣй кусть. Я думаю, что госпожа совѣтница имъ очень занимается.

Совѣтникъ (*съ скрытою чувствительностію*). Неужели?

Иванъ. Она ни разу на него не покосится!

Совѣтникъ. Съ нимъ очень весело.

Иванъ. Да, болтать-то онъ умѣетъ изрядно, равно какъ и мусье его вальетъ-шамбръ. Этотъ шалунъ уже хватался свадьбою...

Совѣтникъ (*со скоростью*). Какою свадьбою?

Иванъ. Я не могу этого сказать. Только совсѣмъ не вѣрю его вранью.

Совѣтникъ (*въ сторону*). Итакъ уже слуги объ этомъ болтаютъ. (*Хочетъ говорить, но удерживается*). Довольно, Иванъ! Я помѣшалъ тебѣ въ твоей работѣ. Н худо спалъ сего дня и для того такъ рано всталъ съ постели!

Иванъ. Эмма уже съ полчаса какъ здѣсь!

Совѣтникъ. Эмма? гдѣ она?

Иванъ. Она сидитъ и вяжетъ — тамъ у розоваго куста.

Совѣтникъ (*крича вдалѣ*). Здравствуй, Эмма!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Эмма и пржекиіе.

Иванъ (*опять беретъ за работу свою и вскорѣ исчезаетъ*).

Эмма. Здравствуйте, батюшка! Я думала, что вы еще почивали.

Совѣтникъ. Нѣтъ, я всталъ въ одно время съ тобою! — и не зналъ, что ты здѣсь, иначе могъ бы пройти мимо твоей комнаты и не на цыпочкахъ... Но что дашь ты мнѣ, если я тебѣ скажу радостную вѣсть?

Эмма. Вы шутите, батюшка! скажите лучше возвратишь; ибо все, что я имѣю, ваше!

Совѣтникъ. Мое? совѣтъ нѣтъ! Ты мнѣ ничѣмъ не обязана, кромѣ одной кровли, подъ которой ты живешь; за остальное платить удивительной другъ мой, съ рубля до полушки, изъ своего малаго жалованья.

Эмма. Но можетъ ли онъ заплатить за отеческую любовь вашу?

Совѣтникъ. О, ты сама за нее мнѣ платишь. Приучаешь меня къ сладкой мысли, что у меня двѣ дочери. Право, когда подумаю, что нынче долженъ буду раздѣлить права свои на твое сердце, то на меня находить ревность.

Эмма. Нынче?

Совѣтникъ. Нынче Эрлахъ будетъ.

Эмма. Будетъ? нынче? мой избавитель! мой благодѣтель! Наконецъ, послѣ осьми лѣтъ! — Но вѣрно ли это, милый батюшка, вѣрно ли это?

Совѣтникъ. Онъ самъ пишетъ и, какъ обыкновенно, въ трехъ короткихъ строчкахъ. Это извѣстіе меня удивило, потому что при началѣ компаніи, я не думалъ, чтобы Эрлахъ посѣтилъ насъ.

Эмма. Я почти не помню и лица его!

О, если бы онъ уже здѣсь былъ! Я пойду къ нему навстрѣчу!.. По которой дорогѣ онъ прійдетъ?

Совѣтникъ. Почему я знаю? доброй мой Эрлахъ никогда не пишетъ ни мѣста, гдѣ онъ живетъ, ни числа, въ которое письмо отсылаетъ. Прочти: «вотъ деньги за мою Эмму — въ будущій четвергъ я буду самъ». Вотъ все.

Эмма. Конечно, два только слова; но и тѣ запечатлѣны благодвореніемъ. И есть ли ему время писать? Онъ долженъ дѣйствовать, — не правда ли, батюшка? Онъ почитаетъ тотъ часъ потеряннымъ, въ которой не сдѣлаетъ добраго дѣла.

Совѣтникъ. Тихая Эмма разгорячается! Это мнѣ пріятно!

Эмма. О, когда онъ бѣдную Эмму вытащилъ изъ горящихъ развалинъ, когда онъ дѣлалъ съ нею малое свое жалованье, — я всегда плачу, когда объ этомъ подумаю! Мое сердце принадлежитъ ему.

Совѣтникъ. Такъ и должно! Я бы радъ былъ, когда бы тебѣ удалося вылѣчить его отъ ненависти къ женщинамъ. И въ правду, чѣмъ больше смотрю на тебя, тѣмъ возможнѣе нахожу свою надежду — какъ ты думаешь, Эмма? Ты уже знаешь въ немъ человѣка; ты забыла только черты лица его, но и тѣ благородны.

Эмма. А что красота тѣлесная безъ красоты душевной — пусть будетъ лицо его безобразнымъ, его сердце добродѣтельно, и этого довольно!

Совѣтникъ. Твоя благодарность легко можетъ обратиться въ любовь!

Эмма. А что же такое любовь, какъ не привязанность къ добру?

Совѣтникъ. Игакъ, ты не отказываешь? и даешь мнѣ волю немножко тебя посылать?

Эмма. Вы шутите, любезной батюшка, и вѣрно хотите посмѣяться моему смятенію. Но знаете ли, что шутки ваши могутъ питать во мнѣ романческія мысля, которыя уже давно родились въ головѣ моей.

Совѣтникъ. Ну, дорогая моя американка, сказывай: что за мысли?

Эмма. Однажды вечеромъ я укралась потихоньку изъ веселой вашей компаніи, одна, въ буковую аллею, и начала строить воздушные замки, думала, какъ бы заплатить моему благодѣтелю за всѣ его милости и быть утѣшеніемъ его старости... Однако-жъ я, право, глупа съ своими рассказами,—къ счастью, вотъ и наши прѣхали съ балу... Простите, простите!.. Я не хочу, чтобы эти разряженные господа увидѣли меня въ неглиже моемъ. (*Убѣгаетъ*).

Совѣтникъ. Наконецъ, они прѣхали—но не ко мнѣ! Вѣрно *dejeune dansant* попустилъ ихъ оставить балъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Вильгельмина, г. Кугель, совѣтникъ.

Вильгельмина. Здравствуйте, папшыка! Лучше бы сказать мнѣ: прощайте, да и на постелю скорѣе.

Совѣтникъ. Развѣ ты устала?

Вильгельмина. До смерти.

Совѣтникъ. Господинъ Кугель! Я очень радъ, что вижу у себя деревенскаго своего сосѣда, тѣмъ болѣе, что не смѣлъ ожидать васъ въ это время года.

Кугель. Ваша правда, господинъ совѣтникъ, весною, въ деревнѣ такъ много занятій, такъ много удовольствій.

Вильгельмина. Какъ же не благодарить васъ! Вы все оставили для того, чтобы здѣсь протанцовать со мною кадрили.

Кугель. Если бѣ компанія моя была вамъ пріятна, то бы, можетъ быть, я и польстилъ себя, что заслужилъ вашу благодарность.

Вильгельмина. Лишняя скромность—та же гордость! Судите сами, папшыка. Этотъ господинъ все стоялъ въ углу и смотрѣлъ, какъ другіе прыгали; наконецъ, повинуясь высочайшему моему повелѣнію, осмѣлился онъ стать со мною въ послѣднюю пару въ контредансѣ съ тѣмъ, чтобы только фигурировать вверхъ и сойти внизъ, если фигура покажется очень трудна. Я не ожидала ничего хорошаго; думала только, что онъ, какъ и всѣ деревенскіе жители, наляжеть на меня,

непортитъ всѣ фигуры, и смѣшаетъ шею: напротивъ того, какъ бы вы думали, онъ такъ проворно прыгаетъ и вертится со мною, какъ будто учился танцовать у самого Вестриса! А, сударь? скажите-ка, зачѣмъ стояли вы забившись въ уголокъ, какъ безногой?

Кугель. Я никогда не танцовалъ въ публикѣ,—а городскіе всегда любятъ надъ деревенскими смѣяться.

Совѣтникъ. Ложной стыдъ или застѣбчивость есть единственной пороки моего молодого друга.

Вильгельмина. Это не все еще, папшыка; за столомъ съѣла я подлѣ него, наливала ему вина, разговаривала съ нимъ по-пріятельски. Богъ знаетъ, вино ли, или мои ласки его развеселили—словомъ нѣмой господинъ Кугель началъ говорить и говорилъ такъ умно, рассказывалъ такіа интересные исторіи, что я почти забыла, что сижу въ храмѣ глупости... Скажите-жъ мнѣ, сударь, отчего вы такъ на слова скуны?

Кугель. Для того, что боюсь сказать что-нибудь глупое въ большихъ собраніяхъ.

Вильгельмина. Да для того-то и дѣлаются собранія, чтобы всякой могъ сказать въ нихъ свою глупость. Что въ малой компаніи скромность, то въ большой называется ложной стыдъ, застѣбчивость; тамъ платъе должно блестять, а болтаніе быть нескерпаемымъ,—дома же требуютъ только, чтобы платъе грѣло, а разговоры были разумны.

Совѣтникъ (*которой нѣсколько разъ съ безпокойствомъ оглядывался*). Гдѣ ты оставила мать свою?

Вильгельмина. Она думала, что вы еще въ постели, и поспѣшила разбудить васъ поцѣдуемъ.

Совѣтникъ. Она одна?

Вильгельмина. Одна? Какъ бы не такъ! будто можно освободиться отъ виконта Мальака, не сказавъ ему: поди къ чорту!

Совѣтникъ. Итакъ—онъ съ нею?

Вильгельмина. Не съ нею, а позади ее. Но, если они васъ тамъ не найдутъ, то вѣрно придутъ сюда.

Кугель. Вотъ они.

Совѣтникъ (*становится веселъ и идетъ навстрѣчу къ женѣ своей*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Совѣтница, виконтъ Мальякъ и прежніе.

Мальякъ. Господинъ совѣтникъ, *vous voilà!*

Совѣтникъ. Здравствуй, моя милая! Весело ли тебѣ было?

Совѣтница. Довольно весело! Я напла тамъ нѣкоторыхъ моихъ пріятельницъ, которыхъ давно не видала. Мы смѣялись и болтали. Онѣ тебѣ кланяются и просятъ тебя, чтобъ ты не сердился за то, что онѣ такъ долго меня удержали.

Совѣтникъ. Сердиться?—помилуй, что тебѣ дѣлать удовольствіе, то и меня радуетъ.

Мальякъ. Bravo, г. совѣтникъ!—очень учтиво! — настоящій французскій турнюръ!—*Vivent les maris raisonnables!*

Совѣтница. За то я нынче дѣлой день дома съ тобою. Кое-кого позвала къ себѣ, и мы тамъ въ аллеѣ станемъ завтракать, и воображать, что мы въ Пирмонтъ!

Мальякъ. Ха! ха! ха!— bravo! Г-жа совѣтница мастерица выдумывать.

Совѣтница. Выдумки мои благодарятъ васъ.

Мальякъ. Чистосердечно сказать, *mesdames*, я пріѣхалъ въ Германію совѣмъ съ другими мыслями; *j'ai eu une horrible idée* о нѣмецкихъ дамахъ. Дѣвушка цитнадцати лѣтъ, сказывали мнѣ, краснѣетъ отъ стыда, когда ей должно снять перчатку, и прячетъ руки подъ столъ за обѣдомъ; молча и не шевелясь сидитъ подлѣ человѣка, живущаго въ свѣтѣ, или шепчетъ, смѣючись, на ухо своей подругѣ. Дѣвушка осьмнадцати лѣтъ сентиментальна до крайности, *аффектируетъ* всегда какую-нибудь склонность и называетъ вѣрностью къ любовнику своему то, когда съ другими неучтива. Женщина двадцати лѣтъ думаетъ доказывать добродѣтель свою, когда отступается назадъ, если подойдетъ къ ней молодой че-

ловѣкъ, и разсердится, если ей скажутъ что-нибудь хорошее. Женщина двадцати пяти...

Совѣтница. Довольно! господинъ виконтъ, не трудитесь—мы лучше пошлемъ въ Ганноверъ, къ тому человѣку, который написалъ книгу на наши пороки.

Мальякъ. Я напущу противъ его цѣлую энциклопедію, а когда я возвращусь въ мое отечество, то дурно будетъ тому, кто осмѣлится сказать хотя одно *bon mot* насчетъ нѣмецкихъ дамъ.

Вильгельмина. Какъ же нѣмецкіи дѣвушки будутъ благодарить васъ!

Мальякъ. Конечно, и со мною, вѣрно, согласятся, что Германія, по большей части, просвѣщена эмигрантами, и что революція, которая на югѣ такъ много сдѣлала худа, распространила на сѣверѣ вѣсуть и просвѣщеніе.

Вильгельмина. Ваша правда, господинъ виконтъ! простая нѣмецкая дѣвушка въ глаза бы вамъ засмѣялась, но я, будучи уже довольно образована *вамп*, такъ стала учтива, что вамъ тотчасъ поклонюся да и вонъ (*объѣзтитъ вонъ*).

Мальякъ. Ха! ха! ха! bravo!

Совѣтница (*кричитъ*). Куда ты, Вильгельмина?

Вильгельмина (*возвращаясь*). Боже мой! Я хочу найтти Эмму и все рассказать ей; для дѣвушки, пріѣхавшей съ балу, величайшая радость та, чтобы дѣлую недѣлю говорить объ немъ. (*Уходитъ*).

Мальякъ (*исправившись, щупаетъ себя за плечо*). Что это такое?—дождь?

Совѣтница. Нѣтъ! небо чисто! и не испортитъ нашего завтрака.

Мальякъ. Однако-жъ посмотрите, пятно на новомъ моемъ фракѣ.

Совѣтница. Можеть быть, капля росы съ этихъ деревьевъ.

Мальякъ. Сударыня! еще вчерась осудилъ вы на смерть проклятыя эти липы.

Совѣтникъ. Милая моя, пощади для меня эти деревья.

Совѣтница. Развѣ ты ихъ любилъ?

Совѣтникъ. До крайности.

Совѣтница. Я этого не знала.

Совѣтникъ. Я посадилъ ихъ съ бѣдною моею сестрою.

Совѣтница (*съ удивленіемъ*). Съ сестрою? у тебя есть и сестра?

Совѣтникъ. Да, у меня была сестра, а жива ли она, Богъ знаетъ.

Совѣтница. И ты мнѣ ни слова объ этомъ не сказалъ!

Совѣтникъ. Прости мнѣ, я не хотѣлъ расстраивать раны своего сердца!

Совѣтница. Да и въ твоёмъ семействѣ никто не говорилъ объ ней.

Совѣтникъ. Семейство мое изъ должнаго стыда боится произнести имя доброй сестры моей. Она, противъ воли своихъ родителей, полюбила одного молодого купца изъ Ліона, сдѣлалась виновной и убѣжала. Двадцать два года уже мы объ ней совсѣмъ ничего не слышимъ — всѣ почти позабыли о ней, но я никогда, никогда ее не забуду.

Мальякъ. Ліонъ, Ліонъ! тамъ и я родился! Да, да! Ліонцы всѣ опасные люди!

Совѣтница (*лаская мужа своего*). Я было чуть не сдѣлала глуности, но зачѣмъ же ты отъ меня скрывалъ такое важное обстоятельство въ своемъ семействѣ? Теперь я беру эти липы подъ свое покровительство. Прошу не прогибаться, г. виконтъ! новой фракъ вашъ извинитъ меня!

Мальякъ. Да! однако-жъ я долженъ буду переодѣться.

Совѣтница (*смѣясь, бьетъ его по плечу*). Это самое благородное занятіе, особливо для насъ женщинъ, и меня ожидаетъ мой туалетъ!

Совѣтникъ. Можно ли мнѣ проводить тебя?

Мальякъ. Господинъ совѣтникъ, это слишкомъ по-нѣмецки — позвольте мнѣ (*подаетъ ей руку*).

Совѣтница. Г. виконтъ, я еще не такъ давно была ученица, и все еще нѣмка. (*Подаетъ руку мужу своему*). До свиданія, милостивые государи!

Совѣтникъ (*уходя*). Я тотчасъ къ вамъ буду.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Виконтъ и Кугель.

Мальякъ. Bravo! это самой нѣмецкой анекдотъ!

Кугель. Я очень жалѣю о французахъ, когда такіе обыкновенные случаи почтуются у нихъ анекдотами.

Мальякъ. Что это такое? А монъ ави... Это славной сюжетъ для флоріановыхъ новостей или арнодовыхъ эпревъ дю сантиманъ.

Кугель (*съ презрѣніемъ пожимаетъ плечами*).

Мальякъ. Вы пожимаете плечами, государь мой! Я долженъ вамъ признаться, что ваши маньеръ мнѣ совсѣмъ не нравятся.

Кугель. Очень жалѣю!

Мальякъ. Люди говорятъ, рассказыываютъ, истощаютъ весь свой разумъ, но все тщетно! Вы стоите, какъ нѣмой и какъ глухой—это не хорошо.

Кугель. Я хочу походить лучше на лѣниваго ученика, чѣмъ на незваннаго учителя.

Мальякъ. Но это не годится, сударь. Въ ваши лѣта, съ вашей фигурой, все говорить можно. У васъ прекрасные зубы—вы должны смѣяться; у васъ большіе глаза—вы должны ихъ тарачить. Ваша талія и ростъ хороши—надобно умѣть давать тѣлу своему такую позисіонъ, которая бы очаровывала женщинъ съ перваго разу.

Кугель (*смѣющись*). Я, по несчастію, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ.

Мальякъ. Да, да, это и видно! Я примѣчаю, что мнѣ много труда будетъ стоять, чтобъ васъ поставить на хорошую ногу—нокаметъ, монъ шеръ ами, если вы хотите мнѣ поручить себя...

Кугель. О, много чести!

Мальякъ. Но съ уговоромъ...

Кугель. Съ какимъ?

Мальякъ. Я, кажется, примѣтилъ, что вы что-то очень пристально поглядывали на Вильгельмину Флаксландъ, это, антръ пу, очень смѣло!

Кугель. Смѣло?—да и то правда, очень смѣло любить такую милую дѣвушку!

Мальякъ. Итакъ вы любите ее?

Кугель. Я не постыжусь признаться въ благороднѣйшей склонности своего сердца...

Мальякъ. А она васъ?

Кугель. Помилуйте, сударь! по какому праву?..

Мальякъ. Какъ по какому праву? Парбле,—я хочу на ней жениться!

Кугель. И я тоже.

Мальякъ. Она хороша, богата, остра...

Кугель. Она добра, любезна, разсудительна...

Мальякъ. За мною будетъ она юнъ ви-контезъ!

Кугель. А за мною г-жа Кугель!

Мальякъ. Однако-жъ за обоихъ насъ она не можетъ выдти.

Кугель. Можетъ быть, она не хочетъ ни за кого.

Мальякъ. Антръ ну, монъ шеръ ами, парлонъ резонъ.

Кугель. Пожалуй, если это вамъ не трудно!

Мальякъ. Вильгельмина будетъ моя жена.

Кугель. Почему знать, можетъ быть, и моя.

Мальякъ. Но, если я вамъ скажу, что я васъ послѣ женитьбы ничѣмъ женировать не буду?

Кугель. Какъ это?

Мальякъ. О контреръ. вы еще меня обяжите, если будете чичисбеемъ жены моей.

Кугель (*смѣясь*). Я этому не учился въ кадетскомъ корпусѣ.

Мальякъ. Любите ее, вздыхайте, томитесь, сколько угодно, все это вамъ позволено. Вы можете начать и съ первой недѣли моей женитьбы. Лями де ля мезонъ всегда будетъ хорошо принята.

Кугель. Покорный слуга!

Мальякъ. Только до свадьбы прошу васъ не мѣшать мнѣ.

Кугель. Мнѣ очень жаль, что сердце мнѣ не позволяетъ...

Мальякъ. Но я прошу васъ, государь мой! понимаете ли вы меня? Тонъ, съ которымъ я прошу, довольно даетъ разумѣть вамъ, какое впечатлѣнiе произведетъ во мнѣ юнъ рефию.

Кугель. Поприне любви такъ же странно, какъ и поприне чести; мы можемъ и оба идти по немъ—къ тому жъ такому человѣку, каковы вы, г. виконтъ. нечего бояться!

Мальякъ (*насмѣливо*). Бояться? о цѣтъ! только и капризенъ и не могу терпѣть соперниковъ.

Кугель. Только въ этотъ разъ вы позволите?

Мальякъ. Нѣтъ, государь мой, ничего, ничего вамъ не позволяю!

Кугель. О, это слишкомъ ужъ повелительно, слишкомъ по-диктаторски.

Мальякъ. Вы заставите меня иначе рѣшить споръ нашъ.

Кугель. Дѣвица Флаксландъ можетъ сама рѣшить его.

Мальякъ. До тѣхъ поръ дамы не будутъ рѣшать моихъ споровъ, покуда я буду носить шнагу!

Кугель. Я не люблю рыцарскихъ романовъ!

Мальякъ. Тѣмъ хуже для васъ, ибо вамъ надобно ломать копыя.

Кугель. Я давно уже бросилъ свою шнагу.

Мальякъ. Для того-то я вамъ и совѣтую оставить такой театръ, на которомъ роля ваша будетъ самая сухая.

Кугель. Однако и сухія роли не всегда неудачны.

Мальякъ. И вы все настаите въ своемъ намѣренiи?

Кугель (*пожимаетъ плечами*).

Мальякъ. Однако-жъ если я вамъ скажу безъ уловокъ, что мы должны непремѣнно биться!

Кугель. Я все это еще почитаю за шутку.

Мальякъ. Вы очень дурно дѣлаете, государь мой,—но фу! къ чоргу! Ваше хладнокровiе всю кровь мою взволновало!

Кугель. Прошу васъ, г. виконтъ...

Мальякъ. Полно, сударь! Или уступилъ мнѣ, или вынимай шпагу!

Кугель. Мнѣ будетъ очень непріятно...

Мальякъ (*посмѣливо*). Я это и при-мѣчаю. Ты, можетъ быть, въ кадетскомъ корпусѣ никогда не видалъ крови.

Кугель. Однако, если вы такъ усленно этого желаете... (*Надѣваетъ шляпу на голову*).

Мальякъ. Еще даю я вамъ волю вы-бирать.

Кугель. Нѣтъ, мнѣ невозможно отка-заться отъ Вильгельмины. (*Вынимаетъ хладнокровно пару перчатокъ и надѣ-ваетъ ихъ*).

Мальякъ. Я почитаю за должность, какъ дворянинъ, сказать вамъ напередъ, что я учился фехтовать у наилучшаго учителя.

Кугель. Благодарю за такое великодушіе, но оно теперь поздно. (*Вынимаетъ шпагу*).

Мальякъ. Однако-жь, по секрету, монъ ами, и для того только н эмигрировалъ, что имѣлъ несчастіе переколоть всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ моего полка.

Кугель. Танъ ни нуръ муа! Я при-знаю опасность свою и дрожу. (*Стано-вится въ позитиру*).

Мальякъ (*съ замѣшательствомъ от-ступая*). Какъ, милостивый государь, вы въ самомъ дѣлѣ?..

Кугель. Развѣ вы шутяли? (*Подсту-паетъ ближе*).

Мальякъ. Подумайте, въ какомъ мы мѣстѣ?

Кугель. Здѣсь очень неприлично драться!

Мальякъ. Конечно! конечно! Сохрани меня Богъ! Я никогда не позабудусь до того, чтобъ обагрить кровію то мѣсто, гдѣ я пользовался гостепріимствомъ. На границу, государь мой, на границу! тамъ я проколю васъ насквозь и убѣгу! (*Убѣ-гаетъ вонъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Кугель (*одинъ, смѣлочись, влагаетъ въ ножны шпагу*). И такой человѣкъ имѣеть свободной доступъ здѣсь въ домъ, такого негодяя пугаютъ сюда для того,

что онъ хорошо танцуетъ!.. Удивительно, что глупые мужчины и глупыя моды имѣютъ надъ женщинами одинакія права; однимъ они слѣдуютъ, а другихъ тер-пятъ, и для того только, чтобы спустя 4 недѣли надъ обоими посмѣхаться. Пра-во, пословица: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакома, и я скажу тебѣ, каковъ ты», не касается до женщинъ—для того, что и самыя разумнѣйшія женщины терпятъ дураковъ вокругъ себя (*уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

[Театръ не перемѣняется. Вдали слышна музыка изъ духовыхъ инструментовъ].

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Капитанъ Эрлахъ (*входитъ*). О, о! Здѣсь, кажется, очень весело! (*Глядитъ въ ту сторону, откуда слышна му-зыка*). Шляпы, наicoli, перья, танцы, карточные столы тамъ, все идетъ кругомъ—это не мое дѣло! (*Помолча*). Хмъ! и это называютъ лѣтнимъ уве-селеніемъ, когда выносятъ столъ съ картами изъ горницы въ садъ; но изъ саду выношаютъ ихъ комары; они бѣ-гутъ отъ дождевой капли такъ точно, какъ будто бы оно могло прожечь имъ дыру на кожѣ. А есть еще и та-кіе люди, которые просыпаютъ все лѣто до самаго равноденствія... И старой другъ мой терпитъ въ саду своемъ такой без-порядокъ! Мой честной, прямодушной Флаксландъ! Какъ мнѣ сообразить это? Да кто же знаетъ, можетъ быть, дочь его идетъ замужъ—если бъ только по-пался мнѣ какой-нибудь слуга, я бы шеннулъ ему на ухо: Эрлахъ здѣсь! а самъ ни за что не пойду въ это нестрое собраніе. Лучше уберусь въ трактиръ и стану тамъ читать столѣтній календарь... Гей! годубчикъ, поди сюда!.. Ба! да это старой Ивашъ!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Капитанъ Эрлахъ и Иванъ.

Иванъ. Ей! ей! Вы ли это, господишъ, поручикъ? или, можетъ быть, ужъ госпо-динъ капитанъ!

Эрлахъ. Все равно, если я только здѣсь—будутъ мнѣ рады.

Иванъ. О, вамъ будутъ рады больше, нежели самому лучшему аюю,—рѣдокъ гость, да дорогъ!

Эрлахъ. Жаль же, если меня здѣсь станутъ принимать за гостя.

Иванъ. Какъ же господинъ совѣтникъ обрадуется!

Эрлахъ. Развѣ есть еще здѣсь время радоваться старымъ друзьямъ?

Иванъ. Вы изъ головы его не выходили! Когда цвѣли липы, когда созрѣвали дыни, то онъ говорилъ: «какъ жаль, что друга моего Эрлаха нѣтъ здѣсь!»

Эрлахъ. Я танцовалъ тогда подъ пушечною мазуркою, да подъ ядрами.

Иванъ. Онъ иногда жаловался на то, что вы рѣдко къ нему писывали.

Эрлахъ. Писать письма не мое дѣло.

Иванъ. И что никогда не зналъ, гдѣ вы!

Эрлахъ. Зачѣмъ и знать это? солдатъ—ездѣ и шидѣ... Я жилъ въ послѣдней годъ точно такъ, какъ жидъ. А

всего больше терпѣть я не могу писемно увѣрять друзей своихъ въ вѣчной своей дружбѣ. Ей! Ей! Само по себѣ разумѣете. Видь, другъ не дѣвушка, которую выще благотворишь, а завтра падешь насмѣхаешься. А пропо! и объ дѣвкахъ говорить началъ! Что дѣлаешь моя Эмма? Выросла ли она?

Иванъ. Стала велика, хороша и мила, точно роза-аиденъ.

Эрлахъ. Это меня радуешь. Но здѣсь гости, мнѣ кажется...

Иванъ. Къ сожалѣнію!

Эрлахъ. Ты не любишь этого, старикъ?

Иванъ. Не привыкъ.

Эрлахъ. А господинъ твой? Сперва и онъ не любилъ этого.

Иванъ. Ахъ, да здѣсь все такъ переишло!

Эрлахъ. Какъ?

Иванъ. Госпожа совѣтница...

Эрлахъ. Госпожа совѣтница?.. Какъ,—въ другой разъ женился?..

Иванъ. Вы этого еще не знали? Ужъ третій годъ.

Эрлахъ. Право? Мнѣ это неприятно, и онъ обмануть—подъломъ ему!

Иванъ. Добрая жена—но слишкомъ жива, слишкомъ вѣтрена.

Эрлахъ. Поди позови ко мнѣ совѣтника, по потихоньку, такъ, чтобъ никто не видалъ этого.

Иванъ. Понимаю. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Эрлахъ (*одинъ*). Неужели женитьба то же, что и пьянство? У пьяницы болитъ голова, но только что онъ немощно протрезвится, такъ опять хватается за стаканъ... Нѣтъ, Эрлахъ, ты много надѣлалъ дурачества въ жизни, но женишься,—ты этого никогда не сдѣлаешь; это не твоё дѣло!.. Кто, стоя на берегу, видѣть, какъ люди тонутъ въ рѣкѣ, и не смотря на то самъ бросается въ воду—тотъ пускай утонетъ!

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Эрлахъ и совѣтникъ.

Совѣтникъ (*бѣжитъ къ нему*). Эрлахъ! другъ мой, Эрлахъ! (*Они съ молчаливо прижимаютъ другъ друга къ сердцу*).

Эрлахъ (*съ чувствительностью*). Старой ребенкомъ!—Я очень радъ, что тебя вижу. (*Пожимаетъ ему руку*). Право, очень радъ! (*Беретъ его за подбородокъ*). Похудѣлъ, но все тотъ же!—Что это? Я думаю, ты плачешь—и! стыднѣ! (*Отвертывается, чтобы скрыть свои слезы*). Ха! какъ муха меня укусила!

Совѣтникъ. Да, я плачу! и благодарю тебя, что ты не пришелъ туда въ компанію: тамъ бы я долженъ скрыть эти пріятныя для меня слезы.

Эрлахъ. Но зачѣмъ у тебя такая компанія? Это не нравится мнѣ.

Совѣтникъ. Мы послѣ поговоримъ объ этомъ. Пусть ихъ играютъ и танцуютъ. Но мы уже восемь лѣтъ не видалнсь; доброй Эрлахъ, каково ты поживаешь?

Эрлахъ. Очень хорошо. Я отставленъ капитаномъ.

Совѣтникъ. Зачѣмъ же отставленъ?

Эрлахъ. Такъ мнѣ захотѣлось. — Въ тому же одна старая тетка собралась умереть и была такъ умна, что оставила меня наследникомъ своего имѣнія.

Совѣтникъ. Радуюсь! Итакъ ты будешь жить у меня? не такъ ли?

Эрлахъ. Конечно, я бы хотѣлъ этого, по...

Совѣтникъ. Въ чему же «по»?

Эрлахъ. Ты опять женился, я слышала.

Совѣтникъ. Предобрая жена!

Эрлахъ. Станется — по образъ твоей жизни — ты меня знаешь — это не мое дѣло!

Совѣтникъ. Неужели думаешь ты, что и я люблю это?

Эрлахъ. Зачѣмъ же ты терпишь то, что переменить можешь?

Совѣтникъ. Я двадцать лѣтъ старѣе жены моей — неужели ей отказывать во всѣхъ удовольствіяхъ?

Эрлахъ. Ты могъ бы прежде все обдумать.

Совѣтникъ. Я любилъ ее...

Эрлахъ. О, это не мое дѣло!

Совѣтникъ. Развѣ Эрлахъ не пойдетъ еще побѣдительницы?

Эрлахъ. Другъ мой! Любовь похожа на оспу: если она въ молодыхъ лѣтахъ не придетъ, то никогда не придетъ уже, или рѣдко...

Совѣтникъ (*смѣлочивъ*). А если придетъ, то она опасна.

Эрлахъ. Но ее должно беречься.

Совѣтникъ. Но не шутя — въ теперешнемъ твоёмъ положеніи нечего другого дѣлать, какъ жениться.

Эрлахъ. Что?.. Я лучше застрѣлюсь!

Совѣтникъ. Все такой же испрядель жениши!

Эрлахъ. Худо, если жена нигуда негодится, еще хуже, когда она добра.

Совѣтникъ. Ты шутишь!

Эрлахъ. Итъ, совѣмъ не шучу! — добрую жену я буду любить!

Совѣтникъ. Тѣмъ лучше!

Эрлахъ. Тѣмъ хуже! Мужъ, которой любитъ жену свою, невольникъ собственнаго своего сердца. Одно ея желаніе,

котораго онъ исполнить не можетъ, мучить его больше, чѣмъ ее самое.

Совѣтникъ. Добрая жена не имѣетъ такихъ желаній.

Эрлахъ. Однако-жъ, однако-жъ! — Желаній похожи на пыль! Итъ ни одного ящика и закоулка, въ которой бы она не проникнула.

Совѣтникъ (*улыбался*). Любовь обмечетъ ее!

Эрлахъ. Гмъ! Но тотъ, кто женится, долженъ отвыкать отъ многихъ маленькихъ привычекъ, которыя онъ имѣлъ десять лѣтъ или больше, а отвыкнуть отъ нихъ иногда трудно, чѣмъ отвыкнуть отъ какого-нибудь порока! Велико имѣетъ такія привычки: стулъ, на которомъ онъ сидитъ, любимое его мѣсто за столомъ и тому подобныя малости — вдругъ является жена-хозяйка, и всякая вещь принимаетъ другой видъ. Мужъ хочетъ говядины, но для жены дѣлаютъ изъ нее фрикасе, онъ ѣдетъ съ нею въ каретъ тогда, когда бы хотѣлъ ѣхать верхомъ; отвыкаетъ курить табакъ для того, что жена не любитъ табачнаго духу...

Совѣтникъ. Малость!

Эрлахъ. И маленькія деревья имѣютъ свои корни, которыя со всѣхъ сторонъ врастаютъ въ землю, — а въ моихъ лѣтахъ и маленькаго деревца вырвать не захочешь, хотя бы оно было и негодное.

Совѣтникъ. Въ твоихъ лѣтахъ? да? ты еще ничуть не старъ!

Эрлахъ. Пусть и такъ, по безпокойства, сопряженныя съ женитьбой? — Только дорогая жена моя занеможетъ — бѣда — у нее болитъ голова, я трясуея; у нее нѣтъ аппетита — у меня тоже; у нее лихорадка — я виѣ себя! она припуждена слезъ въ постелю — я умираю съ горя... Итъ, итъ! Это не мое дѣло!

Совѣтникъ. Ты не говоришь ничего о супружескихъ радостяхъ!

Эрлахъ. Да, правда! ужъ не ты ли самъ образецъ супружескихъ радостей? И это шумное собраніе считаешь ты также радостью?

Совѣтникъ (со вздохомъ). Это другое дѣло—это можетъ переѣматься.

Эрлахъ. Признайся: тебя это тревожить? Ты любишь покой! тебѣ бы хотѣлось въ деревню...

Совѣтникъ. Изъ любви къ женѣ моеи могъ бы я прѣзжать всякую масленицу въ городъ; но цѣлой годъ здѣсь жить мнѣ невозможно,—достатокъ мой того не позволяетъ.

Эрлахъ. Зачѣмъ же ты ей этого не скажешь?

Совѣтникъ. Не могу. Въ домѣ отца своего она привыкла къ такой жизни. Еще въ невѣткахъ спрашивала она меня съ милою довѣренностію о моихъ доходахъ? — «Я охотно поѣду въ деревню», говорила она мнѣ: «скажите все честно-сердечно».

Эрлахъ. И ты этого не сдѣлалъ?

Совѣтникъ. Я—впшовать! Я стыдился ей признаться!—«Живите по-прежнему», сказалъ я ей: «вамъ не будетъ недостатку въ деньгахъ».

Эрлахъ. И это такъ и осталось?

Совѣтникъ. Она хотѣла знать, люблю ли я уединеніе? — «Я буду такъ жить, какъ вамъ угодно», сказала она мнѣ.

Эрлахъ. А ты?

Совѣтникъ. Я не могъ преодолѣть себя и старался какъ можно меньше дать ей почувствовать, что она вышла за 40-лѣтняго человѣка.

Эрлахъ. То есть, ты стыдился лѣтъ своихъ?

Совѣтникъ. Можетъ быть!

Эрлахъ. И хотѣлъ казаться богатымъ, чѣмъ ты есть въ самомъ дѣлѣ?

Совѣтникъ. Теперь ужъ поздно это переправить.

Эрлахъ. Пустое, разумъ никогда поздно не приходитъ!

Совѣтникъ. Это еще ничего, мое сердце этимъ не трогается, но...

Эрлахъ. Еще-таки «но»?

Совѣтникъ. Тебѣ, тебѣ одному признаюсь я въ моихъ слабостяхъ. Меня мучитъ ужасное чувство ревности. Я всякой дѣнь долженъ видѣть тѣмъ обжа-

телей вокругъ се. Правда, все это негодяи! Но несчастливъ тотъ мужъ, котораго безпокоитъ негодяи! Часто для провожденія времени теряетъ женщина свою добродѣтель!

Эрлахъ. Зачѣмъ же ты ей этого не скажешь?

Совѣтникъ. Она сама сто разъ спрашивала у меня: «Не ревнивы ли вы? Одно слово, и я отгону отъ себя всѣхъ этихъ бабочекъ».

Эрлахъ. Что жъ ты ей отвѣчалъ?

Совѣтникъ. То же, что и будущи женихомъ отвѣчалъ ей—что моя довѣренность къ вамъ не имѣетъ предѣловъ.

Эрлахъ. Это значитъ, что ты стыдишься самъ своей ревности.

Совѣтникъ. Правда, доброй Эрлахъ!—Правда—но что дѣлать?

Эрлахъ. Не проклятая ли это вещь «ложной стыдъ»? И половины не было бы несчастныхъ на свѣгѣ, если бъ всякой говорилъ, не стыдясь, то, что у него на сердцѣ. Вотъ мужъ, котораго жена любить, хочеть дѣлать для него все, что ему угодно, хочеть переѣмать все, что ему не нравится—а онъ стыдится и молчить.

Совѣтникъ. Я чувствую, что я не правъ, но не имѣю духу исправиться.

Эрлахъ. Если жена твоя такова, какъ ты мнѣ ее описываешь, то я могу помочь тебѣ: вотъ это мое дѣло!—Теперь скажи мнѣ, что подѣлываетъ моя дочка Эмма? Не пойти ли мнѣ за нею въ собраніе?

Совѣтникъ. Тамъ ты не найдешь ея!

Эрлахъ. Вотъ что меня радуетъ! Я скажу тебѣ, что у меня много кое-чего въ головѣ. Когда она будетъ побольше...

Совѣтникъ. Она и то ужъ велика.

Эрлахъ. ...и когда можно будетъ отдать ее замужъ...

Совѣтникъ. Это и теперь можно сдѣлать.

Эрлахъ. Шутить?.. Она была еще ребенкомъ тогда, когда я въ послѣдній разъ здѣсь былъ.

Совѣтникъ. Черезъ восемь лѣтъ можно вырасти.

Эрлахъ. Но она еще все слишкомъ молода. Судьба отдала мнѣ на руки эту сиротку, я хочу объ ней стараться. У меня нѣтъ ни законныхъ дѣтей, ни незаконныхъ. Она должна называть меня маминкой, какъ прежде... А когда смерть позоветъ меня къ себѣ, то ей оставлю я все свое имѣніе.

Совѣтникъ. Ты не знаешь еще ничего объ ея родѣ?

Эрлахъ. Ни крошки. Я все еще могу быть отцомъ ея!

Совѣтникъ. Зачѣмъ же отцомъ? лучше мужемъ!

Эрлахъ. Куда какъ хорошо выдумалъ!

Совѣтникъ. Она такъ радовалась твоему прѣзду, почти такъ же, какъ невѣста жениху.

Эрлахъ. Вотъ? Радовалась? Ну, пошли же ее сюда!

Совѣтникъ. Въ минуту! (*Хочетъ идти*). Ты не вѣдь еще перенести сюда своихъ пожитковъ?

Эрлахъ. Нѣтъ еще, братецъ! Ты знаешь меня, я хочу узнать прежде, все ли здѣсь по моему вкусу.

Совѣтникъ. Эрлахъ! Я не думаю...

Эрлахъ. Поди, поди! мы увидимъ!
(*Совѣтникъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Эрлахъ (*однѣ*). Прежде узнаемъ г-жу совѣтницу. Супружество часто усыпляло дружбу, а, если она хотя одинъ разъ засплетъ, то никогда ужъ не проснется. Любовь одна выпьетъ всю чашу, а для дружества не оставитъ ни капли... Сохрани меня Богъ! Вѣдной Флакеландъ! ты хочешь уговорить меня жениться! Ты!— какъ птица въ западнѣ!.. Гмъ! Пой, сколько хочешь, меня тебѣ не заманить!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Эрлахъ. Эмма.

Эмма (*бѣжитъ къ Эрлаху съ распростертыми руками*). Избавитель мой! благодѣтель мой!

Эрлахъ (*отступаетъ назадъ съ удивленіемъ*). Что это? Что? Кто вы таковы?

Эмма. Развѣ не знаете вы своей Эммы?

Эрлахъ (*съ удивленіемъ*). Вы? Моя Эмма?

Эмма. Зачѣмъ не «ты», какъ прежде?

Эрлахъ. Неужели вы та самая Эмма, которая восемь лѣтъ была не выше этой трости?

Эмма. И которая тогда летала только то, что нынче чувствуетъ.

Эрлахъ. Которая сидѣла на моихъ колѣнахъ и боялась бороды мосѣ?

Эмма. Та самая, которую вы всегда осыпали благодареніями, и которой теперь приласкать не хотите!

Эрлахъ (*колеблясь между замѣшательствомъ и любовью*). Ну, если это такъ, то это меня радуетъ—вась—ты—вы—тьфу къ чорту!.. Поди, поцѣлуй меня!

Эмма. Вотъ такъ говорили вы прежде. (*Обнимаетъ ея*).

Эрлахъ (*цѣлуетъ ее въ лобъ и шепчетъ на нее съ восхищеніемъ*). Эмма! ты стала велика и прекрасна, лицо твое миловидно! Все въ тебѣ мнѣ правится. О! теперь не промѣняю я тебя ни за что въ свѣтѣ. (*Треплетъ ее по щекамъ*). Чортъ побори! мнѣ такъ теперь весело, что—смотри, не смѣйся надо мною (*цѣпная глаза*). Чортъ меня возьми, это слезы! Гмъ! Это не мое дѣло!

Эмма. Мнѣ смѣяться? Ахъ, я такъ тронута! (*Плачетъ*).

Эрлахъ. Ты плачешь?—Слушай, Эмма, я не могу терпѣть этого—я уйду—слышишь ли?

Эмма (*утираетъ слезы свои и съ пріятностію усмѣхается*).

Эрлахъ. Вотъ такъ!—Это мое дѣло—дорогая моя Эмма. Этимъ взглядомъ могла бы ты остановить дѣловой полкъ въ самомъ жару сраженія. Но, оставя шутки—говорить тебѣ «ты» не годится.

Эмма. Для чего же, батюшка?

Эрлахъ. Батюшка!—Чортъ побори!—Почему я твой батюшка?—Неужели я такъ старъ?—Гмъ!—Я вить моложе совѣтника!—Осьмью годами!—Гмъ!..

Эмма. Ваши благодаренія...

Эрлахъ. Опять... (*Горло*). Слушай, Эмма! (*Тихо*) милая моя Эмма—не упоминай объ этомъ, пожадуйста,—слышишь ли?.. Если ты хочешь, чтобъ я говорилъ тебѣ «ты», то пусть буду я твоимъ братомъ, это лучше.

Эмма. Сердцу моему не нужно родство для того, чтобы любить васъ.

Эрлахъ. Да родные-то развѣ лучше? Они любятъ другъ друга только заочно!

Эмма. Вы къ намъ такъ рѣдко писали!

Эрлахъ. Учитель мой бивалъ меня часто по пальцамъ, когда я, бывало, ошибусь въ письмѣ, и такъ палугалъ, что я и теперь до смерти не люблю писать. Но, вѣдь, тебѣ ни въ чемъ не было недостатку?

Эмма. Ваши милости...

Эрлахъ. Опять за милости! да позабудь объ нихъ—я не могъ много для тебя сдѣлать! Мои доходы этого не позволяли. Но впередъ буду давать тебѣ больше. Одна разсудительная тетунка сдѣлала меня своимъ наследникомъ, милая Эмма! Дай Богъ ей царство небесное, она оставила намъ изрядное имѣнiице. Я вырощенъ въ чистую и прѣхалъ прожить здѣсь зиму.

Эмма. О, это славно!

Эрлахъ. Но здѣшняя жизнь не по мнѣ; если всякой день такъ, какъ пинче (*качаетъ головой*), то... Совѣтникъ сказалъ мнѣ, моя милая Эмма, что ты не любишь собраний.

Эмма. Привычка къ уединенiю!

Эрлахъ. Привычка только? Итакъ—не склоность?

Эмма. Неужели вы душно думаете объ дѣвущкѣ, у которой сердце бьется тогда, когда она видитъ веселое собранiе?

Эрлахъ. Ну, зачѣмъ же ты туда не ходишь?

Эмма. Для того, что это ко мнѣ нейдетъ; для того, что я бѣдная спрота, которая живетъ чужими благодѣянiями; для того...

Эрлахъ. Ну, для того!—что тамъ еще? досказывай!

Эмма. Передъ вами я не хочу скры-

вать своихъ слабостей!—Для того, что тамъ станутъ смѣяться надъ простой моею одеждою.

Эрлахъ. То-есть, ты стыдишься своего гардероба?

Эмма. Стыжусь—но не здѣсь въ домѣ, гдѣ и съ лучшими друзьями своими, а тамъ! Вы знаете, каковъ свѣтъ,—онъ судить только по наружности.

Эрлахъ. Вадоръ, сударыня, вадоръ! Глазной, ложной стыдъ! Дѣвунка всегда хорошо одѣта, когда невнишность нарядъ ея. Но тебѣ не будетъ ни въ чемъ недостатку. Такой фартукъ съ карманами очень присталъ къ тебѣ; но карманы не должны быть пусты. (*Хочетъ положить потихоньку кошелекъ въ карманъ ея*).

Эмма (*со смятенiемъ*). Нѣтъ! нѣтъ! ради Бога, нѣтъ! Вы меня не повили! Вы меня въ стыдъ приводите! У меня больше, нежели сколько я могу требовать! Если вы любите меня, то возьмите свои деньги назадъ.

Эрлахъ. Ну, ну! Хорошо, хорошо! Только успокойся. (*Кладетъ деньги въ свой карманъ*). Извиши меня, можетъ быть, я немного былъ неучтивъ. Неумение давать очень трудно, а я ему не учился.

Эмма. Я только хотѣла вамъ признаться въ моихъ слабостяхъ. Я содержана здѣсь въ домѣ, какъ дочь или сестра совѣтника. Какъ часто принуждали меня брать наряды и дорогiя платья, но я всегда отказывалась, для того, что это мнѣ неприлично. Можетъ быть, у меня есть родители, которые въ бѣдѣ, а я буду ходить въ атласѣ! Можетъ быть, я крестьянская дочь, а буду носить брилланты.

Эрлахъ. Крестьянская дочь? Нѣтъ, право, нѣтъ!

Эмма (*скоро, съ смятенiемъ*). Вы что-нибудь знаете о моихъ родителяхъ?

Эрлахъ. Нѣтъ, милая Эмма! только догадки.

Эмма. О, сообщите мнѣ эти догадки! Расскажите мнѣ исторiю моего заблуждѣнiя! Когда вы насъ оставили, за 8 лѣтъ передъ этимъ, я была еще ребенкомъ и

не помнила ничего. Послѣ совѣтники хогя мнѣ и рассказывалъ, но онъ, вѣрно, забылъ всѣ мелкія, столько интересныя для меня, обстоятельства! Вы сами знаете, какъ часто бездѣлица можетъ открытъ самое важное. Я, можетъ быть, могу помочь вамъ воспоминаніями, оставшимися мнѣ отъ моего младенчества,—я еще могу описать лицо моей матери, можетъ быть, она еще жива!.. Боже мой! можетъ быть, она жива!..

Эрлахъ. Станется! однако жъ, это не вѣрно. Слушай.—Въ одну ночь мы осадили Карастовнѣ; наши солдаты перепились пьяны и зажгли городъ. Онъ загорѣлся со всѣхъ четырехъ угловъ. Тѣ, которые побѣжали вонъ, были всѣ почти побиты,—не было ни начальства, ни послешанія. Я не могу вспомнить объ этой ужасной ночи! Тщетно кричалъ я во все горло,—право, думаю, что и громъ не испугалъ бы ихъ. Наконецъ, день показала и освѣтилъ ужасную эту сцену. Покрытые кровью, пылью, угольями и всякою дьявольщиною, лежали наши и хриѣли. Все было пусто и ужасно тихо. Я копалъ шпагою въ гряды и развалинахъ, бросался туда, сюда, и вдругъ услышалъ тихой стоиъ у ногъ своихъ. Я зачалъ разбрасывать горѣлыя бревна, и увидѣлъ дѣтскую голову, которая кричала: «маминька!..» Это была ты, милая Эмма; тѣло твое было почти погребено подъ развалинами: удивляюсь, какъ ты не умерла! Я тотчасъ принялся тебя вытаскивать,—какъ скоро одна ручонка твоя опросталась, то ты тотчасъ сдѣлала мнѣ поклонъ. Это меня неописанно какъ тронуло... «Погоди немного, бѣдное созданье,—скажи я: я тебѣ помогу». Слуга мой стоялъ недалеко отсюда—я кликнулъ его, мы тебя вытащили, сохранили тебѣ жизнь. Я взялъ тебя на руки, ты спросила о моемъ имени. «Къ маминькѣ»,—сказала ты мнѣ по-англійски умильнымъ голосомъ. «Къ маминькѣ»,—повторила ты по-французски, думая, что я тебя не понимаю, а, наконецъ, и по-нѣмецки. — Кто же твоя маминька?

спросилъ я.— «Она здѣсь въ узкой улицѣ, добрая женщина, въ желтомъ домѣ»... Тамъ было много узкихъ улицъ, желтыхъ домовъ и женщинъ...—нѣсколько бѣжавшихъ спирталес въ лѣсу, я и туда пошелъ; искалъ, искалъ, — нѣтъ ничего! Что дѣлать? Мы должны были отправиться на корабль. Я не могъ рѣшиться оставить тебя въ горящихъ развалинахъ, и просилъ позволенія у корабельнаго капитана взять тебя съ собой. Онъ былъ тронутъ твоею невинностію—и позволилъ. Ты была тогда такъ мала, такъ мала, что я не понимаю, какъ могла ты вырости такъ много...

Эмма. Ахъ! а больше вы ничего не знаете?

Эрлахъ (*пожимая плечами*). Ничего! Мы пріѣхали счастливо въ Европу, и я отдалъ тебя къ другу моему, совѣтнику.

Эмма. А имени своего я не могла вамъ сказать?

Эрлахъ. Имя твое было и тогда Эмма, и для того почелъ я тебя англичанкой. Но ты хорошо говорила по-французски и по-нѣмецки, что заставило меня судить, что ты не низкаго происхожденія. Бѣлье твое, на которомъ намѣчено А. М.—вотъ одинъ оставшійся признакъ.

Эмма. О, если бы только я встрѣтилась съ моими родителями, то вѣрно бы ихъ узнала! Батюшка мой былъ смуглой, толстой человѣкъ! А матушка—о, я ее никогда не забуду! Она была такъ блѣдна, такъ часто плакала—теперь, можетъ быть, она плачетъ еще чаще—и я не могу соединить слезъ своихъ съ ея слезами. (*Рыдаетъ*).

Эрлахъ. Полно, Эмма, полно—перестань плакать; сюда идутъ какіе-то разряженные; они вѣрно и послѣдній остатокъ сожалѣнія теперь протанцовали.

Эмма. Сушить слезъ моихъ мнѣ невозможно,—позвольте мнѣ уйти. (*Убѣгаетъ*).

Эрлахъ (*одинъ*). Добрая дѣвка! Только жаль мнѣ, что стала такъ велика и такъ хороша; чортъ меня весели, я никакъ

не могу приучить себя говорить ей «ты»! —
Будьте внести свои пожитки.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Эрлахъ, совѣтница, Вильгельмина, г. Капитанъ, виконтъ Мальякъ.

Совѣтница. Добро пожаловать, г. капитанъ! Мы вамъ рады отъ всего сердца! И услышала теперь отъ моего мужа о вашемъ прѣздѣ.

Эрлахъ (*съ холодною учтивостію*). Конечно, я имѣю честь видѣть г-жу совѣтницу?

Совѣтница. Если это дѣлаетъ вамъ столько же мало удовольствія, сколько чести—то еще одно мое желаніе не исполнись.

Мальякъ. Браво! браво!

Эрлахъ. Изъ этого видно, что ваши желанія очень скромны.

Совѣтница. Мы васъ такъ долго ждали!

Эрлахъ. Тѣмъ хуже для меня! Тому, кого ждешь, обыкновенно, меньше обрадуешься.

Совѣтница. Сто разъ надлежало мнѣ описывать лицо ваше для того, что если я сильно желаю узнать интереснаго для меня человѣка, то всегда даю ему совѣтъ другой образъ. Напримѣръ, я вообразала себѣ, что вы человѣкъ веселой, съ орлинымъ носомъ и пламенными глазами...

Эрлахъ. Покорной слуга!

Совѣтница. Я съ Флакеландомъ хотѣла биться объ закладъ, что ваши брови не такъ густы...

Мальякъ. Ха! ха! ха! брависсимо!

Эрлахъ (*смотря на Мальяка*). Угроможете годится для того, чтобы странгать лапцонъ и надѣлать; честный и добрый человѣкъ легко откроетъ подъ нею чистую душу.

Совѣтница. Но, г. служивой, когда хочешь быть съ кѣмъ-нибудь другомъ, то не начинаешь недобѣрчивостію, которую возбуждаетъ угроможность,—словомъ, я, съ моей стороны, рѣшилась, во что бы то ни стало, сдѣлаться вашимъ дру-

гомъ, ибо мнѣ скучно быть ванией соперницей.

Эрлахъ. Соперницей?

Совѣтница. Да, да! государь мой, ужъ я нѣсколько разъ реповала къ вамъ Флакеланда! Не было дня, въ которой бы онъ ни говорилъ объ васъ съ восторгомъ—и если бы я была хотя мало недобѣрчива, то почла бы васъ вторымъ шевалье.

Мальякъ. Ха! ха! ха! браво! брависсимо!

Совѣтница. Г. виконтъ, я могу васъ охотно уволить отъ обязанности хвалить всякое мое слово.

Вильгельмина. Ха! ха! ха! браво! брависсимо!

Мальякъ (*Вильгельминѣ*). Вы мнѣ за это заплатите, г-жа наемщица!

Вильгельмина. Чѣмъ? Не опять ли вы сдѣлаете нѣсеню?

Эрлахъ. Скоро придется и мнѣ сказать «браво»!

Вильгельмина (*Эрлаху*). Неужели вы хотите этому слову сдѣлать столько чести?

Эрлахъ (*смѣясь*). Береть охота, милостивая государыня!

Совѣтница. Что «за милостивая государыня»? Г. капитанъ, развѣ вы не знаете Вильгельмины, дочери своего друга?

Эрлахъ (*съ удивленіемъ*). Какъ, это Вильгельмина?... Ахъ, виновать!.. виновать!—я хотѣлъ сказать дѣвица Флакеландъ!

Вильгельмина. Безъ церемоніи, г. капитанъ, зовите меня Вильгельминой, а то мнѣ въ первой разъ будетъ досадно, что я такъ выросла.

Эрлахъ. Выросла и похорошѣла.

Вильгельмина. И пограсиѣла, г. капитанъ.

Эрлахъ. Я не люблю льстить, и скажу вамъ, что красота немного значитъ—умные люди почитаютъ добродѣтель.

Мальякъ. Ахъ, г. капитанъ, она столько же сурова, сколько прекрасна!

Эрлахъ (*къ Вильгельминѣ*). Конечно, обожатель?

Вильгельмина. Да, похожъ на него!

Совѣтница. Это—г. виконтъ Мальякъ, французской эмигрантъ.

Эрлахъ. Покорной слуга!

Совѣтница. А это—господинъ Кугель, милой нашъ сосѣдь.

Эрлахъ. А! Вотъ это мое дѣло! Я ужь знакомъ съ этимъ господиномъ—мы съ нимъ одного поля ягода!

Совѣтница. Руку вашу, г. капитанъ! Поидемте въ собраніе—тамъ узнаете вы много именъ и титуловъ.

Эрлахъ. Не лучше ли пойти въ цвѣтникъ,—тамъ узнаю я не одни названія цвѣтовъ, но буду вмѣстѣ наслаждаться и ихъ запахомъ, между тѣмъ какъ въ нашемъ собраніи...

Мальякъ. Я вижу, что г. капитанъ—капитанъ новою философією.

Эрлахъ. «Капитанъ»—браво! Выраженіе отборное! Скоро надобно будетъ построить карантинъ на границахъ, чтобъ въ немъ удерживать тѣхъ, которые «капитаны» умничаньемъ и знатностію.

Совѣтница. Ваша фамилія такъ же знатная!

Эрлахъ. Въ сожалѣнію, въ свѣтѣ фамилія важнѣе, нежели человекъ... Гмъ! Что мнѣ за нужда, что мой предокъ—славной Рудольфъ Эрлахъ? Развѣ я отъ того лучше? Я—Гансъ Эрлахъ, служу королю своему съ возможнымъ усердіемъ; это меня любить за собственные мои достоинства, тому и я съ дружбою подаю руку,—а для Рудольфа Эрлаха, котораго кости очень спокойно лежатъ въ Страсбургѣ, я не хочу, чтобъ кто-нибудь снялъ и шляпу предо мною.

Совѣтница. Очень хорошо, г. капитанъ! Я подаю теперь руку свою честному, доброму Гансу Эрлаху. Но онъ не долженъ также забывать пословицы: «не плыви противъ вѣтру»!

Эрлахъ. Извините, я эту пословицу помню, но ей слѣдовать не буду.

Совѣтница. Но бѣдной мужъ мой сидитъ теперь одинъ между ими! Поидемъ къ нему на помощь. (*Уходитъ съ тѣмъ.*)

Эрлахъ (*попевомъ за ней слѣдуя*).

Я вашъ невольникъ, а невольниковъ можно вести куда угодно.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Вильгельмина, виконтъ Мальякъ, г. Кугель.

Мальякъ. Г. капитанъ немного тяжелее.

Кугель. Да, онъ честенъ—а это въ модномъ свѣтѣ значить тяжелее.

Вильгельмина. Хотите ли вы идти въ собраніе?

Мальякъ. Вы шутите. Комета никогда не спрашиваетъ у хвоста своего, хочетъ ли онъ за ней слѣдовать.

Вильгельмина. Ха! ха! ха! Знаете ли вы, что хвостъ кометы составленъ изъ водныхъ паровъ?

Мальякъ. Изъ чего вы прикажете.

Вильгельмина. И вы то же думаете, г. Кугель.

Кугель. Я Вильгельмину не ровняю ни съ чѣмъ!

Вильгельмина (*сидя въ небрежно на дерзкую скамейку*). Ну, хорошо, государи мои, останемся здѣсь. Мнѣ не хочется говорить—забавляйте меня, чѣмъ хотите.

Мальякъ. Если бы я могъ воспользоваться этой прекрасной минутой, чтобъ любовь свою...

Вильгельмина. Нѣтъ! нѣтъ! Вы слышите—я хочу забавляться.

Мальякъ. Э бьенъ ну феронъ юнь лекторъ—у меня въ карманѣ «Новая Элоиза».

Вильгельмина. Мнѣ батюшка не приказалъ читать ее!

Кугель. Вотъ Якобіенъ «Вольдемартъ»!

Вильгельмина. Я уже два раза прочла его съ Эммой!—Скажите мнѣ, г. виконтъ, отчего называютъ эту книгу «Новая Элоиза»?

Мальякъ. Капризъ сочинителя! Во всей книгѣ нѣтъ ни слова объ Элоизѣ!

Кугель (*смѣется*).

Вильгельмина. Однако-жъ это должно имѣть какое-нибудь основаніе?

Мальякъ. Конечно.

Вильгельмина. Вѣрно, Элонза была очень хороша?

Мальякъ. Вотъ—силъ въ нее—и портретъ ея. *(Подаетъ ей свою табакерку).*

Вильгельмина. Сходенъ ли онъ?

Мальякъ. Какъ двѣ капли воды!

Вильгельмина *(шутливо)*. Вы вѣрно ее знали?

Мальякъ. Ее? нѣтъ! она уже нѣсколько лѣтъ, какъ умерла, но дядо ея, Фулберта. Честной старикъ! Его даже и въ картинахъ представляютъ!

Вильгельмина. Вы смѣтаете, г. Кугель?

Кугель. Помилуйте! совѣмъ нѣтъ!

Вильгельмина. Что-жь? дядя этотъ былъ дворянинъ?

Мальякъ. Юнъ финансе; съ такими людьми хорошо обходится—у нихъ всегда хорошій столъ.

Вильгельмина. А Абелардъ?

Мальякъ. Онъ былъ тогда авока о парламанъ и приобрѣлъ себѣ нѣкоторую славу.

Вильгельмина. Конечно, и онъ тогда былъ старъ уже!

Мальякъ. И! совѣмъ нѣтъ!—въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ.

Кугель *(смѣясь)*. Какъ же? ему тогда было только 6 или 7 етъ лѣтъ...

Мальякъ. Какъ, государь мой?

Кугель. По крайней мѣрѣ, Бейль въ своемъ Диксіонерѣ говоритъ, что онъ родился въ 11-мъ столѣтїи.

Мальякъ. Онъ лжетъ! Жанъ сви сертень, вкисе Бель, се ететъ мелькъ омъ обекюръ.

Кугель. Бейль?... Гм!

Мальякъ. Словомъ, государь мой, когда мужчина екажетъ другому, что онъ говоритъ неправду, то онъ не французъ, и неблагородномыслищїи человекъ.—Этому Абеларду 40 или 50 лѣтъ не болѣе—увѣрю васъ честно! Понимаете ли вы меня? Честно!. Если же вы мнѣ не вѣрите, то я готовъ на ближайшемъ дугу васъ увѣрить... *(Онъ кланяется Вильгельминѣ, смотритъ презрительно на Кугеля и уходитъ, прѣмая и пол).*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Вильгельмина и Кугель.

Вильгельмина. Это, кажется, зѣна карте?

Кугель. Похоже на то!

Вильгельмина. И вы не идете?

Кугель. Я знаю по опыту, что оутъ побѣдитъ меня.

Вильгельмина. Смѣшно бы было, если вы за Абеларда да стали драться!

Кугель. Люди дерутся за всякую пу-стошь!

Вильгельмина. Правда! Мужчины въ этомъ случайъ мученики!

Кугель. Желанїе быть всегда правымъ—страсть, а страсти воспаляются легко, какимъ бы то ни было предметомъ!

Вильгельмина. Вамъ бы не надлежало говорить этого дѣвущкѣ.

Кугель. Почему?

Вильгельмина. Потому что вы этимъ полъ нашъ едѣаете недовѣрчивымъ къ любви вашего пола!

Кугель. Развѣ я говорилъ о любви?

Вильгельмина. Развѣ любовь не страсть?

Кугель. Истинная любовь не страсть—это сильная склонность ко всему доброму и любезному въ нашемъ сердцѣ.

Вильгельмина. И не думаю, чтобы эта дефиниція веѣмъ поправилась. Страсти лишаютъ разсудка—мое самолюбїе требуетъ, чтобы вашъ разсудокъ въ дурачкѣйшій манеръ лежалъ невольникомъ у ногъ моихъ. Какова картина!

Кугель. Хороша! Только сухими красками, которые нортятся отъ солнца.

Вильгельмина. Дѣвущки рѣдко блваютъ знатоки въ этомъ!

Кугель. Скажите лучше, они не хотятъ быть знатоками.

Вильгельмина. Ошибаетесь, сударь!

Кугель. Докажите!

Вильгельмина. Наши доказательства въ сердцѣ, а доказательства мужчинъ въ головѣ.

Кугель. Голова и сердце должны почаще посѣщать другъ друга.

Вильгельмина. Это скучно.

Кугель. Такъ пускай они соединятся и вес дѣлаютъ общими силами.

Вильгельмина. Это пахистъ женитьбой, а и до смерти не люблю женитьбы.

Кугель. Вы вѣрно шутите — я бьюсь объ закладъ, что на своей свадьбѣ станете вы защищать женитьбу со всевозможнымъ жаромъ.

Вильгельмина. На моей свадьбѣ? Сохрани мени Богъ! Неужто я когда пойду замужъ?

Кугель. Это отъ васъ зависитъ!

Вильгельмина. Отъ меня? Какой смѣхъ! какъ будто можно сказать: нынче хочу я отдать тому-то свое сердце!

Кугель. Дай чего же нельзя? Точно такъ же, какъ: нынче я преклоноу ухо просящему, — нынче хочу я несчастнаго сдѣлать счастливымъ.

Вильгельмина. О премудрый мой г. Кугель! Вы увеличиваете достоинство сердца дѣвушки.

Кугель. Я говорю только о вашемъ сердцѣ.

Вильгельмина. Котораго вы не знаете.

Кугель. Мнѣ не знать вашего сердца? Я не забылъ еще веселыхъ лѣтъ нашего младенчества!.. О, куда дѣвалось это счастливое время, когда мы жили почти вмѣстѣ — всякой веселой лѣтній вечеръ соединялъ насъ; вы всегда радостно бѣжали ко мнѣ навстрѣчу, называли меня всегда Августомъ, говорили мнѣ ты. А когда рѣзвая, веселая Вильгельмина убѣгала изъ дѣтскихъ нашихъ круговъ, чтобы раздѣлить свои послѣднія деньки съ нищимъ или поднять унашаго ребенка, когда она сберегала свои фрукты для своего батюшки, или рвала цвѣты, чтобы украсить ими свою маминку — о, Вильгельмина! Вильгельмина! — мнѣ не вѣать вашего сердца!..

Вильгельмина (съ замѣшательствомъ). Такъ! это было прекрасное время!

Кугель. Время невинности!

Вильгельмина. Ваша правда — ничто не можетъ сравниться съ младенчествомъ!

Кугель. Развѣ одна истинная любовь.

Вильгельмина. И она такъ же скоро проходитъ, какъ время дѣтства!

Кугель. Это замѣчаніе большаго свѣта, и въ немъ только оно справедливо. Вильгельмина, не вѣрите большому свѣту, — въ городѣ все живутъ въ однихъ изображеніяхъ: ландшафты на полотнѣ, любовь на театрахъ. Въ городѣ всякое слово выбрано, а въ деревнѣ всякое слово сходно съ чувствами. Въ городѣ кланяются и говорятъ: покорной слуга! — въ деревнѣ пожимаютъ руку и говорятъ: доброй день. Первое — учтивость, послѣднее — сердечное чувство. «Я люблю васъ», говоритъ горожанинъ съ смѣшною гримасою; «я люблю тебя», скажетъ деревенской съ пылающимъ взоромъ. Первой повторяетъ это сто разъ въ день; послѣдній одинъ разъ въ жизни. Первому любовь служить развѣннѣмъ; для послѣдняго она составляетъ блаженство всей его жизни; первой похожъ на дѣвотку, которой выветъ отъ солнца, послѣдній — на дерево, защищающее отъ солнца, и которое никогда, никогда не завянетъ!

Вильгельмина. Я въ первой разъ слышу, что вы стихотворецъ.

Кугель (горестно). Боже мой! Я долженъ молчать — истинныя чувства моего сердца принимаютъ за стихотворство!

Вильгельмина. Я начинаю васъ бояться! Помѣшательство приличиво!

Кугель. Помѣшательство!.. Я привыкъ слушать, какъ называютъ благороднѣйшія чувства помѣшательствомъ! Дая того-то заперъ я сердце свое и не бросаю ключъ отъ него въ бурливой океанъ свѣта, а бережливо хранилъ его, какъ мое наилучшее имущество. Я искалъ такой дѣвушки, которой бы человекъ постоянной понравился больше вѣтреницы; которая на балѣ не прыгала бы, глядя съ презрѣннѣмъ на деревенскаго жителя, для того, что онъ танцовать не умѣетъ, и которая не называла бы дуракомъ того, кто молчитъ за шумнымъ столомъ! Ахъ! мнѣ казалось, что я панель ес...

Вильгельмина (*съ замѣшательствомъ и скромно*). И вы обманулись?

Кугель (*съ восторгомъ*). Нѣтъ! Нѣтъ! Я не обманулся! Это прелестное замѣшательство вамъ не измѣняется. Такъ, я съ восторгомъ примѣтилъ посреди всеобщаго шума скуку, изображавшуюся на лицѣ вашемъ; я примѣтилъ, что всѣ сіи свѣтскія веселости обременяли пѣжнюю душу вашу. О, избѣгайте этихъ бѣдныхъ собраній, въ которыхъ карты и танцы ведутъ молчать разсудку; гдѣ всякой увеселяющій васъ называется вашимъ другомъ; гдѣ союзъ, утвержденный низкимъ корыстолюбіемъ, смѣютъ называть любовью; гдѣ слыветъ благодѣтельнымъ тотъ, кто по субботамъ раздѣляетъ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ малое количество денегъ между множествомъ нищихъ; гдѣ почитается мудрымъ тотъ, кто съ безстыдною смѣлостью говоритъ, и часто безъ смысла, о важныхъ матеріяхъ; гдѣ бѣдной, честной челоуѣкъ, презирающій какого-нибудь сильнаго негодяя, долженъ передъ нимъ съ почтеніемъ нагибаться; гдѣ сожалеютъ о песчаномъ, таеся карты, и при началѣ игры о немъ позабываютъ; короче — гдѣ партвуетъ одиъ эгоизмъ, гдѣ страхъ рождасть подлость, гдѣ обычай прикрываетъ гнусность порока... Ах! бѣгите, бѣгите изъ этого вертепа — здѣсь воздухъ ядовитъ! — бѣгите въ деревню, тамъ всякое благородное чувство оживаетъ и становится сладостнымъ, тамъ любовь и дружба, не рѣдкія, а обыкновенныя, но всегда новыя наслажденія; тамъ почитаешь Бога, когда съ восторгомъ глядишь на лазуревое, чистое небо, тамъ молитва сладка! — тамъ также помогаютъ пицимъ, но гордость не примѣшиваетъ своихъ денегъ къ тѣмъ, которая даетъ одно благотвореніе, — тамъ можно веселиться безъ картъ, говорить, не обижая своего ближняго, — тамъ не стыдится любить, не боится называть громко подлеца — подлецомъ!.. (*Съ жаромъ*). О! я имѣю только маленькой уголокъ земли, которой могу назвать своимъ, — я спокосилъ и счастливъ въ дунѣ своей,

и, если ко всему этому Вильгельмина захочетъ присоединить любовь свою, — о тогда, тогда я ничего не захочу въ мірѣ, мое жилище будетъ раемъ! мнѣ останется только окружить его горами, чтобъ зависть не могла въ него проникнуть! (*Шоулчавъ и тихо*). Вильгельмина, Вильгельмина! ты молчишь...

Вильгельмина (*въ замѣшательствѣ*). Г. Кугель! мнѣ кажется, довольно доказываю вамъ свое почтеніе, когда оставляю съ вами мою вѣтрешность.

Кугель. Ваше почтеніе заставляетъ меня гордиться, — но блаженство мое зависитъ единственно отъ любви вашей!

Вильгельмина (*номолчавъ*). Г. Кугель, я буду говорить съ вами откровенно... (*Номолчавъ*). По прежде всего признайтесь мнѣ чистосердечно, какое участіе беретъ красота моя въ любви вашей?

Кугель. Ахъ! Боже мой! это никогда не приходило мнѣ въ голову! Я никогда объ этомъ не думалъ!

Вильгельмина. Такъ подумайте теперь. мнѣ крайне нужно знать это. Рѣшились ли бы вы на мнѣ жениться, если бы я была дурна и безобразна — признайтесь чистосердечно, по совѣсти?

Кугель. Я не буду стыдиться впечатлѣнія, которое сдѣлали во мнѣ вашъ прекрасный нравъ и красота ваша. Я любилъ бы васъ такъ же, если бы вы были и безобразны; но открылъ ли бы я такъ скоро прекрасную душу вашу подъ безобразными чертами, — за это отвѣчать не смѣю.

Вильгельмина. Ну, если бы теперь, наприимѣръ, вдругъ оспа изгадила лицо мое, или я была бы не то, чѣмъ кажуеъ вамъ?

Кугель. Какая выдумка!

Вильгельмина. Дѣвушки умѣютъ скрывать свои недостатки.

Кугель. Я это испытаю!

Вильгельмина. Нѣтъ, вы не должны этого испытывать, — кто можетъ обмануть честнаго челоуѣка, тотъ недостойнъ его любви! (*Беретъ его за руку*). Я — г. Ку-

гель—я васъ почитаю... можетъ быть, больше, нежели почитаю, но...

Кугель. Продолжайте, ради Бога!—ради Бога!

Вильгельмина. Я должна вамъ признаться...

Кугель (дрожа). Что вы уже другому отдали сердце свое...

Вильгельмина. Оно свободно.

Кугель. Что же такое?

Вильгельмина. Я—я кажуеъ...

Кугель. Тьмъ, что вы въ самомъ дѣлѣ есть.

Вильгельмина. Нѣтъ! нѣтъ! — я... *(Вдали слышенъ вальсъ)*. Танцы опять начинаются! Угодно ли вамъ идти въ собраніе?

Кугель. Какъ! не давши мнѣ отвѣту!

Вильгельмина. Такъ! я... я буду вамъ отвѣчать—только не теперь... Этотъ вальсъ мнѣ очень нравится, пойдете танцовать.

Кугель. Мнѣ невозможно танцовать теперь.

Вильгельмина. Право!—а музыка такъ хороша,—вы не хотите?—Извините меня, я пойду сыщу себѣ кавалера *(убѣгаетъ)*.

Кугель (глядитъ горестно за нею съ любовью). Возможно ли это! Боже мой! Возможно ли это? Признание истинной любви оставить для вѣстаго вальса! Она нашла честнаго человѣка и хочетъ некать танцовщика!.. Полно обманываться, бѣдное сердце! Прости, моя довѣренность къ добродѣтели и натурѣ!.. Скройся, Кугель, въ твою пустыню, поливай свой огорождъ и прогоняй всякую птичку, чтобъ ей нѣтъ не воспоминало тебѣ этого проклятаго вальса *(съ бѣшенствомъ уходитъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Кавитанъ Эрлахъ (входитъ). Бѣдятъ, нѣютъ, смѣются, а нѣтъ прямой радости! Кто изъ всей силы хохочетъ, тотъ, право, не чувствуетъ никакого удовольствія... Одинъ смѣется собственной остротѣ своей, а, если онъ богатъ или знатенъ, то и другихъ заставляеъ съ собою смѣяться;

другой смѣется двуемысленному слову, которое самъ съ превеликимъ трудомъ могъ выдумать, и посматриваетъ на дамъ, чтобы потѣшиться ихъ замѣшательствомъ. Тутъ улыбаются человѣчекъ, стараеъ прикрыть свою неспоеную глупость,—а тамъ хохочетъ обезьяна тому, что у соедѣа его пучокъ великъ. Тутъ болтаива матушка разсказываеъ повѣсиичества своихъ дѣтокъ и заставляеъ зѣваюцихъ слушателей смѣяться... «То-то было весело», скажете какой-нибудь *А* какому-нибудь *В*: «мы довольно посмѣялися». Гмъ! *(Качаетъ головой)*. Нѣтъ, это не мое дѣло! А всѣхъ умѣе въ этой компаніи кажется мнѣ совѣтница. Она такъ любезна, такъ пріятна,—жалъ только, что она не знаетъ, какъ мужъ ея безпокоится... Но, погоди! Она это узнаеъ, дай только проскитъ мнѣ здѣеъ мѣсяца два... Какъ, Эрлахъ? Въ этомъ домѣ прожить столько времени?.. Почему же не такъ?—Флакеландъ мой другъ, а Эмма... ну, что жъ ты остановился, старой ребенокъ? Дочь, сестра, другъ?.. Что бы она ни была мнѣ—довольно!—я люблю ее—я избавилъ ее отъ смерти—да! да!—премилая дѣвка!—Только то мнѣ въ пей не нравится, что она такъ много выроса въ 8 лѣтъ...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Эмма и Эрлахъ.

Эмма (идетъ, олядываясь всюду, и прижимаетъ Эрлаха). Ахъ, вы здѣеъ!

Эрлахъ. Здѣеъ, милая моя, здѣеъ! Развѣ ты меня некала?

Эмма. Нѣтъ! Я ищущу—мнѣ нужда съ однимъ человѣкомъ поговорить! Онъ, Богъ знаетъ, въ какой куеъ спрятался! Извините меня. *(Дѣлаетъ ему дружеской поклонъ и уходитъ)*.

Эрлахъ (одиный). Покорной слуга!—Однако-жъ она нехорошо сдѣлала, что меня оставила—она могла бы побыть со мною хотя минуу и поговорить хоть о погодѣ!.. Хмъ! Кого же она ищетъ,—съ кѣмъ ей такъ нужно говорить?—Кто этотъ «одиный человекъ»? Можетъ быть, дѣвунка,—а если мужчина?—Вѣрно такъ?—Бѣ, ей, мнеше

Эмма, можетъ быть тайна, твоего сердчишка?.. Ну, да что же мнѣ за дѣло?.. Какъ, что за дѣло? Я вѣтъ ея... ея отецъ! Зачѣмъ она меня отпугивала такъ сухо своимъ «однимъ человѣкомъ», — я надѣюсь, что достоинъ ея довѣренности? Почему не сказать мнѣ мимоходомъ: этого «одного человѣка» такъ-то зовутъ!.. (*Качаетъ головой*). Вотъ таково-то, когда дѣвушка осямью годами старше станеть!..

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Эрлахъ и совѣтница.

Совѣтница. Любезный Эрлахъ, вы идете уединенія?

Эрлахъ. Здѣсь трудно найти его.

Совѣтница. Это похвала или упрекъ?

Эрлахъ. У всякаго свой вкусъ!

Совѣтница. Я понимаю, но вы называете вкусомъ то, что у меня привычка и, можетъ быть, дурная.

Эрлахъ. Что мѣшаетъ вамъ отъ нее отстать?

Совѣтница. Мужъ мой хочетъ этого!

Эрлахъ. Онъ?

Совѣтница. Когда я одна съ нимъ, то онъ тотчасъ становится беспокоенъ, двадцать разъ въ минуту спрашиваетъ: не скучно ли мнѣ? не хочу ли я куда ѣхать, и по тѣхъ поръ не успокоится, покада я не вѣло закладывать кареты.

Эрлахъ. И всегда самъ съ вами ѣздить?

Совѣтница. Очень рѣдко и то тогда, когда я очень, очень просить стану.

Эрлахъ. Что жъ дѣлаетъ онъ одинъ дома?

Совѣтница. Богъ знаетъ! (*Шутливо*). Можетъ быть, дѣлаетъ онъ золото, для того что всегда, когда я возвращусь домой, принимаетъ меня съ такою радостію, какъ будто бы нашелъ какое сокровище.

Эрлахъ. Хмъ! Это мнѣ досадно.

Совѣтница. Какъ? что вамъ досадно?

Эрлахъ. То, что другъ мой научился безъ меня притворяться.

Совѣтница. Притворяться? Какъ?

Эрлахъ. Человѣку лѣтъ его совѣтъ ве свойственна такая переѣмна.

Совѣтница. Говорите яснѣе!

Эрлахъ. Нѣтъ! Я лучше молчу, мы еще другъ друга не знаемъ!

Совѣтница. Мы не знаемъ другъ друга? Помилуйте, г. капитанъ! Когда мужъ мой далъ мнѣ право на любовь свою, то далъ выѣсть съ нимъ и право на ваше дружество.

Эрлахъ. Дружество и реинвейгъ хороши, но не для всякаго, и не все умѣютъ ими пользоваться.

Совѣтница. Вы часъ отъ часу болѣе возбуждаете мое любопытство. Пропу васъ, г. капитанъ, не считайте меня въ числѣ тѣхъ малодушныхъ твореній, которыя боятся правды, для того, что она ихъ колеть. Наше знакомство началось недавно; но, если бы я стала подъ розовымъ кустомъ, и незнакомой избавилъ меня отъ змѣи, которой я не примѣтила, то незнакомый сей былъ бы самый старинный другъ мой.

Эрлахъ. Если вы такъ думаете.

Совѣтница. Конечно, я такъ думаю! Нравится мужу моему—сильчѣйшее мое желаніе. Лѣта наши очень разны, правда! Не любовь привела меня въ его объятія, но почтеніе къ его добродѣтелямъ. Мы не играли романа другъ съ другомъ. Итакъ, говорите все безъ закрытія и, если вы не хотите сказать мнѣ все прямо въ глаза, то я спрячусь за это дерево—вы воображите, что мени нѣтъ, и пожалуйтега, пощадите меня въ своемъ моголѣ.

Эрлахъ. Bravo! это мое дѣло!—кто такъ думаетъ, того я почитаю, а кого я почитаю, тому я говорю правду.

Совѣтница. Начинайте же.

Эрлахъ. Какъ можетъ женщина съ добрымъ сердцемъ и здравымъ разсудкомъ терпѣть около себя столько дураковъ?

Совѣтница. Ахъ, любезный капитанъ, если бы мы выгнали всѣхъ дураковъ, то компанія наша была бы очень мала.

Эрлахъ. Чѣмъ меньше, тѣмъ лучше! Разумъ и веселость—такіе гости, которые не входятъ въ тотъ домъ, гдѣ видятъ огонь во всѣхъ окнахъ.

Совѣтница. Глупость веселитъ разсудокъ!

Эрлахъ. Онъ и безъ нея можетъ веселиться. Когда вашъ супругъ увѣрялъ васъ, что онъ любитъ такія собранія, то онъ васъ обманывалъ.

Совѣтница. Это меня огорчаетъ.

Эрлахъ. Онъ думалъ, что обязанъ вамъ снисходимостію...

Совѣтница. Ахъ! какъ онъ мало знаетъ меня!

Эрлахъ. Онъ боялся, чтобы вы не забыли...

Совѣтница. Чего? чего?

Эрлахъ. Что онъ ревнивъ.

Совѣтница. Ревнивъ? вы шутите?

Эрлахъ. Ни мало! Напримѣръ, во всю прошедшую ночь онъ не могъ сомкнуть глазъ, промучился до самаго разсвѣту и насилу могъ собраться съ духомъ, когда уезжалъ вашу карету.

Совѣтница. Удивительно!

Эрлахъ. «Это будетъ стоить мнѣ жизни», говорилъ мнѣ съ горестію, — «но я никакъ не могу преодолѣть этой глупости».

Совѣтница. Боже мой! для чего онъ не сказалъ мнѣ этого?

Эрлахъ. Ложной стыдъ, разрушитель всякой довѣренности!

Совѣтница. Хорошо, г. капитанъ! Я все поправлю! Прежде всякой безъ разбору ѣздивъ въ домъ нашъ—теперь пускай онъ самъ выберетъ, кого захочетъ; пускай самъ паншеть мнѣ имена тѣхъ, которыхъ онъ почитаетъ и съ кѣмъ желаетъ вести знакомство.

Эрлахъ. Ихъ число будетъ очень мало.

Совѣтница. Напротивъ,—очень много честныхъ и разумныхъ людей въ городѣ.

Эрлахъ. Это правда, но, кѣмъ больше гостей, тѣмъ накладнѣе человѣку, которой не Крезъ богатствомъ, угощать ихъ.

Совѣтница. Что вы хотите чрезъ это сказать? Флакеландъ богатъ.

Эрлахъ. Онъ былъ богатъ!

Совѣтница. Какъ?

Эрлахъ. Онъ, конечно, и теперь не бѣденъ, но, если богатство его будетъ

все такъ же расточаться, какъ въ прошедшіе три года...

Совѣтница. Боже мой! Вы меня пугаете!

Эрлахъ. Если расходъ будетъ всегда превосходить приходъ...

Совѣтница. Возможно ли это?

Эрлахъ. ...то, можетъ быть, онъ принужденъ будетъ похитить имѣніе дѣтей своихъ...

Совѣтница. Боже мой! Для чего онъ не сказалъ мнѣ этого?

Эрлахъ. Ложный стыдъ; кѣмъ меньше богатства, тѣмъ меньше достоинствъ.

Совѣтница. Не въ моихъ глазахъ.

Эрлахъ. Онъ давно хотѣлъ уѣхать въ деревню.

Совѣтница. Я охотно съ нимъ ѣду, хоть нѣмнѣйшимъ вечеромъ.

Эрлахъ. Но онъ боится, чтобы деревня вамъ не пascучила, вы такъ молоды...

Совѣтница. О, какъ мнѣ грустно, что мужъ мой не старается узнать меня, что онъ меньше и меньше имѣетъ ко мнѣ довѣренности, кѣмъ осторожнѣе человѣкъ. Мнѣ похитить имѣніе дѣтей его? Разрушить его спокойствіе?.. Мнѣ расточить то, что родительская любовь скопила съ несусыннымъ раченіемъ?.. Для чего онъ меня не испытываетъ? Для чего думаетъ онъ, что для меня пріятнѣе компанія вѣтренныхъ людей, кѣмъ спокойная и веселая семейственная жизнь и обхождение съ честнымъ, прямодушнымъ человѣкомъ. О, г. капитанъ! мужья часто бываютъ причиною нашихъ проступковъ, очень часто отъ нихъ только зависитъ насъ остеречь отъ нихъ и поправить; они думаютъ, женщины не терпятъ откровенности; они ищутъ въ насъ души здоровой и отвращаютъ ее ласкательствами. Но я жалуюсь и разсуждаю тогда, когда надобно дѣйствовать! Г. капитанъ, дайте мнѣ руку вану; вы скоро признаетесь, что я достойна была вашей довѣренности (*уздѣдитъ*).

Эрлахъ (*одинъ*). Вотъ такъ! Это мое дѣло! Если она сдержитъ слово, то я останусь здѣсь... Но, если я останусь здѣсь,

то надобно будетъ мнѣ перучить Эмму, чтобы она отъ меня не бѣгала и отъ меня не скрывалась... Хотѣлъ бы я знать, папла ли она этого проклятаго «одного человѣка»?..

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Кугель (*задумавшись*). Эрлахъ.

Эрлахъ. Вотъ идетъ еще одинъ, которому вѣрно прожужжали уши... Добро пожаловать, г. Кугель, радуйтесь!

Кугель (*испугавшись*). Чему?

Эрлахъ. Уединенію! Много честныхъ людей, которые подобны соловьямъ, то есть, молчатъ, когда вокругъ нихъ шумно; вѣрно вы тамъ не на своемъ мѣстѣ!

Кугель. Я тѣмъ только и похожъ на соловья, что деревня мое настоящее мѣсто.

Эрлахъ. Вы сами себѣ дѣлаете компанментъ!

Кугель. Если бы склонность моя къ деревенской жизни была какимъ-нибудь преимуществомъ, то я охотно раздѣлялъ бы его со всякимъ поселянствомъ.

Эрлахъ. Развѣ оно бы отъ того что-нибудь потеряло?

Кугель. Въ глазахъ многихъ!

Эрлахъ. Если вы говорите про французскаго шалуна, которой здѣсь разсынается мелкимъ бѣсомъ—то вы правы.

Кугель. Ахъ, нѣтъ! есть и лучше его люди! лучше, можетъ быть! Этотъ французъ, напримѣръ, я не смѣю судить его, но онъ правится!

Эрлахъ. Кому?

Кугель. Имъ занимаются.

Эрлахъ. Кто?

Кугель (*со вздохомъ*). Можетъ быть, онъ любимъ?

Эрлахъ (*болше съ сердцемъ, чѣмъ съ лобопытствомъ*). Да кѣмъ?

Кугель. Ахъ, одной дѣвушкой, которой ничего не достаетъ, кромѣ искусства узнавать сердца, и выбрать себѣ такое, которое бы ее обожало.

Эрлахъ. Кто же эта дѣвушка? Обожа-теля-то, можетъ быть, я знаю.

Кугель. Знаете?

Эрлахъ. И безъ вашего некуства про-никать въ сердца,—но кто эта дѣвушка?

Кугель. Мнѣ кажется, не трудно отга-дать! Вѣдь я вамъ сказалъ, что ей ни-чего не достаетъ къ совершенству!

Эрлахъ. Покорный слуга! (*Въ сторо-ну*). Вѣрно, онъ говоритъ про Эмму! (*Громко*). И вы думаете, что она любитъ французза?

Кугель. И почти долженъ этого опа-саться!

Эрлахъ (*про себя почти*). Хмъ! Не онъ ли этотъ «однѣй человѣкъ», кото-раго она такъ прилежно искала.

Кугель (*скоро*). Какъ, г. капитанъ? Она его искала?..

Эрлахъ. Какого-то «одного человѣка!» Чортъ его возьми!—И такъ усердно, что чуть, было, мнѣ шеи не сломала.

Кугель. Право?

Эрлахъ. Ей нужно (было) съ нимъ поговорить.

Кугель. Очень жалѣю, что она не найдетъ его, потому что недавно при-шли за нимъ два новѣсы камеръ-юнге-ры и увели съ собою прохаживаться.

Эрлахъ (*про себя говорить*). Про-клятой бѣсъ! Такая дѣвка! Во всемъ со-вершенна! Чортъ меня возьми! Только состарѣлась... слишкомъ состарѣлась!

Кугель. Какъ состарѣлась? ей только шестнадцать лѣтъ.

Эрлахъ. Тѣмъ хуже!

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Эмма (*входит и увидя г. Кугеля, го-воритъ*). Ахъ, вы здѣсь! Я васъ ищу!

Кугель (*съ удивленіемъ*). Мещ, су-дарыни?

Эрлахъ (*также*). Его?

Эмма. Цѣлой часъ!

Кугель. Я былъ на лугу и не ду-малъ, что вы будете имѣть до меня нужду.

Эрлахъ. Итакъ онъ-то этотъ «однѣй человѣкъ», за которымъ вы такъ бѣ-жали?

Эмма. Такъ, г. капитанъ; я имѣю крайнюю нужду поговорить съ г. Куге-лемъ.

Эрлахъ. И вѣрно что-нибудь тайное?

Эмма. Эмма не имѣеть никакой тайны отъ своего благодѣтеля, но это касается до одной приятельницы.

Эрлахъ (*чувствительно*). Да! да! Принимаю, я не люблю илкого принуждать! Я на свадьбѣ узнаю эту тайну. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Эмма и Кугель.

Эмма. Г. Кугель, мнѣ дана для васъ комиссія.

Кугель. Если эта комиссія сдѣлаеть меня несчастливымъ, какъ я и думаю, то я, по крайней мѣрѣ, благодарю за то, что хотять меня щадить, выбравши такого кроткаго посланника.

Эмма. Я радѣюсь, что буду посланникомъ мира.

Кугель. Прежде мира долженъ быть раздоръ, а я не знаю...

Эмма. Вы сказали Вильгельминѣ, что вы ее любите?

Кугель. «Сказалъ» только?

Эмма. Не привязывайтесь къ словамъ жонмъ!—а отвѣчайте мнѣ!

Кугель. Признаюсь: я, къ несчастію, люблю Вильгельмину.

Эмма. Зачѣмъ же «къ несчастію»?

Кугель. Я простой деревенской дворянинъ, — и позабылъ это на минуту... Вильгельмина меня очень оскорбила, и никогда это не позабуду.

Эмма. Оскорбила! Это слово слишкомъ слышно!

Кугель. Оно не довольно выразительно для того, что я чувствую. Когда на вѣстие признаніе пламеннаго сердца отвѣчаютъ насмѣшкой, когда говорятъ о танцахъ тому человѣку, у котораго блистають въ глазахъ слезы любви, то, не правда ли, что это значить презрѣніе?..

Эмма. Любезный г. Кугель, не обвиняйте никого слишкомъ скоро—вы будете раскапываться въ этой поспѣшности у ногъ Вильгельмины! Развѣ вы ни во что ставите замѣшательство бѣдной дѣвушки? Я увѣрю васъ—большая часть

глуостей, которыя мы дѣлаемъ передъ мужчинами, происходитъ отъ замѣшательства,—ну, если Вильгельмина васъ любитъ? Если ее что-нибудь удерживало открыться передъ вами, если она боялась одной холодности со стороны вашей?..

Кугель (*съ горькой улыбкой*). Неужели?

Эмма. Есть такія вещи, г. Кугель, которыя нашему полу кажутся очень важными и которыя для васъ бываютъ незамѣтны! Если, напримѣръ, дѣвушка не то, чѣмъ она по наружности кажется, то она можетъ обманывать только большой свѣтъ, а не того, кто хочетъ на ней жениться.

Кугель. Вильгельмина не то, чѣмъ она по наружности кажется—я васъ не понимаю.

Эмма. Не правда ли, Вильгельмина прекрасная дѣвушка?

Кугель. О, конечно!

Эмма. Лицо прелестное?

Кугель. Зачѣмъ вы мнѣ это скажете?

Эмма. Вы не находите въ ней никакого недостатку?

Кугель. Вы шутите.

Эмма. Мужчина и притомъ любовникъ легко не все замѣтитъ можетъ, но дѣвушка въ этомъ случаѣ проницательнѣе.

Кугель. Пожалуйте, объяснитесь!

Эмма. Такъ знайте же, что Вильгельмина только для того ушла отъ васъ такъ скоро, что она стыдилась—и однако за нужное почитала сказать вамъ, что она—странно, я и сама почти стыжусь... (*скоро*) что она неможего кривобока!.. Насилу договорила.

Кугель. Кривобока?

Эмма. Да, кривобока! Когда она была еще ребенкомъ, то кормилица уронила ее съ лѣтницы; портной умѣлъ все искусно прикрыть платьемъ, но въ глазахъ будущаго супруга своего Вильгельмина не хотѣла казаться лучше, нежели она какова въ самомъ дѣлѣ. Вотъ вамъ ключъ загадки! Ложной стыдъ не позволилъ ей самой сказать вамъ этого, по-

тому что почти всякая дѣвушка скорѣй согласится признаться въ недостаткахъ души своей, чѣмъ въ недостаткахъ своего тѣла. Вильгельмина не такова! Только языкъ отказался служить ей. Теперь вы все знаете. Она въ глазахъ вашихъ потеряла нѣкоторую часть красоты тѣла, но за то красота души ея совершенна. Тихо говорила она мнѣ на ухо: «Эмма, другъ мой, я люблю его! Только будь осторожна—дай ему только догадываться!» Я сдѣлала больше, я открыла все прямо,—и эта минута покажетъ мнѣ, должна ли я раскаиваться въ своемъ поступкѣ.

Кугель (*съ восхищеніемъ*). Нѣтъ, нѣтъ! Вы не будете раскаиваться! Вильгельмина, благородная, милая Вильгельмина! Гдѣ она! Скажите, гдѣ я найду ее?..

Эмма. Могу ли я спросить, съ какимъ намѣреніемъ?

Кугель. Возможно ли это спрашивать? Моя любезная! моя невѣста!

Эмма. Я этого и ожидала. Подите! Гдѣ она теперь, и не знаю—любownika приведетъ сердце.

Кугель (*бѣжитъ вонъ*). Вильгельмина! Вильгельмина!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Эмма (*одна*). Поди! Но такъ скоро тебѣ не пайти ее. Конечно, изъ проклятой ложной стыдливости, спрягалась она въ какой-нибудь уголъ, и сердце ея сильно бьется при одной мысли: «теперь Эмма говоритъ съ нимъ»... (*Вздыхаетъ*). Что это такое, я вздыхаю! Уже конечно—не завидуя счастью своего друга—нѣтъ! нѣтъ!.. Но признаюсь, благородный супругъ спонитъ зависти... Эрлахъ ушелъ и, казалось, съ досадою?.. ему не хотѣлось оставить меня одну съ Кугелемъ... А для чего это?.. (*Посылъ нѣкотораго молчанія*). Эмма, Эмма, не сказывай никому, что у тебя на сердцѣ... (*Задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Г-жа Моро (*входитъ, очень блѣдно, но чисто одѣтая; останавливается и огля-*

дывается во все стороны съ горестію, наконецъ, примѣтивъ Эмму—осматриваетъ ее съ головы до ногъ съ чувствительностію и любовитствомъ). Извините меня!

Эмма (*приходя въ себя*). Ахъ!—кто вы таковы, сударыня? Чего вамъ угодно?

Г-жа Моро. Не домъ ли это совѣтника Флакеланда?

Эмма. Такъ, сударыня.

Г-жа Моро. Вы, можетъ быть, его дочь?

Эмма. Я бы желала и на это отвѣчать вамъ «такъ», но... Вамъ надобно говорить съ совѣтникомъ?

Г-жа Моро. Если только можно.

Эмма. Позвольте мнѣ васъ проводить къ нему!

Г-жа Моро. Огъ одинъ?

Эмма. Я думаю.

Г-жа Моро. Если онъ не одинъ, то я желала бы, чтобъ для старой бѣдной женщины, которая съ трудомъ всходитъ на лѣстницу, сошелъ онъ сюда въ садъ.

Эмма. Я это скажу ему.

Г-жа Моро. Велико ли его семейство?

Эмма. Съигъ въ службѣ и дочь.

Г-жа Моро. И вы не эта дочь?.. Это жалко!

Эмма. Вы очень милостивы, сударыня... Какъ мнѣ объ васъ сказать совѣтнику?

Г-жа Моро. Скажите просто—бѣдная, старая женщина. Я надѣюсь быть въ такомъ домѣ, гдѣ это имя не затворяетъ входа.

Эмма. Изъ вашихъ словъ видно, что вы довольно знаете совѣтника; онъ тотчасъ сюда будетъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Г-жа Моро (*одна*). Право? Ахъ, добрая дѣвушка! Довѣренность къ людямъ—такое растеніе, котораго человѣколюбіе почти совѣмъ не поливаетъ—оно часто, очень часто сохнетъ!.. Такъ, прежде былъ онъ кротокъ и добръ, но—и молодъ: молодость чувствительна, а ста-

рость все охлаждать... Нечего надѣяться отъ него, когда сыпь мой... Тише! тише!.. не говори этого громко, бѣдная мать!.. Ты мечтала,—твои мечты исчезли... Ахъ! исчезли!.. Можетъ быть, и онъ будетъ меня стыдиться?.. Богатые люди имѣютъ тетокъ, сестеръ во всякомъ углу свѣта, а бѣдные—только въ родствѣ съ нищетою... Я подожду открываться, буду заливчатъ. Можетъ быть, онъ захочетъ лучше новиноваться благоудѣельности, чѣмъ должности... Ахъ! вотъ кто-то бѣжить по аллеѣ—не Вильгельмъ ли это? Онь!.. Боже мой, какъ сердце у меня бьется! Не измѣни себѣ, бѣдное сердце!.. Если изъ этого дома должно будетъ идти безъ отрады, то гдѣ найти гробъ себѣ?

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Совѣтникъ. Г-жа Моро.

Совѣтникъ. Миѣ сказывали, что вамъ угодно говорить со мной? Чѣмъ могу я служить вамъ?

Г-жа Моро. Я эмигрантка! Сперва я была сама богата, у меня былъ мужъ и дѣти—теперь нѣтъ ничего, кромѣ этого носоха. Но лучше хочу умереть съ голоду, чѣмъ ходить съ нимъ и просить милостыню. Въ молодости училась я многому, что теперь въ старости можете доставить миѣ кусокъ хлѣба. Я умѣю шить, варить кушанье, печь, мыть... Г. совѣтникъ, не надобно ли вамъ смотрительницы надъ домомъ?

Совѣтникъ. Сожалѣю, сударыня, что принужденъ вамъ отказать.

Г-жа Моро. Можетъ быть, имѣете вы малолѣтнихъ дѣтей—я могу ихъ учить по-французски и англійски?

Совѣтникъ. У меня сыпь и дочь, но и тѣ взрослые.

Г-жа Моро. Ахъ, Боже мой! п этотъ домъ должна я оставить безъ утѣшенія.

Совѣтникъ. Нѣтъ, сударыня, я имѣю друзей, которымъ васъ могу рекомендовать—а по тѣхъ поръ можете вы прожить у меня въ домѣ.

Г-жа Моро. Да награждать васъ Богъ

за это!.. Не даромъ послали меня къ вамъ,—вы великодушный человѣкъ...

Совѣтникъ. Васъ послали ко миѣ?

Г-жа Моро. Я изъ Ліона—тамъ знала я одну несчастливую женщину, пѣмку—Филиппину Моро...

Совѣтникъ. Боже мой! сестру мою! Скажите, жива ли она?..

Г-жа Моро. Она умерла.

Совѣтникъ. Умерла! *(Слезы катятся по щекамъ его—онъ отворачивается и, приклонившись къ дереву, тихо плачетъ).*

Г-жа Моро *(въ сторону, поднимая руки)*. Онъ меня еще любить! онъ меня еще любить!.. Еще есть на свѣтѣ, который меня любитъ...

Совѣтникъ *(почти про себя)*. Первое пзвѣстіе въ двадцать лѣтъ: она умерла!

Г-жа Моро. И умерла въ нищетѣ!

Совѣтникъ. О, зачѣмъ позабыла она своего брата?

Г-жа Моро. Нѣтъ, она не позабыла его; она молчала изъ одного только стыда... «Какъ показаться», говорила она миѣ часто—«въ этомъ рубницѣ къ своему брату?.. и простить ли онъ миѣ когда-нибудь мое преступленіе!»

Совѣтникъ. Она не знала сердца своего Вильгельма.

Г-жа Моро. Ахъ, нѣтъ, она знала его—но боялась придти въ домъ родительской, боялась услышать, что ея родители, умирая, обременили ее «проклятіемъ»...

Совѣтникъ. Они благословили дочь свою!

Г-жа Моро. Благословилъ?.. О, для чего не могу я принести этой утѣнительной вѣсти на гробъ моей Филиппины!..

Совѣтникъ. Ахъ—я все думалъ, что она вспомнитъ о своемъ братѣ, котораго такъ любила она въ младенчествѣ...

Г-жа Моро *(съ жаромъ)*. Она никогда не переставала любить его!—она никогда его не забывала!

Совѣтникъ. Я надѣялся ее увидѣть, и моя надежда росла вмѣстѣ съ этими

деревьями... Посмотрите, сударыня—эти липы посадили мы съ ценою: эту я, а эту она—время соединило ихъ вѣтви, а гдѣ сестра моя?.. (*Горестно*). Гдѣ сестра моя?

Г-жа Моро (*съ чувствомъ*). Она васъ любила! она васъ любила!

Совѣтникъ. Эту бесѣдку посадила добрая наша мать за годъ предъ своею смертію. «Я не доживу до того времени»—сказала она мнѣ—«когда эти вѣтви дадутъ отъ себя тѣнь, но, можетъ быть, нѣкогда будешь ты сидѣть подъ ними съ твоей сестрою и обо мнѣ вспомнишь»...

Г-жа Моро (*тихонько скрывая слезы свои*). Нѣтъ, я не могу болѣе!

Совѣтникъ (*обнимая одну изъ липъ*). Ахъ, я завидую нашимъ предкамъ въ ихъ сладостныхъ суетвѣяхъ! Какъ желалъ бы я вѣрять, что духъ сестры моей обитаетъ въ этомъ деревѣ!..

Г-жа Моро (*шатается, опирается постылемъ своимъ и упадаетъ на полъ*). Братъ мой!.. Вильгельмъ!..

Совѣтникъ. Боже! Что это значить?

Г-жа Моро (*ни колыхая*). Вильгельмъ! братъ мой!..

Совѣтникъ (*бросается съ ея объятія*). Моя Филиппина!—это ты?!

Г-жа Моро. Ахъ!—не отвергай меня!

Совѣтникъ. Тебя отвергнуть?.. (*Молчаніе*).

Г-жа Моро. Доброй Вильгельмъ—помоги мнѣ дойти до этихъ липъ, которыя мы посадили въ рожденіе нашей матушки... Тогда мы обняли другъ друга подъ молодыхъ былинкахъ, и матушка, смотря на насъ, улыбалась—теперь дай мнѣ прижаться себя къ сердцу подъ ихъ тѣнію, и она еще разъ улыбнется съ неба на дѣтей своихъ...

Совѣтникъ (*ведетъ къ дерновой скамьѣ, которая подъ липъ, тамъ обнимаетъ ее и со слезами глядитъ на небо*). Матушка, улыбнись на дѣтей своихъ—ты не просила намъ отъ неба сію минуту!

Г-жа Моро (*кладетъ голову свою къ нему на грудь*). Здѣсь дай мнѣ умереть!

Совѣтникъ. Здѣсь—у моего сердца—здѣсь возвратишь ты все наслажденія милой юности—(*въ радости*) сладостныя воспоминанія! Поидемъ, я покажу тебѣ всякое дерево, съ котораго мы любили рвать плоды, всякое мѣсто, гдѣ мы съ тобой играли... Твоя горница въ домѣ осталась по-прежнему—тамъ стоитъ еще тотъ черный столъ, на которомъ мы рисовали съ тобою, и тотъ шкапъ, въ которомъ мы клали все свои работы... (*взмывающая на г-жу Моро, которая лежитъ почти безъ чувствъ на груди ея*). Ты не слышишь меня—сестрица!.. Эта блѣдность!.. Боже мой!..—Эй! Эй! помогите!—помогите!..

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Эмма и Иванъ сѣднать съ разныхъ сторонъ.

Иванъ. Что сдѣлалось?

Эмма. Ахъ—бѣдная женщина занемогла!

Совѣтникъ. Она сестра моя!..

Эмма. Сестрица ваша?.. (*Съ стараніемъ помогаетъ г-жѣ Моро, которая скоро приходитъ въ себя*).

Иванъ. Какъ? барышня Филиппина?..

Совѣтникъ. Это моя Филиппина! Добрай старикъ, ты часто со мною объ ней плакалъ—теперь радуйся: она опять съ нами.

Иванъ. Опять съ нами? Ну, слава Богу; я никогда не ждалъ, чтобъ въ декабрѣ моей жизни расцвѣлъ такой прекрасной цвѣтокъ! Барышня, узнали ли вы стараго Ивана?

Г-жа Моро (*подаетъ ему руку*). Доброй Иванъ, ты живъ еще?

Иванъ. Какже, сударыня, живъ! И вангъ крестникъ тоже!

Эмма. Позвольте васъ отвести, сударыня, въ домъ—тамъ будетъ вамъ покойше.

Г-жа Моро. Нѣтъ, моя милая, свѣжій воздухъ и видъ всего того, что меня окружаетъ—самое лучшее для меня лекарство.

Совѣтникъ. Если любовь наша прино-

енгъ тебѣ утѣшеніе, то для чего же давно же возвратилась ты въ наши объятія?

Г-жа Моро. Прости мнѣ, братецъ, простите мнѣ, добрые родители! Часто, когда я рѣшалась твердо побѣдить стыдъ свой, судьба заграждала мнѣ путь странными препятствіями. Съ мужемъ своимъ скрылась я отсюда въ Лионъ, отечественный его городъ; его родители, которыхъ все планы уничтожились нашимъ супружествомъ, ужасно на него разсердились и не приняли насъ въ домъ свой!.. Мы рѣшились пожить на непримиряющее время и отъ него ждать счастливѣйшей переменъ судьбы своей. Съ помощью одного вѣрнаго, но недостаточнаго, друга мы уѣхали въ Америку...

Совѣтникъ. Въ Америку?..

Эмма. Въ Америку!—позвольте спросить, въ какомъ городѣ вы тамъ жить изволили?

Г-жа Моро. Въ Карлсстовнѣ!

Эмма. Боже мой!.. *(Со смущеніемъ и ожеданіемъ останавливается противъ вожсже Моро, которая не замѣтила ея движенія).*

Г-жа Моро. Прилежность мужа моего доставляла намъ самое бѣдное пропитаніе, но мы любили другъ друга и были довольны; небо укрѣпило еще болѣе союзъ нашъ, даровавшій намъ двухъ милыхъ дѣтей, сына и дочь...

Эмма. И дочь?..

Совѣтникъ. Гдѣ же она?

Г-жа Моро. Ахъ, Вильгельмъ, не спрашивай объ этомъ! Небо хотѣло наказати меня за горести, причиненныя мною добрымъ моимъ родителямъ... Война, въ которую Америка возвратила свою вольность, сдѣлала насъ безъ куса хлѣба—мы возвратились за восемь лѣтъ передъ симъ къ Европу... Мать моего мужа была жива еще—она простила насъ, мы опять насладились минутою спокойствія, какъ вдругъ ужасная революція во Франціи разрушила наше счастье. Мужъ мой былъ усердной патриотъ, онъ сдѣлался жертвою корыстолюбія и анархіи... Сынъ мой—обольщенный молодой человекъ—эмигри-

ровалъ съ нѣкоторыми знатными и богатыми негодьями!.. Ахъ, имъ очень удалось сдѣлать изъ него самолюбиваго и тщеславнаго безумца и заглушить въ немъ все чувства природы и должности—я со стыдомъ признаюсь, что онъ былъ первой, которой мнѣ попался въ этомъ городѣ на встрѣчу...

Совѣтникъ. Въ этомъ городѣ?..

Г-жа Моро. Такъ—онъ здѣсь—я узнала его и по имѣю и того утѣшенія, что бы въ этомъ хотя мало усумниться... Въ сопровожденіи подобныхъ себѣ негодяевъ проѣхалъ онъ верхомъ мимо меня... «Слышь мой», вскричала я и бросилась на колѣна;—онъ услышалъ голосъ мой, обернулся—я видѣла, какъ щеки его всникнули, какъ уста задрожала въ рукѣ его... «Что такое», спросилъ его одинъ изъ его товарищей... Я подняла руки и вскричала: «я мать его!..» Ахъ! онъ стыдился своей матери, стоящей на колѣняхъ... «Эта старушка съ ума сошла!» сказалъ онъ и колыуль шпорами лошадь свою...

Совѣтникъ. Бѣдная Филиппина!

Иванъ. Боже мой!—и Ты терпишь такую негодную траву въ прекрасномъ саду Своемъ!

Г-жа Моро. Я повинуюсь карающему Провидѣнію! Когда увидѣла я родительской домъ свой,—ахъ, тогда я почувствовала всю тяжесть своего преступленія; но Богъ послалъ мнѣ на встрѣчу моего сына, чтобъ равнымъ заплатить за равное!.. Я не ропщу! Рука Божія справедлива и въ милостяхъ и наказаніяхъ... Кто покидаетъ отца и мать, тотъ въ старости самъ лишится дѣтей своихъ.

Совѣтникъ. Но дочь твоя?

Г-жа Моро. Она страннымъ образомъ погибла.

Эмма *(съ посылкостью).* Погибла? гдѣ? когда?..

Г-жа Моро. Должна ли я и это рассказать вамъ! Англичане и нѣмцы осаждали Карлсстовнѣ...

Эмма *(внѣ себя).* Нѣмцы!..

Совѣтникъ. Далѣе, далѣе, любезная сестрица!..

Г-жа Моро. Въ одну ужасную ночь городъ былъ разграбленъ и зажженъ со всѣхъ четырехъ сторонъ—всѣ бѣжали—и я съ моимъ мужемъ, которой несъ на рукахъ малолѣтнюю дочь мою, бросилась изъ города—сынъ мой бѣжалъ за нами... Только что мы дошли до городскихъ воротъ, какъ вдругъ развалившійся домъ упалъ на моего мужа. Въ ту самую минуту толпа бѣгущихъ въ узкой улицѣ раздвинула меня съ нимъ и увлекла съ собою... Два дни послѣ того, блуждая, какъ вдова, по лѣсу, встрѣтилась я съ нимъ—но дочь моя—моя Эмма погибла!..

Эмма. Эмма!.. Боже! *(Орожа, упадаетъ на колѣна передъ в-жею Моро).*

Г-жа Моро. Что это значитъ?

Совѣтникъ *(Орожающимъ голосомъ).* Сестрица, и эта дѣвушка называется Эммой—и эта дѣвушка была въ Карлс-стовицѣ вышута изъ дымящихся развалинъ...

Г-жа Моро *(съ удивленіемъ и съ нерешимостью).* Вильгельмъ?!..

Совѣтникъ. Нѣтъ ли у тебя какой примѣты, по которой бы узнать дочь свою?..

Г-жа Моро. Ахъ, никакой, кромѣ моего сердца!

Совѣтникъ. Тогдашній возрастъ ея?..

Г-жа Моро. Восемь лѣтъ.

Совѣтникъ. На бѣльѣ намѣчено: А. М?..

Г-жа Моро *(вскрикиваетъ).* Амалія Моро!

Совѣтникъ. Это она! она!..

Эмма *(бросаясь въ ея объятія).* Матушка!..

(Г-жа Моро падаетъ безъ чувствъ въ руки своего брата. Иванъ рыдаетъ и стираетъ глаза. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Эрлахъ *(входитъ скоро; останавливается сдвинувъ посреди театра; задумывается,—черезъ минуту съ досадой стучитъ палкой въ полъ, какъ будто хочетъ сказать: «такъ этому быть должно!»—и хочетъ идти дальше; съ*

нимъ встрѣчается соотѣнникъ и его удерживаетъ).

Совѣтникъ. Куда—куда?

Эрлахъ. Вольфъ отсюда.

Совѣтникъ. Что съ тобою сдѣалось?

Эрлахъ. Ничего.

Совѣтникъ. Странной человѣкъ!

Эрлахъ. Зачѣмъ чортъ меня принесъ въ домъ этотъ?..

Совѣтникъ. Ты бредишь?..

Эрлахъ. Нѣтъ, говорить тебѣ, нѣтъ!—Это не мое дѣло!—и этого никогда не будетъ!

Совѣтникъ. Да что такое?

Эрлахъ. Флаксландъ!—скажи мнѣ, давно ли ты не видалъ дураковъ? Вотъ, смотри на меня—я формальной дуракъ!—дуррачина!..

Совѣтникъ. Удивительной человѣкъ!—Помилуй, что ты такое себя забралъ въ голову?—Мы тебя цѣлой часъ ищемъ!..

Эрлахъ. Меня?—Гмъ!—Кому до меня нужда?.. Когда бы я былъ «одинъ человѣкъ», то дѣло..

Совѣтникъ. Мы увидѣли тебя на углу, ты ходилъ взадъ и впередъ, какъ съума-шедшій—и свисталъ въ кулакъ!..

Эрлахъ. Кому до этого дѣло?

Совѣтникъ. Я хотѣлъ сказать тебѣ!..

Эрлахъ. Я все знаю!

Совѣтникъ. Невозможно!—такое неожиданное открытіе!..

Эрлахъ. Зажми ротъ съ твоимъ открытіемъ! Говорятъ тебѣ, я все знаю—она невѣста—женихъ г. Кугель—пу чего жъ тебѣ?..

Совѣтникъ. Ты его знаешь? Я самъ только теперь узналъ!

Эрлахъ. Ну, вотъ видишь—я правъ!—Прощай же!

Совѣтникъ. Боже мой! да куда ты?.. Остаешься!..

Эрлахъ. Какъ бы не такъ! Остаешься съ вами! и будешь чучелой на свадебномъ пиру! Гмъ!.. Какъ бы не такъ!

Совѣтникъ. Эрлахъ—я впервые отъ роду вижу тебя въ такомъ положеніи.

Эрлахъ. Да, я въ первой отъ роду дуракъ—но за то ужъ дуракъ настоящій!

Совѣтникъ. Да какая тебѣ нужда до этой свадьбы?

Эрлахъ. Охъ, не мучь меня богиѣ своими вопросами!.. Ну, что мнѣ отвѣчать тебѣ?.. Развѣ прикажешь себѣ все складывать?..—Гмъ! Однако-жъ я давеча проновѣдывалъ тебѣ о ложномъ стыдѣ; ты также можешь подумать, что и я этой же болѣзнию боленъ... Такъ слушай же — я скажу все, хоть лопну — Я!.. чортъ не берси! — я! — языкъ не ворочается — я влюбленъ!.. *(Зажимаетъ ему рукою ротъ)*. Молчи! молчи! не говори ни слова!..

Совѣтникъ. Ты влюбленъ?.. ха! ха! ха!

Эрлахъ. Вотъ! покорно прошу! — онъ свѣтается!..

Совѣтникъ. Нѣтъ! Я очень жалѣю! Когда бы я прежде узналъ объ этомъ...

Эрлахъ. То бы, конечно, изъ дружбы ко мнѣ уговорилъ ее? Слуга покорной! Чортъ меня возьми! Она этого и знать не должна! И, если ты хоть слово проболтаешь, то мы перевѣдаемся!..

Совѣтникъ. И кому это придется въ голову! Въ твои лѣта она или совсѣмъ не приходитъ, или очень рѣдко!

Эрлахъ. Хорошо! хорошо! Смѣйся!..

Совѣтникъ. Въ твои лѣта надобно беречься, чтобы не быть невольникомъ собственнаго своего сердца...

Эрлахъ. И это не худо!

Совѣтникъ. Лучше застрѣлиться!..

Эрлахъ. Статное дѣло!

Совѣтникъ. Ты серднишься — Эрлахъ — полно, братъ, вѣрь мнѣ, хотя я и очень люблю Кугеля, но охотно промѣнялъ бы его на тебя.

Эрлахъ. Ха! ха! Какая милость!

Совѣтникъ. Теперь дай-ка разеказать тебѣ!..

Эрлахъ. Я ничего не хочу слушать — пошла, пожалуйста, мнѣ за почтовыми лошадьми.

Совѣтникъ. Какъ ты въ самомъ дѣлѣ?..

Эрлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, сударь, въ самомъ дѣлѣ! — Чортъ побери! — Если бы гдѣ только найти пустыню, въ которой нѣтъ женщинъ *(осматривается)*...

Вотъ — добро пожаловать — и она сама катить! Съ какой умильной рожицею, вѣрно, просить моего благословенья

Совѣтникъ. Кто?

Эрлахъ *(не оборачиваясь, показываясь позадь себя пальцомъ)*.

Совѣтникъ. Да это Эмма!..

Эрлахъ. Ну, чего жъ тебѣ? — Ахъ, братъ, таково-то, когда дѣвушка осемью годами старше стаетъ!

Совѣтникъ. Такъ ты объ ней говорилъ?

Эрлахъ. О комъ же?

Совѣтникъ. Невѣста г. Кугеля?..

Эрлахъ *(съ сердцемъ)*. Это я ужъ наизусть знаю!

Совѣтникъ. О! вотъ это славно! Ха! ха! ха!.. Я тебя съ ней одною оставлю! *(уходитъ скоро)*.

Эрлахъ *(одинъ)*. Ну, что мнѣ съ нею дѣлать? Вотъ какво — влюбись, и все пропало!.. Гмъ! Лучше я уйду! На что мнѣ она?.. Прощайте, сударыня — и, если вы еще когда попадетесь подъ развалины, то чортъ меня возьми, если я... Эрлахъ! Эрлахъ! Нельзя ни за что ручаться въ свѣтъ!.. Она идетъ, и ужъ близко — да что мнѣ до этого пужды?.. Если я уйду, то она подумаетъ, что я боюсь ее... Нѣтъ, нѣтъ, голубушка, я не боюсь тебя! — Мы сядемъ здѣсь въ бесѣдкѣ! Можетъ быть, она опять ищетъ своего «одного человека»... *(Сидитъ въ бесѣдкѣ и чертитъ палькою по песку)*.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Эмма и Эрлахъ.

Эмма *(выходитъ, не видя Эрлаха, приближается къ липамъ, смотритъ на нихъ съ нѣкоторымъ радостнымъ удивленіемъ, и обнявши одну изъ липъ, говоритъ съ чувствомъ)*. Здѣсь пролила я первая слезы радости! — Благодарю тебя, Боже!..

Эрлахъ *(про себя, положивъ подбородокъ на свою палку)*. Да! да! Здѣсь нашла она его!..

Эмма. Пламенные желанія мои исполнены!

Эрлахъ. «Пламенные желанія»... Ну, пристало ли это дѣвушкамъ?

Эмма. Теперь я буду счастлива!

Эрлахъ. Ну, Богъ знаетъ...

Эмма. Въ мой горести забыты...

Эрлахъ. И Эрлахъ съ ними!

Эмма (*отходя*). Надобно сыскать по-чтеннаго Эрлаха...

Эрлахъ. А! Пришла и моя черед!

Эмма. Какъ онъ обрадуется!

Эрлахъ. Сомнительно!

Эмма (*осматриваясь, примѣчаетъ Эрлаха*). Ахъ! вы здѣсь!

Эрлахъ (*сухо и не перемѣняя своего положенія*). Здѣсь я!

Эмма (*шутливо*). Вы меня подслушали?

Эрлахъ. Это не мое дѣло!

Эмма. Вы знаете?..

Эрлахъ. Знаю.

Эмма. Вѣрно, совѣтникъ?..

Эрлахъ. Да, мнѣ совѣтникъ сказывалъ...

Эмма. Но вы не принимаете участія въ моей радости!..

Эрлахъ. О! для чего же и пѣть?.. Желаю вамъ счастья.

Эмма. Такъ сухо?

Эрлахъ. Я не умѣю притворяться—и, сказать правду—я надѣялся, что вы мнѣ это скажете ранѣе.

Эмма. Ранѣе?—Да какъ было ранѣе?..

Эрлахъ. Зачѣмъ вы меня прочь отослали?—о чемъ вы перешептывались вмѣстѣ?

Эмма. Я васъ не понимаю.

Эрлахъ. Таково-то дѣлается въ свѣтъ...

Дружба ишетъ свои законы въ сердцахъ—такъ точно, какъ я эти фигуры на пескѣ: любовь дунуть, и все пропало!

Эмма. Неужели благодѣтель мой не одобряетъ этой любви?..

Эрлахъ. О, напротивъ!—Какая мнѣ до нея нужда!—Я не участвую въ вашемъ выборѣ.

Эмма. Въ моемъ выборѣ?..

Эрлахъ. Вы его любите—онъ умной человѣкъ, богатъ, любезенъ, скромнѣе...

Эмма. «Онъ!»! «его»!.. Что это значитъ?—Мы вѣрно не понимаемъ другъ друга!

Эрлахъ. Напротивъ! Совѣтникъ мнѣ сказывалъ, что все согласно съ господиномъ Кугелемъ!

Эмма. Конечно!

Эрлахъ. Что жъ вамъ болѣе?

Эмма. Развѣ это до меня касается?

Эрлахъ. До кого же?.. Вотъ еще какаго страшно!

Эмма. Можетъ быть—потому, что я выросла вмѣстѣ съ Вильгельминой, что мы любимъ другъ друга, какъ сестры...

Эрлахъ. Вильгельмина! Вильгельмина!.. Что вы мнѣ говорите о Вильгельминѣ?

Эмма. Вить она невѣста!

Эрлахъ. Вы шутите надо мною?

Эмма. Сохрани меня Богъ!

Эрлахъ. Развѣ не вы говорили съ г. Кугелемъ?..

Эмма. Да—это отъ имени Вильгельмины...

Эрлахъ. А дали слово?

Эмма. За Вильгельмину же!

Эрлахъ. Пѣть, серьезно, безъ шутокъ?—И благодарность къ этимъ лицамъ—и это воехнненіе пропеходить отъ одной дружбы?.. Эмма, Эмма, какъ счастливъ будетъ тотъ, кого ты любишь!

Эмма. Какъ это пришло вамъ въ голову?

Эрлахъ. Очень натурально...—чортъ меня возьми!—я такъ запутался...—Но, тѣмъ лучше, когда солдатъ окруженъ отовсюду огнемъ, то забываетъ онъ опасность.

Эмма. Любезной г. калитанъ, ваши слова для меня загадка.

Эрлахъ. Можетъ статься—скажи польза слова, и я рѣшу эту загадку.

Эмма. Ваше холодноствіе—ваше удивленіе—вашъ восторгъ—все это... хорошо, что мы теперь одни!

Эрлахъ. А почему?

Эмма (*шутливо*) посторонній—къ стыду вашему—почетъ бы васъ влюбленнымъ.

Эрлахъ. Къ стыду моему? Да это правда, въ мой лѣтъ влюбляться стыдно.

Эмма. Скажите лучше, съ вашими правилами!

Эрлахъ. Перестаньте надо мною насмѣхаться.

Эмма. Помилуйте, какъ я смѣю!

Эрлахъ. Стыдиться бросить глупыя правила будетъ стыдиться ложно... Короче всего—скажите, не примѣтили ли вы чего за мною?

Эмма. Что такое?

Эрлахъ. Советъмъ ничего?

Эмма. Ничего!

Эрлахъ. Гмъ! Какже это можно?.. Со мною, чортъ знаетъ, что случилось.

Эмма. Съ вами?

Эрлахъ. Отгадайте!

Эмма. Трудно.

Эрлахъ. Эхъ! Попробуй, попробуй!—Тебѣ легче отгадать, чѣмъ мнѣ разгадать.

Эмма. Если бы я была посамолюбивѣе...

Эрлахъ. То, чтобы тогда?..

Эмма. Тогда бы я подумала...

Эрлахъ. Что, что такое?

Эмма. Вы будете надо мною смѣяться?

Эрлахъ. О, мнѣ теперь советъмъ не до смѣху! Говорите скорѣе, что бы вы подумали, когда бы были посамолюбивѣе?

Эмма. Что... по простите меня!

Эрлахъ. Скорѣе, скорѣе!—я все вамъ прощаю!

Эмма. Что вы меня любите!..

Эрлахъ. Уфъ! Наслау выговорила!

Эмма. И позволяю вамъ смѣяться надъ собою...

Эрлахъ. А я тебѣ позволяю быть самолюбивою...

Эмма. Только то? Немного!—Любовь моего благодѣтеля сдѣлала бы меня гордою.

Эрлахъ. А господину благодѣтелю ни гордость твоя, ни самолюбіе не приписали бы никакой прибыли... Но полно говорить объ этомъ—приступимъ къ дѣлу, и, если ты мнѣ чѣмъ-нибудь обязана, то разочтемся по-дружески?

Эмма. Я бѣдная дѣвка.

Эрлахъ. Вотъ тебѣ на! Кто не умѣетъ или не хочетъ считать, тотъ, обыкновенно, притворяется бѣднымъ. Ты, сударыня, говоришь слишкомъ по-свѣтски!

Чортъ меня возьми! Въ свѣтѣ нѣтъ ничего добраго. Тамъ говорятъ: она хороша, умна, добросердечна, но бѣдна!—Какая до того пужда честному человѣку?..

Эмма. Все, что я ни имѣю—ваше.

Эрлахъ. Опять!—да выкинь изъ головы эту дрянь! Я замѣчаю, что ты не хочешь понимать меня... Я для тебя слишкомъ старъ—просто—говори безъ увертокъ!

Эмма. Это похоже...

Эрлахъ. На свадебное предложеніе? Ну такъ! такъ! Тенерь мы на прямомъ пути!

Эмма. Этотъ день вы дѣлаете примѣчательнѣйшимъ въ моей жизни.

Эрлахъ. Право?—Что жъ это значить: да или *нѣтъ*?

Эмма. Я васъ весьма почитаю...

Эрлахъ. А больше ничего?

Эмма. Дѣвушка рѣдко въ большемъ признается... Если бы вы дали мнѣ время говорить, то давно бы узнали, что нѣсколько часовъ уже, какъ другой раздѣлилъ съ вами священнѣйшія права на мое сердце.

Эрлахъ. Раздѣлилъ? Это не мое дѣло!

Эмма. И что вамъ должно адресоваться къ моей матушкѣ.

Эрлахъ. Къ твоей матушкѣ?..

Эмма. Къ сестрицѣ вашего друга, которая нѣкогда съ супругомъ своимъ убѣжала въ Америку и тамъ въ ужасную бѣдственную почъ лишилась и имѣнія и дочери.

Эрлахъ (*въ разспяніи*). Лишилась! Какъ?

Эмма. Амалія Моро называлась оплакиваемая дочь, которую честный Эрлахъ выхватилъ изъ горящихъ развалинъ. Амалія Моро была воспитана вами и отъ васъ научилась мыслить благородно и быть благородною. Человѣкъ, подавшій мнѣ руку для извлеченія меня изъ пламени, поступилъ благородно—но, можетъ быть, многіе на его мѣстѣ то же бы сдѣлали, избавили бы плачущаго младенца отъ смерти и потому оставили бы его на произволъ судьбы его; но человѣкъ, которой цѣльня восемь лѣтъ дѣлалъ со

мною бѣдно свое жалованье... О, такой человекъ выше всѣхъ похвалъ! Похвала и слава могутъ быть наградою героизма, для котораго иногда потребна только минута забвенія; но дѣла благородныя не всегда блистательны. Легче въ одинъ часъ принести великую жертву, чѣмъ въ продолженіе осьми лѣтъ приносить тысячу не столь великихъ.

Эрлахъ (который, между тѣмъ какъ она говорила съ жаромъ, различными образомъ обнаруживалъ свою нетерпимость). Готовы ли вы?

Эмма. Еще не совѣтъ, г. капитанъ! *(Съ чувствомъ).* Еще не совѣтъ, другъ мой — благодѣтель — братъ...

Эрлахъ. Братъ! — Понимаю...

Эмма. Нѣтъ! Вы меня не понимаете! Если бѣ сердце мое было уже отдано другому, то бы я со вздохомъ призналась: «благородный человекъ! Пожалуйте обо мнѣ, я не могу любить васъ!» — Но, благодаря Бога, сердце мое свободно; почтение, дружба, благодарность, такъ! сіи чувства могутъ соединиться въ одно, и это одно чувство будетъ любовь.

Эрлахъ. Эмма! Правду ли ты говоришь?

Эмма. Съ Эрлахомъ не для чего опасаться непосѣдливости; въ тому же предложеніе ваше было для меня не совѣтъ неожиданно: холодность, съ какою вы меня оставили, когда я некала и пришла г. Кугеля, открыла мнѣ то, въ чѣмъ, можетъ быть, вы еще и сами сомнѣвались. Сердце мое забилося при одной мысли воздать моему благодѣтелю и посвятить ему жизнь, которую онъ сохранилъ мнѣ. Такія обольщающія мечты возбудили въ сердцѣ моемъ надежды, желанія — и наконецъ, г. капитанъ — безъ всякихъ околнчностей и ложнаго стыда — если для васъ довольно сердца невиннаго, исполненнаго чистѣйшею довѣренностью и благодарностью, то я охотно соглашусь быть вашею супругою.

Эрлахъ (беретъ съ восхищеніемъ шляпку). Право?... Эмма! Эмма! что ты со мною дѣлаешь!.. Я бросился бы на колѣни передъ тобою, если бы такъ часто не

смѣялся надъ колѣнопреклоненіемъ. Ну вотъ! — Я стою, какъ болящая, не могу выговорить ни слова! Онѣмѣлъ и передъ кѣмъ же? Передъ твореніемъ, которое за восемь лѣтъ передъ снѣгъ, было не выше этого куста... Гмъ!.. Однако жъ коротко да ясно — ты моя жена — чортъ меня побери! — моя милая жена! — Пускай они надо мной смѣются, — плевать на нихъ! Ха! ха! ха! — да мнѣ и самому смѣшно. Пускай-ка посмотрятъ на мою Эмму и удавятся съ досады! Она моя — моя — Эрлахъ поѣдетъ съ нею въ свое отечество! Въ Швейцарію!.. Чортъ меня возьми! Я никогда не бывалъ такъ веселъ! Эмма! Мы купимъ съ тобою деревушку въ альпійской долинѣ, гдѣ солнце будетъ свѣтить прямо въ окна нашего домика — мы будемъ жить, какъ жили старики наши предки, то есть счастливо! Ура! Да здравствуетъ Эрлахъ и жена его! *(Она подымаетъ ее на воздухъ и вѣтитъ вокругъ).*

Эмма. Любезной Эрлахъ, матушка идетъ сюда!

Эрлахъ. Какая матушка?. Да! я вить и забыть давнишнюю твою сказку. Такъ это правда, чортъ меня возьми, теперь мнѣ и знать ничего не хочется. После разскажешь, какъ все случилось. Мнѣ кажется, что я теперь одинъ съ Эммою въ цѣломъ свѣтѣ.

Эмма. Попрошаемъ у ней благословенія!

Эрлахъ. Дѣльно! дѣльно! *(бросаетъ шляпку и плаку, беретъ Эмму на руки и почти несетъ ее на ветрычу матери).*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Г-жа Моро и прежніе.

Эрлахъ. Благословите насъ, матушка!

Эмма. Матушка, это — мой забавитель и, если вы позволите — мой супругъ!

Г-жа Моро. Онъ — вочтенный Эрлахъ? онъ хочетъ быть твоимъ супругомъ?.. Боже мой, сколько радостей въ одинъ день! Государь мой! Вы сохранили дочь мою отъ смерти...

Эрлахъ (перевивъ ее). Эхъ! сударыня! Г-жа Моро. Вы сохранили мнѣ по-

свѣдѣнію драгоценность жизни! Ахъ, сударь, слезы матери давно вась благословили! Возьмите ее, опа—ваша!

Эрлахъ. Моя? *(Вырываетъ Эмму изъ рукъ матери)*. Сюда! сюда! Слышишь ты? ты моя!.. *(Смотритъ на нее)*. Смотри, пожалуй, какая воструха! Ну, думать ли ты, Эрлахъ, когда ее вытаскивать изъ—подъ развалинъ, что вытаскивалъ жену свою?.. Почти страшно!

Эмма. Пойдемте къ дядюшкѣ!

Эрлахъ. Какъ? какъ? Къ какому дядюшкѣ? *(Одумавшись)*. И въ правду! Вотъ тебѣ на! Совѣтникъ сталъ моимъ дядюшкой! Ну попался—жъ я... Теперь опъ, по праву родства, приевонитъ себѣ право насмѣхаться надъ своимъ племянникомъ... Пожалуй, смѣйся! Вооружимся противъ нихъ, дорогая моя Эмма, пускай ихъ скалютъ зубы, мы на нихъ не посмотримъ.

Эмма. Чего же намъ стыдиться.

Эрлахъ. Вотъ прекрасно! Миѣ того, что и цѣлыхъ тридцать два года былъ дуракомъ, а тебѣ того, что ты взялась сдѣлать мня умникомъ. *(Хотятъ рука съ рукою идти сонъ и стръчатся съ Вильгельминой и Кузлемъ, которые также рука съ рукою идутъ имъ навстрѣчу; объ пары, не различаясь, останавливаются другъ противъ друга)*.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Эрлахъ. Кто идетъ?

Вильгельмина. Пріятель!

Эрлахъ. Пароль?

Вильгельмина. Амуръ и Гимней?

Эрлахъ. Bravo, у всѣхъ своя пара! Это мое дѣло!

Вильгельмина. Какъ, г. капитанъ? прежде это было не ваше дѣло.

Эрлахъ. Прежде—а теперь пѣтъ!

Вильгельмина. Женитьба—старинное обыкновеніе; а вы стоите съ Эммой точно такъ, какъ женихъ съ невѣстой!

Эрлахъ. Ну что—жъ? Лафатеръ позабылъ физиономію жениха, но дѣвушка въ этомъ лучше Лафатера: она тотчасъ угадаетъ!

Вильгельмина. Эмма, Эмма! Кто бы подумалъ, чтобы человекъ, которой такъ обнявшіеся ходить съ тобой, былъ только твой воспитатель!

Эрлахъ. Какой чертъ, воспитатель? Она моя невѣста! Слышите ли—смѣйтесь, смѣйтесь! Я не боюсь вашихъ насмѣшекъ.

Вильгельмина. Нѣтъ, вы шутите! Кузинушка, ты молчишь!

Эрлахъ. Чего же ей говорить?—Она сказала да и конецъ дѣлу!

Вильгельмина *(качая головой)*. Худо, худо! А вы, тетюшка, и позволили!

Эрлахъ. А почему бы ей не позволить, госпожа воструха? А?

Вильгельмина. Такой ненавистникъ женщинъ!

Г-жа Моро. Тѣмъ больше чести для моей Эммы!

Вильгельмина. Такой суровой!..

Эрлахъ. И дубовая кора, жесткая на деревѣ, даетъ отъ себя тѣнь.

Вильгельмина. Все ворчитъ и бранится!..

Эрлахъ. Богъ видитъ сердце!

Вильгельмина. Да потому что можетъ его видѣть.

Эрлахъ. Это и Эмма можетъ *(трясетъ ея руку)*. Не правда ли, Эмма, ты видишь мое сердце? *(Эмма улыбается)*...

Вильгельмина. Ай! ай! ай! Бѣдная моя кузина! опа пропала!

Эрлахъ *(Эмму)*. Пускай ее болтаетъ!

Вильгельмина. Г. капитанъ—второй Цесарь: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

Эмма. Развѣ я его только сего дня узнала?

Вильгельмина. А опъ тебя?

Эрлахъ. Ва!—да если искра попадетъ въ пороховую бочку, то опъ въ мигъ взлетитъ на воздухъ!

Вильгельмина. Ва!—да и не знала, что у мужчинъ сердца пороховыя бочки. Однако—жъ, что сдѣлано, то сдѣлано, господи мизогинъ расправилъ угрюмыя морщины величественнаго чела своего... *(Присѣдается)*. Честъ имѣю поздравить!—Поди сюда, милая Эмма! *(цѣлуетъ ее)*. Понимася меня?

Кугель (*подавая руку Эрлаху*). Господи! капитанъ, радуясь сердечно!

Эрлахъ (*трясетъ ею руку*). Вотъ такъ, по-нѣмецки! Это языкъ честности...

Ну, дѣти, когда жь свадьба?

Кугель. Я думаю—завтра!

Эрлахъ. Для чего жь не нынче?

Эмма. Черезъ четыре недѣли!

Вильгельмина. Черезъ годъ!

Кугель. Кто же рѣшитъ насъ?

Вильгельмина. Вотъ тетушка!

Г-жа Моро. Остерегись, моя милая—я всегда на сторонѣ слабѣйшихъ!

Вильгельмина. Это—мы, дѣвушки!

Эрлахъ. Какъ бы не такъ!..

Г-жа Моро. Спросите у моего братца!—вотъ онъ идетъ.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Совѣтникъ, прежніе.

Вильгельмина (*бѣжитъ къ нему на сестрицу*). Паничка! Южной вѣтеръ напакостилъ въ саду нашемъ—всякой ницетъ себѣ пары, всякой хочеть жепиться.

Совѣтникъ. Тѣмъ лучше!

Вильгельмина. Папъ старикъ, папъ брезгунъ, ворчунъ, пелюдимъ...

Эрлахъ. Благодаренъ за прекрасные титулы!

Вильгельмина. Цѣлые тридцать два года въ головѣ его былъ ледяной погребъ, которой напичканъ былъ холодными септенціями, но (*показывая на Эмму*) эти голубые глазенки сверкнули, и ледъ растаялъ.

Совѣтникъ. Тѣмъ лучше!

Эрлахъ. Конечно, господни дядюшка, тѣмъ лучше—если только вамъ это не противно.

Совѣтникъ. Дорогой племянничекъ, ты болѣе счастливъ, чѣмъ сколько стоишь.

Эрлахъ. Испанцы ѣздятъ въ Америку за золотомъ, а Галсъ Эрлахъ съѣздитъ туда и привезъ такое сокровище, котораго възмъ копаемымъ золотомъ не купить.

Совѣтникъ. Ты молчишь, Филиппина?

Г-жа Моро. Я боюсь радоваться па-стоящему... Ахъ, сытъ мой! сытъ мой!

Эрлахъ. Вашъ сытъ? Какъ, Эмма, у тебя сеть еще и братецъ?

Эмма. Ахъ, если бъ я могла, не краснѣя, назвать его братомъ!

Эрлахъ. Гдѣ онъ? Кто онъ?

Г-жа Моро. Перестаньте говорить объ немъ, сердце мое разрывается!

Совѣтникъ. Такъ! Не станемъ помрачать этой свѣтлой минуты своими жалобами—я радъ, что наша нестрая компанія разсѣялась.

Вильгельмина. Матушка стала жаловаться головною болью, и все одинъ за другимъ разсѣхались.

Совѣтникъ. Гдѣ же твоя мать? Ее одной не достаетъ здѣсь!

Вильгельмина. Она заперлась въ свою горницу.

Совѣтникъ. Заперлась? Отъ насъ? Что это значить?

Эрлахъ. Вѣрно что-нибудь доброе!

Г-жа Моро. Она приняла меня съ сердечною радостію и, казалось, была въ восхищеніи отъ моего неожиданнаго прибытія. «*Себо*», сказала она, «награждаетъ меня зарпѣ! но, любезная сестрица, подите!—черезъ часъ могу я принять васъ такъ, какъ должно—черезъ часъ надѣюсь и сдѣлаться достойною этой радости».

Совѣтникъ. Непонятная загадка!

Эрлахъ. Что данъ ты мнѣ, если я тебѣ ее разгадаю?

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Иванъ и прежніе.

Иванъ (*плачетъ*). Ахъ, господни совѣтники!

Совѣтникъ. Что съ тобою сдѣлалось?

Иванъ. Я уже пятьдесятъ лѣтъ служу вамъ...

Совѣтникъ. Ну?

Иванъ. Еще ребенкомъ пологъ я здѣсь въ саду негодную траву, гораздо до вашего рожденія... Правда, тогда я былъ глухъ и рвалъ иногда петрушку вмѣсто папоротника.

Совѣтникъ. Это и съ большими случается, другъ мой,—что же далѣе? Объ чемъ ты плачешь?

Иванъ. Объ томъ, что боюсь, чтобы я меня не выкинули отсюда, какъ негодную траву! И не правда ли, господинъ совѣтникъ,—если я не персянковое дерево въ саду нашемъ, такъ, по крайней мѣрѣ, и не рейникъ!

Совѣтникъ. Да кто тебя гонитъ?

Иванъ. По сю пору еще никто! но если рубить деревья одно за другимъ, то, конечно, дойдетъ и до меня очередь. Мусье Роза, парикмахеръ—мастеръ Вифстикъ, берейтеръ—синьоръ Макарони, кухмистеръ—и г. Ванетманъ, приворотникъ—все, все оставлены въ чистую.

Эрлахъ. А! а!

Иванъ. Г-жа совѣтница призываетъ къ себѣ всѣхъ поочередно, отдастъ имъ за полъ-года жалованье и отпускаетъ съ Богомъ на всѣ четыре стороны. Теперь управляется она съ своею французскою мамзелью, а послѣ нее примется, можетъ быть, и за меня... Подумайте, господинъ совѣтникъ, я старое дерево, меня пересаживать не годится, къ тому жъ у меня есть маленькіе отростки—куда они дѣнутся?

Совѣтникъ. Не беспокойся! Ты носишь меня маленькаго на рукахъ, училъ меня доставать иглицы гнѣзда! Твоего гнѣзда никто не тронетъ.

Иванъ. Благодарствую, сударь! Мое гнѣздо—не воробьиное; отъ него не надобно закрывать сѣткой вишнею и яблоню.

Совѣтникъ. Но я не понимаю...

Эрлахъ. Поймешь, поймешь—вотъ идетъ добрая жена твоя. Пойдемте отсюда, здѣсь будетъ такая супружеская сцена, при которой негодится быть свидѣтелемъ. Посмотримъ, не распуцены ли и музыканты; мнѣ жаль этого будетъ, потому что я хочу танцовать и бѣситься. *(Подаетъ и-жъ Моро руку, прочіе идутъ за ними).*

Иванъ. Моя старуха сидитъ теперь на порогѣ и плачетъ, пойду къ ней и скажу: «Не плачь старуха, покуда мы живы, по тѣхъ поръ насъ не высалятъ изъ этого сада. *(Уходитъ).*»

Совѣтникъ *(стоитъ въ глубокой за-*

думчивости и не замѣчаетъ, что онъ остался одинъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Совѣтница *(въ самой простой одеждѣ подходитъ тихо къ совѣтнику и кладетъ руку на плечо его).* Что такъ задумчивъ, Визъгельмъ?

Совѣтникъ. Ахъ, моя милая!—я думаю о тебѣ.

Совѣтница. И былъ такъ печаленъ?

Совѣтникъ *(улыбаясь).* Твое присутствие разгладило всѣ морщины на лицѣ моемъ, кромѣ однихъ морщинъ старости.

Совѣтница. Семейное счастье и морщины старости разгладитъ.

Совѣтникъ. Свѣдѣнно я юноша?

Совѣтница *(беретъ его за руку).* Не обманываешь ли ты меня?

Совѣтникъ. Какъ! Неужели ты сомнѣваешься въ любви моей?

Совѣтница. Ни мало, но для счастья двухъ супруговъ пужно нѣчто болѣе, нежели любовь.

Совѣтникъ. Болѣе, нежели любовь?

Совѣтница. Довѣренность! Безъ нее любовь скоро исчезаетъ.

Совѣтникъ *(вздыхаетъ).*

Совѣтница. Ты вздыхаешь—я вижу, ты еще не привыкъ къ откровенности—хорошо, я начну сама.

Совѣтникъ *(взять ее за руку).* Милая Элиза, истина, даже и неприятная, отъ тебя всегда для меня пріятна.

Совѣтница. Очень учтиво сказано! Ты теперь расположись говорить мнѣ complimenty—скажи, пожалуй, какова я тебѣ кажуся въ этомъ платьѣ?

Совѣтникъ. Ты такъ просто и пріятно одѣта, такъ мила, любезна...

Совѣтница. И лучше обыкновеннаго?

Совѣтникъ. О, гораздо лучше въ глазахъ моихъ.

Совѣтница. Зачѣмъ же ты поминутно даришь меня то атласомъ, то тафтою и принуждаешь слѣдовать всякой новой модѣ?

Совѣтникъ. Ты выѣзжаешь.

Совѣтница. Но должна ли я выѣзжать?

Совѣтникъ. Для чего и ѣтъ?.. для своего удовольствія.

Совѣтница. Кто тебѣ сказывать, что мнѣ веселѣе въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ съ тобою? Это простое нелице,—о! я увѣрена, что оно пристало ко мнѣ больше, нежели все эти богатые праздничные уборы... Я надѣла его для тебя, единственно для тебя? (*Лукаво*). Повѣрь мнѣ, въ эти складки никогда не набьется пыль ревности.

Совѣтникъ. Ревности? Неужели ты думаешь?..

Совѣтница. Почему же не думать? Вѣтъ ты меня любишь?

Совѣтникъ. Но моя къ тебѣ довѣренность...
Совѣтница. Въ ней - то все и заключается, доброй Вильгельмъ!—ты по наружности показываешь неограниченную ко мнѣ довѣренность, а втайнѣ мучишь себя страшнымъ образомъ! Ну, не правду ли я сказала, что одной любви не довольно для счастья въ супружествѣ?

Совѣтникъ (*въ замѣшательствѣ*). Ты несправедливо обо мнѣ думаешь...
Совѣтница. Итъ! итъ! Я все знаю и не требую отъ тебя признанія. Тяжелую рану надобно лѣчить, но какъ можно легче до нее дотрагиваться. Я скажу только, что ты самъ насильно втащилъ меня въ большой свѣтъ—что ты самъ отворилъ входъ въ домъ нашъ негоднымъ и повѣсамъ. Ты боялся, чтобы молодая жена твоя не наскучила уединенною жизнью въ твоемъ домѣ? Это была ложная мнительность. Когда же я согласилась повиноваться твоей волѣ, то ты втайнѣ мучился странными мыслями—и въ то же время самъ ихъ стыдилъ... Это былъ ложный стыдъ. Мужъ и жена должны открывать другъ другу и самыя страшныя мысли свои. Съ твоей стороны было бы довольно одного мановенія! Можетъ быть, я стала бы падъ тобою смѣяться; но, безъ сомнѣнія, принесла бы твоему спокойствію такую малозначущую жертву. О, какъ часто разрушалось семейственное счастье отъ того единствен-

но, что не было довѣренности между супругами! Какъ часто пламя сталовилось присутственнымъ отъ того только, что супруги не погасили первой его искры!

Совѣтникъ (*обнимающъ ее*). Добрая, благородная Элиза, прости меня!..

Совѣтница. Я прощаю все, но съ условіемъ, чтобы съ сего времени ничего безъ меня не дѣлать. Ты будешь писать,—я буду сидѣть у твоего письменнаго столика съ своею работою; когда же ты отдѣлаешься, то мы будемъ всегда вмѣстѣ.

Совѣтникъ. Ты наградишь меня вмѣсто того, чтобы наказывать.

Совѣтница. Я выдумала и наказаніе: ты любишь жить въ городѣ, я люблю жить въ деревнѣ; вообрази же, во все три года мы только разъ были на своей дачѣ,—это не простительно, и въ наказаніе долженъ ты нынче пробытъ цѣлое лѣто со мною.

Совѣтникъ. Элиза, это много!

Совѣтница. Нельзя иначе, и, прошу не прогнѣваться, ты будешь тамъ кушать только то, что изготовитъ нашъ нашъ цѣмецъ, потому что французскаго нашего кухмистера я отпустила.

Совѣтникъ. Ты, я слышала, много переѣздила въ домъ?

Совѣтница. О, совсемъ другой штатъ!

Совѣтникъ. Зачѣмъ же такъ себя ограничивать?

Совѣтница. Для того, чтобы быть довольнѣе!.. Вильгельмъ! Вильгельмъ!.. Возможно ли это? Отъ посторонняго узнала то, что ты первой долженъ былъ сказать мнѣ—то, что вся наша жизнь, все наше пзобиліе куплены были насчетъ твоего спокойствія—что я расхищала имѣніе дѣтей твоихъ—и за что же платила похищеннымъ? За одну разнообразную скуку!

Совѣтникъ. Вѣрно, мой Эрахлахъ...

Совѣтница. Такъ—опъ! Благодарю Бога, посланнаго его сюда для моего избавленія—безъ него я была бы все еще въ ослѣпленіи, и проснулась бы, можетъ быть, поздно!.. Жестокій человѣкъ! И все—

пу этому былъ бы причиною—ты, твоя недовѣрчивость. Ты почиталъ женщинъ въ тѣхъ способныхъ находить достоинства въ такомъ человѣкѣ, которой является къ нимъ съ пустыми руками—и не такъ, какъ переидеіе невольники къ своему шаху... Учишь лучше знать насъ! Женщина гордится благороднымъ супругомъ своимъ, гордится болѣе, нежели пышностію и богатствомъ,—съ его почетомъ согласится она лучше идти въшккомъ, не будучи никѣмъ замѣчена, чѣмъ, лишившись любви его, вѣхать въ блестящемъ фаэтонѣ и обращать на себя вниманіе публики.

Совѣтникъ (*у ногъ ея*). Элиза!

Совѣтница (*улыбаясь*). Флаксландъ! въ первой разъ должна и тебѣ напоминать, что ты сорока лѣтъ! Стоять тебѣ на козлыяхъ не прилично.

Совѣтникъ. Я не зналъ тебя! Прости мнѣ!

Совѣтница (*поднимаетъ его и обнимаетъ*). Все кончено! Мы ѣдемъ въ деревню! не такъ ли? Въ нѣсколько лѣтъ поправимъ свое состояніе. О, какъ часто становится семейство бѣднымъ отъ того, что мужъ стыдится женѣ своей сказать о настоящемъ положеніи дѣлъ своихъ! Нынешній опытъ мой такъ увѣрилъ меня въ этой истинѣ, что я готова собрать всѣхъ отцовъ семейства и каждому изъ нихъ сказать съ пламеннымъ человѣколюбіемъ: «Довѣренность къ твоей супругѣ! Можетъ быть, ты стоишь на краю пропасти— довѣренность спасетъ тебя; побѣди ложной стыдъ—жена первой другъ твой; откройся передъ нею, и ты найдешь въ ней утѣшителя, совѣтника и помощника».

Совѣтникъ. Я стыжусь себя, Элиза,— что молодая двадцатипятилѣтняя женщина открываетъ мнѣ глаза—мнѣ, созрѣлому человѣку! Но этотъ стыдъ опять ложной—я навсегда выгнано его изъ груди своей! Съ сего времени сердце мое будетъ отвергнато предъ тобою, какъ предъ Богомъ,— всѣ тайныя чувства его будутъ извѣстны! Никогда ложной стыдъ не заставитъ меня молчать. Я признаюсь тебѣ

въ самыхъ своихъ слабостяхъ—все, все будетъ тебѣ открыто!

Совѣтница. Благодарю тебя, Боже! Надежда меня не обманула—онъ опять супругъ мой!

Совѣтникъ. Твой навѣки!.. Но, Элиза, ты не должна заключить себя навсегда въ деревню—я еще богатъ и могу...

Совѣтница. Заключить! Наслажденіе самимъ собою и натурою называетъ онъ заключеніемъ!

Совѣтникъ. Но ты не привыкла къ уединенію!

Совѣтница. Изъ любви къ своему мужу жена такъ же легко перемѣняетъ свой образъ жизни, какъ и моды: я сдѣлаю модѣ и надъ ней же послѣ насмѣхаюсь; такъ точно и съ городскою жизнью! Дай мнѣ прожить недѣли четыре въ деревнѣ, и городская жизнь покажется мнѣ столько же смѣшною, какъ и старая мода.

Совѣтникъ. Ну, если въ самомъ дѣлѣ...

Совѣтница. Вотъ рука моя! Семейственная жизнь будетъ нашимъ блаженствомъ...

Совѣтникъ. Мирное спокойствіе въ объятіяхъ любви...

Совѣтница. Въ объятіяхъ дружбы и патуры...

Совѣтникъ. Довѣренность чистая, неограниченная!..

Совѣтница. И мы будемъ счастливы!

Совѣтникъ (*обнимаетъ ее*). Вѣчно! Вѣчно!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Эрлахъ и пржеіне.

Эрлахъ (*съ сердцемъ*). Проклятой бѣсъ! Когда бы кто-нибудь сломила ему шею!

Совѣтникъ. Что съ тобою сдѣлалось, братецъ?

Эрлахъ. Гмъ!—Чортъ меня возьми! Я взбѣшенъ, какъ дуракъ—чуть-чуть не окрестилъ я его по узнавъ свою трестію.

Совѣтникъ. О комъ говоришь ты?

Эрлахъ. О дорогомъ виконтѣ Мальякѣ, моемъ почтеннѣйшемъ зятѣ.

Совѣтникъ. Какъ зятѣ?

Эрлахъ. Такъ!— Мошеникъ этотъ

имѣть честь быть братомъ моеѣ Эммы; и стыдится бѣдной своей матери. Теперь лишь разлетѣлся было онъ съ обыкновенными своими хваточками къ намъ въ садовые ворота—лишь только г-жа Моро его увидѣла, какъ вскричала громко: «Сынъ мой!» и такимъ голосомъ, отъ котораго бы самъ чортъ растаялъ!.. По вѣса остановился и, казалось, испугался, но безстыдство тотчасъ пожаловало къ нему на помощь.—«Madame ошибается, рeit être!»—проворчалъ онъ въ носъ. Мы всѣ удивились и всякой своимъ манеромъ растолковали ему все дѣло. Эмма назвала его братомъ, а я негодяемъ. Бѣдная мать стояла между тѣмъ съ трепещущими, поднятыми руками и, казалось, ждала только знака, чтобы прижать его къ сердцу...—«Я всегда хотѣлъ»—продолжалъ тотъ бездушный—«быть въ родствѣ съ фамиліей Флакеландъ, но, если для этого нѣтъ другаго средства»...—тутъ пожатъ онъ плечами, изогнулся какъ змѣя и захлопнулъ за собою дверь! «Эй, государь мой»—закричалъ я ему вслѣдъ—«изъ всѣхъ родовъ ложнаго стыда самой скверной твоей! Кто стыдится бѣдной своей матери, для того что боняе на-смѣшишь подобныхъ себѣ негодяевъ, тотъ мошенникъ, слышишь ли?»

Совѣтникъ. Бѣдная сестра моя! Гдѣ она?

Эрлахъ. Ее стараются тамъ утѣшить! Вотъ она! Посмотрите, какъ лицо матери скоро блѣднѣетъ отъ горести!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Г-жа Моро, Кугель, Вильгельмина, Эмма и прежніе.

Совѣтникъ. Милая Филиппина!

Г-жа Моро. Братецъ, прошу тебя, не говори объ немъ болѣе, не говорите никто объ немъ! Вы будете только упрекать его—а мать не можетъ его защитить противъ вашихъ упрековъ! Ахъ, уже до того дошло, что любовь матери должна умолкнуть! О, для чего онъ не умеръ въ колыбели! я бы могла сказать тебѣ: «Смерть лишила меня милаго сына!»

Эмма (*ласкаясь къ ней*). У васъ еще есть дѣти!

Г-жа Моро. Потерянное дитя всегда самое любезное!

Совѣтникъ. Итакъ пѣть въ жизни дитя совершенно испыхъ!

Г-жа Моро. Прости меня! Я не хочу роптать... Богъ столько радостей послалъ мнѣ пынче! Ахъ, что я была за нѣсколько часовъ передъ симъ! Обнимите меня, мои дѣти! (*Обнимаетъ Эрлаха и Эмму и прижимается къ послѣдней съ величайшею тѣнжностью*).

Эрлахъ. Вотъ рука моя, матушка!—я буду вашимъ сыномъ! забудьте негодяя!

Совѣтница. Что я вижу? Нашъ не-навѣтчикъ женщинъ обратился?

Вильгельмина. Скорое обращеніе не много обѣщаетъ!

Эрлахъ. Госпожа мудрость, извольте знать, что любовь изъ всѣхъ правилъ исключеніе.

Вильгельмина. Но вы столько разъ клялись вѣчною неавѣстію къ женщинамъ!

Кугель. Къ женщинамъ, а не къ аде-геламъ.

Эрлахъ. Вотъ славно, г. землякъ!

Вильгельмина (*къ Кугелю*). Государь мой, съ какой стати вы хвалите другихъ, а не меня! Гмъ! если вы таковы въ жепникахъ, то чего ждате отъ васъ, когда вы станете господномъ мужемъ! Уচিতесь у батюшки, онъ ужъ не ребенокъ и три года какъ женатъ, а глазъ не спускаетъ съ матушки.

Совѣтникъ. Старайся ей быть подобною! Она сдѣлала меня счастливейшимъ человекомъ! Радуйся, Эрлахъ—мы идемъ въ деревню!

Эрлахъ. Резонъ.

Совѣтница. Благодари ему!

Эрлахъ. Ть! Ни слова болѣе!

Совѣтникъ. Другъ не благодарить словами!

Эрлахъ. Веселитесь, дѣти! Теперь здѣсь цѣлой хоронвь счастливыхъ людей, заносимъ нѣбеню! (*Поетъ одиуъ*).

Радость кроткая, благая!
Радость, дщерь небесъ святая!

Эй, музыканты, играйте!

(Музыка за театромъ, всѣ подають другъ другу руки и, составивъ полукругъ, поютъ.)

Хоръ.

Кто нашелъ подь солнцемъ друга,
Съ кѣмъ любезная супруга
Дѣлать бремя жизни сей—
Тотъ приди къ намъ, въ кругъ друзей!
Радость кроткая, благая,
Радость, дщерь небесъ святая!
Съ чистой, пламенной душой
Мы въ чертогъ вступаемъ твой!..

(Занавѣсъ опускается и послѣдніе звуки слышны уже тогда, когда завѣсъ закрылась.)

КОНЕЦЪ.

1823.

ВАЛЕРІЯ ИЛИ СЛѢПАЯ.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.
[ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО].

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Каролина Блумфильдъ, молодая вдова,
Валерія, ея родственница.
Графъ Эрнестъ Розенталь.
Генрихъ Мильнеръ.
Германъ, старый слуга Каролины.

Дѣйствіе происходитъ въ маленькомъ нѣмецкомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната съ окнами и большою дверью въ садъ и съ двумя боковыми дверьми.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Каролина и Генрихъ.

Каролина. Вы здѣсь, Генрихъ! какимъ случаемъ? Я думала, что вы все утро заняты своею обязанностию?

Генрихъ. Ваша правда! по утрамъ я впрочемъ не имѣю свободнаго времени. Но теперь мнѣ необходимо надобно переговорить съ вами о важномъ дѣлѣ.—Вы цѣлой день бѣдите по визитамъ; ввечеру

у васъ гости—когда же удастся сказать вамъ слово?

Каролина. Но вчера весь день провали мы одни—то есть, почти одни! Съ нами была только Валерія! но она не посторонняя! къ тому же слѣпа! Что же вамъ помѣшало сказать мнѣ о своемъ важномъ дѣлѣ!

Генрихъ. Я не могъ! это такое дѣло... такое важное дѣло... мнѣ такъ трудно рѣшиться къ нему приступить...

Каролина. Понимаю! вы хотите сколько говорить о моемъ разстроенномъ состояніи! Ваша разсудительность, Генрихъ, мнѣ извѣстна; знаю вашу опытность; знаю, какъ нѣжно вы съ самаго малолѣтства ко мнѣ привязаны... И напередъ признаюсь, что ваши совѣты очень благоразумны... но знайте же, что я не намерена слушаться вашего благоразумія.

Генрихъ. Ошибаетесь, Каролина! Я ни о чемъ благоразумномъ говорить съ вами не думалъ!..

Каролина. Какъ же вы любезны! итакъ вы хотите открыть мнѣ тайну?..

Генрихъ. Отгадали!

Каролина. Но выслушайте напередъ меня! И у меня есть къ вашему услугамъ тайна! Вы мой другъ! Вамъ первому и должна я открыться! Итакъ, скажу вамъ, что я выхожу замужъ.

Генрихъ. Ахъ, Боже мой! давно ли вы на это рѣшились?..

Каролина. Нынче по утрамъ, если не ошибаюсь.

Генрихъ *(про себя)*. Сумасшедшій! я ошоздалъ. *(Вслухъ)*. При вашей тайнѣ мой нигуда не годится... Послѣ... дайте мнѣ время...

Каролина. Что съ вами сдѣлалось?

Генрихъ. Ничего... говорите... Забудьте обо мнѣ... станемъ думать объ васъ... о вашемъ счастіи.

Каролина. Вы знаете, что Блумфильдъ мой покойный мужъ, оставилъ мнѣ шесть тысячъ флориновъ доходу! Это было очень умно съ его стороны... но вотъ что глупо: объ этомъ наследствѣ началось у меня процессъ.

Генрихъ. Знаю! и такой процессъ, котораго вамъ нельзя выиграть, которой непременно васъ разоритъ.

Каролина. Вы это думаете?

Генрихъ. Увѣренъ въ этомъ.

Каролина. Вебъ говорятъ то же... а мнѣ бы легко было его выиграть. Старой совѣтникъ, тотъ несносной упрямецъ, который началъ со мною тяжбу, который непременно хотѣлъ на мнѣ жениться...

Генрихъ. Онъ, слава Богу, умеръ.

Каролина. Правда. Но подумайте же, какое непонятное упрямство! Его племянникъ—молодой графъ Розенталь—вы, я думаю, объ немъ слыхали?

Генрихъ. Очень мало.

Каролина. Этотъ племянникъ былъ младшій въ семьѣ своей. Онъ не могъ имѣть никакого соеюзанія... Теперь его вѣрно вспомнили... тотъ самый, которой за три года передъ этимъ вдругъ пропалъ безъ вѣсти.

Генрихъ. Правда ваша... я что-то подобно слышалъ.

Каролина. Подумайте же! У этого племянника, въ эти три года, умерло два родныхъ брата и нѣсколько двоюродныхъ. Теперь онъ богачъ, имѣетъ милліоны—да сверхъ того ему же досталось и все имѣніе моего упрянца совѣтника, который въ своей духовной требуетъ непременно, чтобы его наслѣдникъ на мнѣ женился для прекращенія нашего спора... Вѣроятно ли?.. Но это сказалъ мнѣ нынче поутру мой повѣренный — и вотъ объ чемъ я хотѣла посоветоваться съ вами. Рѣшите меня! что мнѣ дѣлать?

Генрихъ. На что вы у меня спрашиваете? Вы, кажется мнѣ, рѣшились.

Каролина. До нѣкоторой степени. Графа Розенталя очень хвалить. Но онъ, притомъ своихъ совершенствахъ, можетъ не имѣть именно тѣхъ качествъ, которыя бы сдѣлали мое счастье; я знаю свои недостатки: я слишкомъ жива, нетерпѣлива; бываю иногда и вѣтрена; мнѣ надобенъ мужъ постоянный, спокойнаго характера, яснаго и здраваго ума, — такой, напримѣръ... не смѣйтесь!.. какъ

вы! разумѣется, если бы вамъ это было угодно.

Генрихъ. Что вы говорите, Каролина!

Каролина. Впрочемъ, можетъ быть и то, что графъ Розенталь имѣетъ эти нужныя для счастья моего качества... можетъ быть, что и я соглашусь за него выдти; но знайте, что сдѣлаю это не для себя, а для тѣхъ, которые меня окружаютъ, которыхъ счастье мнѣ дорого... Подумайте объ одной Валеріи! Не имѣй я достатка — принуждена буду съ пою разстаться! Вудъ я богата — мы неразлучны! тогда мнѣ будетъ возможно окружить ее всеми попеченіями ибжной дружбы. Сѣбѣнота—состояніе ужасное! Она одна посреди свѣта, мертва для всехъ удовольствій жизни; мы вмѣстѣ и разню... Съ такою судьбою не лучше ли пе жить... Для меня, по крайней мѣрѣ, такая жизнь была бы нестерпима...

Генрихъ. Для васъ, согласенъ! но для Валеріи... Она потеряла зрѣніе во младенчествѣ! Можетъ ли сожалѣть о тѣхъ удовольствіяхъ, о которыхъ никакого понятія не имѣетъ?.. Повѣрьте...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Германъ.

Германъ. Вотъ письмо. Его принесетъ лакей въ богатой ливрѣ.

Каролина. Дай.

Германъ. Я учтиво проситъ его по дождать. Онъ весь облитъ золотомъ.

Каролина (*распечатавъ письмо*). Отъ графа Розенталя... Онъ въ двухъ миляхъ отсюда, — остановился на станціи... Просить позволенія со мною увидѣться... вѣрно хотеть говорить о духовной своего любезнаго дялюшки.—Письмо очень милое. Какъ вы думаете, Генрихъ? Что дѣлать?

Генрихъ. Я здѣсь ничего не могу думать. Вы, можетъ быть, на меня разсердитесь, если присовѣтую вамъ не принимать его.

Каролина. Но это было бы неучтиво... Въ нашихъ обстоятельствахъ... могу ли отказать...

Генрихъ. Не выдумывайте причинъ! Скажите просто—что вамъ этого самимъ хочется.

Каролина. Признаюсь! я любопытна, желаю его видѣть... Это же ни къ чему не обязываетъ... Германъ, поди, скажи Валеріи, что Генрихъ здѣсь... что онъ одинъ... (*Генриху*) Валерія побудетъ съ вами, а я пойду написать отвѣтъ. (*Уходитъ съ Германомъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Генрихъ одинъ.

Генрихъ. Я хорошо сдѣлалъ, что не открылся ей вчера... Это было бы для нее повымъ торжествомъ, а для меня униженіемъ... Она никогда не узнаетъ моей тайны! Какая легкость! какая вѣтренность! Для чего не имѣетъ она сердца Валеріи... (*Увидя Валерію*). Ахъ, Валерія! мой истинный, единственный другъ! помогите мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Генрихъ и **Валерія**, которую ведетъ

Германъ.

Валерія. Вы здѣсь, Генрихъ!

Генрихъ. Здѣсь! нетерпѣливо жду васъ.

Валерія. Германъ, поведи меня къ нему поскорѣе. (*Подаетъ Генриху руку*). Здравствуйте, милой Генрихъ! Я заставила васъ ждать! не вините меня! не могу ходить такъ скоро, какъ бы желала.

Германъ. Однако вы скоро ходите, особливо для меня. Кто бы могъ предсказать, что въ семьдесятъ лѣтъ достанется мнѣ быть проводникомъ такой милой, такой прекрасной дѣвушки!

Валерія (*весело*). Проводникомъ... какъ въ той французской оперѣ, которую читала мнѣ Каролина!—въ «Рихардъ»—ты мой Антоніо.

Германъ. Да... дряхлый Антоніо.

Валерія. Тѣмъ лучше... Старость твоя дастъ и мнѣ средство служить тебѣ... Ты меня водишь, а я тебя поддерживаю.

Германъ. Если бы вы хотѣли... то

могли бы ходить и одинъ... Что ни говорите, а я не теряю надежды.

Валерія. Мой добрый Германъ, ни слова объ этомъ, прошу тебя! Ты знаешь, что все здѣшніе некуренные доктора признаютъ это совершенно невозможнымъ.

Германъ. Здѣшніе доктора могутъ быть очень искусны здѣсь, и большіе невѣжды въ другомъ мѣстѣ. Напримеръ, во Франціи! Если бы вы знали, что тамъ случилось со мною. Послушайте...

Генрихъ. Валерія, мнѣ надобно говорить съ вами! отошлите его...

Валерія. Дайте ему рассказать свою исторію. Этотъ добрый старикъ любитъ рассказывать. Я бѣдна: не могу ничего ему дать.. Я его слушаю и тѣмъ плачу за его попеченія. Говори, Германъ.

Германъ. Я очень долго былъ слѣпъ, какъ вы. Прошлаго года господинъ Блумфильдъ взялъ меня съ собою въ Парижъ.

Генрихъ. Знаю.

Германъ. Тамъ весь свѣтъ прославлялъ одного глазнаго оператора, который искусствомъ своимъ дѣлалъ чудеса. Попробую счастья, подумалъ я, и велѣлъ себя отвести къ этому чудотворцу. Онъ жилъ въ богатыхъ палатахъ — въ прихожей его наняли мы толпу — я ждалъ цѣлые два часа по пустякамъ, точно какъ будто у какого министра...

Генрихъ. Говори скорѣе! Онъ тебя вылѣчилъ!

Германъ. Погодите! совсѣмъ не вылѣчилъ — даже не хотѣлъ на меня и посмотреть! Мнѣ печѣмъ было ему заплатить — съ горемъ пополамъ пошелъ я домой—но на лѣтницѣ остановилъ меня молодой человекъ—кто онъ, не знаю! можетъ быть, ученикъ господина доктора. Онъ сказалъ мнѣ: Ты вѣрно нѣмецъ? У тебя разговоръ нѣмецкій.

Валерія. Что же ты ему отвѣчалъ?

Германъ. Что отвѣчалъ!—ja mein Herr! коротко да ясно. — Откуда ты? — Изъ Швабии!—Знаешь ли Ольбрюкъ?—Я тамъ родился. — Какъ! родился въ Ольбрюкъ? Какое счастье!—Можете сами представить, какъ и мнѣ было пріятно найти въ

Парижѣ чловѣка, которой зналъ мою родину и любилъ ее.

Генрихъ. Однѣмъ словомъ, онъ тебѣ возвратилъ зрѣніе!

Германъ. И очень возвратилъ! Вы видите, что я теперь гляжу во все глаза! Какой прекрасной молодой чловѣкъ! какое искусство! И какъ же онъ терпѣливо меня слушалъ—не попукалъ меня! я могъ разсказать ему все до малѣйшей подробности.

Генрихъ (*улыбаясь*). Понимаю... Но этотъ прекрасный, молодой чловѣкъ... Скажи Германъ, сколько тебѣ это стоило?

Германъ. Сколько стоило—подлинно не помню, потому что послѣ операціи онъ вунулъ мнѣ въ руки 25 лудировъ, и пожелалъ мнѣ счастливаго путешествія.

Валерія. Возможно ли?

Генрихъ. Полно, правда ли, Германъ?..

Валерія. Благодарствую, другъ мой! Исторія твоя очень любопытна! Но по несчастію мы не въ Парижѣ! У насъ подобныхъ чудесъ не дѣлають.

Германъ. Не думаете ли, что я васъ обманываю?

Валерія. Нѣтъ, мой милый Германъ!.. Теперь поди! я болѣе не имѣю въ тебѣ нужды.

Германъ. Простите, сударыня! мнѣ и самому здѣсь оставаться нельзя! Велѣно все приготовить къ прїѣзду этого графа, которой женится на нашей барынѣ! Едва ли достанетъ у меня времени.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Валерія и Генрихъ.

Генрихъ. Наконецъ ушелъ!

Валерія. Говорите, Генрихъ, чего вы отъ меня требуете?

Генрихъ. Вы слышали—ждуть графа Розенгала! Онъ знатный чловѣкъ, милліонщикъ... а у меня ничего нѣтъ; живу однимъ жалованьемъ.

Валерія. Что жъ нужды!

Генрихъ. Какъ что нужды?.. Онъ ѣдетъ сюда затѣмъ, чтобы жениться на Каролинѣ! Онъ вѣрно ей понравится... а я

люблю ее... люблю до безумія... И ни одна душа еще не знаетъ моей тайны.

Валерія. Милый Генрихъ, а я давно ее знаю!

Генрихъ. Возможно ли?

Валерія. Да, мой другъ. Уже нѣсколько дней, какъ я замѣтила, что вы печальны... молчаливы... ни на что не обращаете вниманія... Тогда я подумала... тогда я вспомнила... (*Задумывается*).

Генрихъ. Если такъ, Валерія, то скажите, найдется ли на свѣтѣ чловѣкъ несчастіе меня?.. Каролина и не подозреваетъ любви моей!.. Когда бы она объ ней знала, то я имѣлъ бы право оспаривать ея сердце; и прїѣздъ этого графа былъ бы для меня счастьемъ. Но теперь? Могу ли его вызвать? Имѣю ли на это право? Итакъ, я долженъ быть просто свидѣтелемъ его счастья! Долженъ съ покорностію смогрѣть, какъ се у меня отымутъ. Нѣтъ... я рѣшился бѣжать отсюда... забыть ее, вырвать изъ сердца любовь мою!

Валерія. Бѣжать!.. Повѣрьте мнѣ, другъ мой, что это ни къ чему не послужитъ... Разлука не поможетъ! Вы ее забудете ее, а только себя едѣваете несчастіе прежняго.

Генрихъ. Валерія! вы говорите о страданіяхъ любви, какъ будто сами ихъ испытали. Скажите, неужели кто-нибудь, милый вамъ, далеко отъ васъ?

Валерія (*съ чувствомъ*). На что говорить объ этомъ... Дѣло объ васъ.

Генрихъ. Но вы въ замѣшательствѣ... Ваше волненіе... Конечно, слова мои разбудили въ васъ грустное воспоминаніе... Такъ! у васъ есть горе и вы бонтеся его мнѣ вѣрить! Для чего же? Неужели одна Каролина имѣетъ право на нашу довѣренность?

Валерія. Каролина не знаетъ ни о чемъ! Она не могла угадать вашего страданія—какъ же понять ей мое?

Генрихъ. Но я... Валерія, повѣрьте, что я достоинъ принимать въ немъ участіе. И знайте, что одна только эта надежда можетъ теперь удержатъ меня

здѣсь! Буду сію же минуту, если вы мнѣ откажете въ своей дружбѣ, въ своей добренности! Говорите!

Валерія. Вы хотите ѣхать!.. И такъ мнѣ надобно будетъ потерять своего единственнаго друга... Вы уйдете, если не скажу вамъ моей тайны! Но чего вы отъ меня требуете? Жизнь моя такъ ничтожна!.. Не зная ни о чемъ происходящемъ вокругъ меня, могу разсказывать только о томъ, что чувствую во глубинѣ сердца! Исторія моей жизни есть исторія моей души!.. Ее ли вы знать желаете?

Генрихъ. Говорите, прошу васъ.

Валерія. Слушайте. Будучи съ младенчества сиротою, я сохранила какое-то смутное, странное воспоминаніе о прежнемъ времени... Мнѣ кажется, что я когда-то жила въ другомъ свѣтѣ. Знаю только, что прежде было пасъ много и что вдругъ я стала одна... Съ тѣхъ поръ не имѣла я ничего подобнаго этому первому воспоминанію. Я воспитывалась въ Ольбрюкѣ, въ замкѣ графини Ринсбергъ, съ Эмиліею, ея дочерью—мы были однихъ лѣтъ. «Вѣдное дитя! какая жалость!»— вотъ первыя слова, которыя поразили меня! Они заставили меня подумать, что участь моя должна быть несчастна! До этой минуты я ничего не требовала, ничего не желала!.. Я не размышляла! Однажды—памъ исполнилось, я думаю, шестнадцать лѣтъ— на публичномъ праздникѣ, который данъ былъ въ Ольбрюкѣ, и я и Эмилія—какъ это случилось, не знаю, никого изъ нашихъ не было съ нами—зашли въ толпу молодыхъ людей, которые вздумали смѣяться надъ нами и позволили себѣ обидныя съ нами вольности. Эмилія упала въ обморокъ; я умирала отъ страху, не понимая, что съ нами дѣлается. Вдругъ одинъ молодой человѣкъ бросается къ намъ на помощь. О! какъ тронулъ мою душу его ободряющій голосъ. Какъ этотъ голосъ показался мнѣ сильнымъ и грознымъ, когда онъ потребовалъ, чтобъ оскорбители наши удалились. Я услышала, что спорили, бранились... Наконецъ вызовъ... все утихло...

Одинъ какой-то странный, незнакомый мнѣ звукъ доходилъ до моего слуха... Тайный голосъ сказалъ мнѣ, что нашъ защитникъ въ опасности... Я бросилась къ нему... протянула руки... и въ эту минуту почувствовала пронзительную боль и холодъ, и потомъ совсѣмъ потеряла чувство.

Генрихъ. Боже мой! вы были ранены!

Валерія. Опасно ранена, какъ мнѣ сказали послѣ!.. Ахъ! онъ самъ невольнымъ образомъ... Но вообразите же, какое счастье! Это остановило одиноку, и, можетъ быть, спасло его дни!.. Случится нѣсколько недѣль—когда мнѣ возвратили жизнь... Эрнестъ (*оборотясь къ Генриху*)—его зовутъ Эрнестомъ—переселился въ нашъ замокъ; онъ училъ графиню Эмилію по-италиански и по-французски!—И я училась вмѣстѣ съ нею. Ахъ! съ какимъ чувствомъ говорилъ онъ намъ о изящныхъ искусствахъ, о любви къ наукамъ. Его животворные разговоры, его блестящее воображеніе открыли передо мною новый свѣтъ... Тогда я начала жить! Всѣ неизвѣстные предметы, которые онъ мнѣ описывалъ, одушевились въ моихъ мысляхъ... Такъ прекрасное небо, свѣтлые ручьи, цвѣтущіе луга, о которыхъ онъ говорилъ—я ихъ видѣла! Они были передъ глазами моими, когда онъ былъ со мною...

Генрихъ. Но гдѣ же онъ? Что съ нимъ сдѣлалось?

Валерія. Тому уже три года... Онъ былъ моимъ наставникомъ, былъ моимъ другомъ! Его разговоры обогащали мой умъ, возвышали, творили мою душу; а дружба его радовала мое сердце и берегла меня съ заботливостію неизъяснимою. О! какъ я къ нему привыкла! Я узнавала его походку, угадывала его движенія... чувствовала его присутствіе, когда онъ былъ въ одной со мною горницѣ и молчалъ. И конечно, моя привязанность къ нему пенукала ихъ: графиня Ринсбергъ и Эмилія сдѣлались со мною неразлучны. Мы не имѣли свободы сказать другъ другу слова. Но каждое утро давалъ онъ

миѣ свѣжій букетъ цвѣтовъ—я носила его на груди цѣлой день, а ввечеру возвращала Эрнесту... Это было единственнымъ нашимъ разговоромъ. Однажды онъ миѣ сказалъ: «Валерія! миѣ должно оставить замокъ. Честь принуждаетъ меня къ тому! Но я возвращусь! Я твой навѣки!» Тогда показалось миѣ, что жизнь для меня кончилась. Съ отчаяніемъ почувствовала я ту вѣчную почву, которая меня окружала! Онъ удалился... Онъ не оставилъ миѣ ничего... ничего! даже своего образа!

Генрихъ. Бѣдная Валерія!

Валерія. Напрасно бродила я по тѣмъ аллеямъ, по которымъ такъ часто ходили мы вмѣстѣ... Все исчезло! Я ничего уже не видала. Въ это время пріѣхала въ замокъ Ринсбергъ Каролина. Мы подружились. Она взяла меня съ собою. Но что же? Я думала пайдти въ этихъ мѣстахъ покой—и перенесла въ нихъ все свои воспоминанія, всю свою тоску... О милый другъ, на свѣтѣ одно несчастіе—разлука!

Генрихъ. Но развѣ онъ не писалъ къ вамъ ни разу!

Валерія. Къ чему же? Я не могла бы читать его письма!.. Но послушайте... кажется, идутъ.

Генрихъ. Боже мой! неужели Каролина?

Валерія. Вы дрожите... Ободритесь! Вотъ минута... Откройте ей свое сердце.

Генрихъ. Нѣтъ... Не могу!

Валерія. Бѣдный Генрихъ!.. Хорошо же, я буду говорить за васъ!.. Я найду способъ удалить этого графа Розенталя... Онъ миѣ противенъ, хотя я и не знаю его.

Генрихъ. Добрая Валерія!

Валерія. Но вы останетесь, Генрихъ.

Генрихъ. Останусь, милая, останусь!

Валерія. Не смѣшно ли? Здѣсь начнется интрига, и я главное дѣйствующее въ ней лицо!.. Каролина идетъ! Оставьте насъ! (*Генрихъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Валерія и Каролина.

Каролина (*говоритъ, оборотясь къ двери*). Надобно въ залѣ разставить цвѣты, а дворъ поскорѣе очистить—онъ такъ малъ, такъ заставленъ, что никакая карета не можетъ въ немъ повернуться.

Валерія. Ты ждешь гостей, Каролина?

Каролина. Да, этого графа, съ которымъ у меня тяжба.

Валерія. Чего онъ хочетъ?

Каролина. Вѣроятно, мириться!.. Чтъ будетъ, не знаю! Все права на его сторону... но я прекрасна...

Валерія. Прекрасна!.. Изъясни миѣ, Каролина, что значитъ быть прекрасною?

Каролина. Быть прекрасною, значить... нравиться!

Валерія. Скажи же миѣ, прекрасна ли я?

Каролина. Обыкновенно женщины на такой вопросъ искренно не отвѣчаютъ; но съ тобою дѣло другое: ты прекрасна, Валерія!

Валерія (*съ удовольствіемъ*). Тѣмъ лучше!.. Не знаю почему, но это меня очень радуетъ. Продолжай, Каролина.

Каролина. Дѣло идетъ о замужествѣ... Я почти согласна! Признаюсь, Валерія, имѣю слабость къ богатству—можетъ быть, это отъ того, что весь свѣтъ его бранить, и что мое великодушіе заставляетъ меня всегда быть на сторонѣ утѣвленныхъ... Словомъ, люблю его... Миѣ пріятно имѣть завистниковъ! И не могу терпѣть сожалѣнія. Когда говорить съ достойнымъ участіемъ: «Бѣдный госпожа Влумфильдъ! не имѣетъ защитника! не имѣетъ состоянія! какая жалость!»—я сержусь, а когда подумаю, что у меня могутъ быть милліоны... то готова съ досады на все!

Валерія. И для этой смѣшной причины ты хочешь продать свое счастье?

Каролина. Нѣтъ—хочу только обезпечить твое! Мой другъ, если я выйду за графа Розенталя, то насъ ужъ ничто не разлучитъ! Мы будемъ жить другъ для

друга! Итакъ понимаешь, что я во всякомъ случаѣ буду истинно счастлива!

Валерія. Милая Каролина! какъ я тебѣ благодарна!.. Но ты ошибаешься! Мы не будемъ вмѣстѣ, напротивъ, мы разстанемся непременно, если ты выйдешь замужъ за графа Розенталя!

Каролина. Что это значить?

Валерія. Если бы я взяла па себя защищать друга... милаго, добраго друга, которой истинно тебя любить... то могла бы согласиться быть первою причиною его несчастія?

Каролина. Ахъ! Боже мой!.. Кто же этотъ несчастный, за котораго ты такъ заступаешься? погоди! знаю: полковникъ Зальдорфъ?

Валерія. Совѣмъ нѣтъ!

Каролина. Совѣтникъ Кельманъ?

Валерія. Нимало... Неужели отъ меня первой должна ты узнать объ этомъ?

Каролина. Дай подумать... Ко мнѣ такъ много бѣдить.

Валерія. Итакъ, слѣпота въ иныхъ случаяхъ весьма выгодна! Я тотчасъ угадала, кто изъ нихъ истинно тебя любить. Это—Георихъ Мильнеръ! доброй, милой Георихъ Мильнеръ.

Каролина. Ахъ, бѣдный! А я именно ему обо всемъ сказала, именно у него просила совѣта! Я всегда имѣла къ нему большую довѣренность.

Валерія. На эту минуту могла бы ты и не имѣть ее.

Каролина. Но какъ же догадаться, что онъ меня любитъ? Онъ никогда не говорилъ мнѣ о любви ни слова, никогда мнѣ не льстилъ, вѣчно со мною бранился!.. Онъ казался болѣе угрюмымъ и застѣнчивымъ, нежели другомъ...

Валерія. Такъ... наставникъ... путешатель... другъ! О! я бы немедленно приняла его! Каролина! это единственный человѣкъ, котораго тебѣ позволено любить, которому ты можешь принадлежать... Только съ нимъ и съ тобою могу найти и я свое спокойствіе, свое возможное счастье! На что мнѣ изобиліе?.. Въ какомъ богатствѣ могу имѣть пужду! Для

меня все излишество... все, кромѣ твоей, кромѣ себя дружбы! Мнѣ пужно имѣть около себя счастливыхъ, которые и меня допустили бы къ своему счастью! Такой раздѣлъ никому не въ убытокъ!—и если бы ты знала, какъ онъ тебя любитъ! Если бъ была свидѣтельницею его печали, его отчаянія...

Каролина. Какъ! Возможно ли?

Валерія. Да! Возможно ли, что ты ничего не замѣчаешь?.. Я... я не могла его видѣть (*беретъ ее за руку*). Но я понимала его—когда онъ молчалъ; я чувствовала, какъ рука его трепетала въ моей!.. Боже мой! такъ же точно, какъ твоя въ эту минуту... Ты тронута... ты въ волненіи... О! какъ же я хорошо сдѣлала, что ободрила его... что все ему за тебя обѣщала. Каролина! ты его любишь... Ты согласна на все... Побѣгу сказать ему о его счастьи!..

Каролина. погоди минуту!.. (*Въ сторону*). Съ нею нѣтъ никакого средства! При малѣйшей неосторожности—все угадаетъ! (*Вслухъ*). Признаюсь! Любовь его меня трогаетъ... Можетъ быть, и въ моемъ сердцѣ открывастъ она мнѣ такое чувство, какова и въ немъ не подозрѣвала!.. Со временемъ...

Валерія. Нѣтъ! теперь, теперь!.. Я не могу на это согласиться... Ты должна полюбить его сію же минуту.

Каролина. Валерія! ты смѣшна съ своимъ нетерпѣніемъ!.. Если бъ я и полюбила его, то, конечно бы, въ томъ не призналась... Къ тому же... (*Останавливается*). Что это за шумъ?

Валерія (*слушая*). Карета, я думаю, вѣхала на дворъ.

Каролина (*бѣжитъ къ окну*). И какая прекрасная! Какія лошади! Какая ливрея! Боже мой, да это—ландо!

Валерія. Ландо?

Каролина (*глядитъ въ окно*). Да! Какъ мнѣ жаль, что ты не можешь видѣть.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Германъ.

Германъ. Графъ Розенталь пріѣхалъ.

Валерія. Графъ Розенталь! Миѣ бы надобно было догадаться.

Каролина. Ахъ, Боже мой!.. Я не ждала его такъ скоро! Заговорившій съ тобою, я совѣтъ позабыла, что онъ долженъ ко миѣ быть. Такъ принять его не могу. Миѣ надобно припарядиться.

Валерія. Но если ты перемѣнила мысли...

Каролина. Все равно. Нѣтъ никакой пужды пугать его собою. Ты примешь его здѣсь, не правда ли?

Валерія. Нѣтъ!.. Я не желаю съ нимъ встрѣтиться.

Каролина. Введи его въ маленькую гостиную, Германъ. Выду тотчасъ. Нѣтъ ничего досаднѣе неожиданнаго визита. *(Уходитъ)*.

Валерія. Германъ... здѣсь ли ты? Проводи меня въ мою горницу... О несчастной ландо! все дѣло перорталь!

(Идетъ, отираясь на Германа, который, проводивъ ее до дверей ея горницы, выходитъ въ другія двери).

конецъ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Графъ Розенталь и Каролина.

Каролина. Извините меня, графъ! Вы принуждены были дожидаться!..

Графъ. Миѣ должно просить у васъ извиненія! Я въ дорожномъ платьѣ!.. Но я скакалъ всю ночь... Сибнилъ безъ памяти.

Каролина. И вѣрно ужасно устали?

Графъ. Съ пачала, правда!.. но, прибиваясь, совершенно забыть объ усталости!.. Сторона прекрасная!.. Дорога удивительная!

Каролина. Что вы говорите? Дорога негодная!.. Рвы, пропасти!.. Каждый день случается какое-нибудь несчастіе.

Графъ. Неужели? Вы пугаете меня!.. Пожелайте же миѣ счастливо доѣхать! Черезъ минутъ я долженъ васъ оставить.

Каролина. Какъ! вы убѣждаете, графъ?

Графъ. Обязанъ уѣхать. Дѣла, кото-

рыхъ отложить невозможно!.. Миѣ еще нынче ввечеру надобно поспѣть въ Ольбрюкъ, — и я прошу у васъ позволенія не откладывая переговорить съ вами объ той духовной!..

Каролина. Нѣтъ, графъ! Никакъ не позволю! Кто вѣхаль день и ночь по такимъ дорогамъ, тому нуженъ покой. Вы здѣсь останетесь. Я сейчасъ прикажу приготовить для васъ комнату.

Графъ *(удерживая ее)*. Но я уже имѣлъ честь предупредить васъ!..

Каролина. Я очень васъ поняла!.. Но извините, считаю ваше намѣреніе безразсуднымъ. Завтра побѣдете вы въ Ольбрюкъ, а нынче отобѣдаете съ нами. Въ противномъ случаѣ не услышите отъ меня ни слова о нашемъ дѣлѣ; пришло къ вамъ моего повѣрнаго; тогда по неволѣ останетесь до завтрашняго утра — онъ странной болтунъ и никогда не умѣлъ копчить процесса.

Графъ. Признаюсь, это пугаетъ меня гораздо болѣе, нежели тѣ рвы и пропасти, о которыхъ вы миѣ говорили!.. Я желаю бы отъ васъ самыхъ лучшій разрѣшеніе; вы одні должны быть моимъ судьей. Прошу васъ меня выслушать: въ двѣ минуты кончу. Вы знаете, что я обязанъ!..

Каролина. Выбрать одно изъ двухъ: или имѣть со мною процессъ или на миѣ жениться!.. Но я уже сказала вамъ, что отвѣчать нынче ни на что не буду. Что же касается до собственнаго вашего намѣренія, графъ, то можете изъяснить его миѣ самымъ легкимъ образомъ: если согласитесь у меня остаться, то это будетъ приступомъ къ миру; если же, не смотря ни на что, уѣдете въ свой Ольбрюкъ, то я приму это за объявленіе войны и приготовлюсь къ оборонѣ.

(Кланяется ему и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Графъ *(однѣ)*. Ущаманъ очень пріятный; но онъ приводитъ меня въ большое затрудненіе. Госпожа Блумфильдъ любезная женщина и я не хотѣлъ бы, какъ

она говоритъ, первый начинать войну. Однако, здѣсь не останусь!.. Въ Ольбрюк! въ Ольбрюк! Чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ сильнѣе возненіе души, тѣмъ мучительнѣе негерпѣніе!.. Такъ и быть! Объявимъ войну! (*Кличетъ*). Кто тутъ?.. Завтра или послѣ завтра возвращусь и мы подпишемъ миръ... Есть ли здѣсь ктонибудь?

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Графъ и Германъ.

Германъ. Иду... иду. Эти большіе господа не умѣютъ потерпѣть... Но женихъ, право, хоть куда! (*Вслухъ*). Горница для вашего сѣятельства готова.

Графъ. Не надобио! Я ѣду сейчасъ! Скажи людямъ моимъ, чтобъ были готовы.

Германъ. Вотъ хорошо! А я такъ хлопоталъ... (*Вслухъ*). Прикажете подавать карету?

Графъ. Да! Скорѣе.

Германъ. Пріѣздъ знатнаго господина— великая тревога. Теперь у насъ на дворѣ толпа нищихъ—сплозлись отовсюду, какъ муравьи.

Графъ (*съ нетерпѣніемъ*). Отослать ихъ!

Германъ. Это легче выговорить, нежели сдѣлать... Тамъ, напряміръ, есть одинъ слѣпой, который шумитъ болѣе десяти зрячихъ.

Графъ (*съ живостію*). Слѣпой, говоришь ты? Вотъ, отдай ему мой кошелекъ!

Германъ (*смотря съ удивленіемъ на кошелекъ*). Что это значитъ? (*Подходитъ и всматривается въ графа*). Ахъ! Воже мой!.. Какое сходство!.. Если бы ваше сѣятельство не были графы... то я бы сказалъ, что вы тотъ молодой человѣкъ, которой прошло года... въ Парижѣ... у доктора Форцапо...

Графъ (*съ важностію*). Что такое?

Германъ. Извините, ваше сѣятельство!.. Я, конечно, ошибаюсь... Миѣ такъ показалось съ перваго взгляда!.. Но теперь вижу разницу... Эта богатая карета... Эти

огромные лакеи... Ваше сѣятельство гораздо лучше! (*Въ сторону*). Видь благороднѣе...

Графъ. Да что ты такое говоришь?

Германъ. Ничего, ваше сѣятельство... Миѣ показалось, что вы похожи лицомъ... (*Всматриваясь въ него*). И подлинно! Какъ двѣ капли воды!.. (*Вслухъ*). Похожи лицомъ на одного молодого человека, съ которымъ я встрѣтился въ Парижѣ, которой разспрашивалъ меня о моей родинѣ, Ольбрюкѣ...

Графъ. А ты изъ Ольбрюка? Знаешь замокъ Ринсбергъ?

Германъ. Какъ не знать!.. Четыре башни...

Графъ. Нѣтъ! Я говорю о тѣхъ, которые живутъ въ замкѣ—знаешь ли графиню Ринсбергъ, Эмилию, дочь ея?.. Можешь ли чтонибудь сказать миѣ объ той молодой дѣвушкѣ, которая у нихъ воспитывалась, о Валеріи?

Германъ. Валерія здѣсь... У госпожи Блумфильдъ... Онѣ большія друзья...

Графъ (*съ живостію*). Здѣсь?.. (*Удерживаясь*). Послушай, мой другъ! Я остаюсь у васъ... Скажи госпожѣ Блумфильдъ, что принимаю съ благодарностію ея приглашеніе... Намъ надобио переговорить съ нею о многомъ. Но прежде всего... Послушай... Есть ли въ этомъ мѣстѣ какойнибудь нотаріусъ?

Германъ. Есть! Одинъ... для трехъ деревень! Иногда, если понадобится написать въ то же время и свадебный контрактъ и духовную...

Графъ. Отыщи поскорѣе этого человека и прямо веди его ко миѣ! Но смотри же, чтобы его никто не выдалъ!.. И ты самъ никому ни слова!

Германъ. Понимаю! На этотъ разъ дѣло не о духовной... (*Посматривая на кошелекъ*). Ну! если ваше сѣятельство такъ любите слѣпыхъ, то я отдамъ это моему бывшему сослуживцу (*въ сторону*), выдѣливъ немного и другимъ—виноваты ли они, что не имѣютъ одинакихъ съ нимъ преимуществъ...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Графъ (одинъ). Боже! Какое нежданное счастье!.. (Глядитъ пальцо). Но кто-то идетъ!.. Это она!.. Это Валерія!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Графъ и Валерія.

Валерія (въ дверяхъ своей горницы). Германъ! Германъ!.. Я хотѣла бы знать, ѣхалъ ли этотъ графъ?.. Германъ хотѣлъ придти за мною!.. А я!.. когда обо мнѣ позабудутъ... (Услышавъ движеніе графа). Ты здѣсь!.. Подожди!.. дай мнѣ руку... (Графъ приближается и беретъ ее за руку). Но это не Германова рука!.. (Съ волненіемъ). О, Боже!.. Возможно ли?.. (Кладетъ руку на сердце). Опять то же, что я чувствовала въ прежнее время... (Графу). Ахъ, кто ты?.. Если ты не онъ, то не отвѣчай! Оставь мнѣ мое заблужденіе!.. Ты ли, Эрнестъ?

Графъ. Валерія!

Валерія. Боже!.. Онъ не забылъ меня!

Графъ. Такъ, я Эрнестъ! Все прежній! Все вѣрный тебѣ!.. Все тотъ же, который съ тобою разстался, который обѣщавъ быть вѣчно твоимъ!.. Я здѣсь! А ты, Валерія, согласишься ли возвратить мнѣ мои права?.. Позволишь ли мнѣ попрежнему быть твоимъ проводникомъ, твоимъ другомъ!.. Хочешь ли этого, Валерія?

Валерія (продолжая слушать). Говори! говори! не умолкай, мой другъ! Мнѣ такъ необходимо тебя слышать! Такъ давно твой голосъ не доходилъ до моего сердца!..

Графъ. Я ѣхалъ за тобой въ Ольбрюкъ, въ замокъ Риннебергъ, туда, гдѣ столько для меня воспоминаній!..

Валерія. Гдѣ былъ ты? Что было съ тобой? Какъ много, много тебѣ рассказывать! Открой мнѣ все — твои печали, твои опасности, — все твое должно быть и моимъ.

Графъ. А ты, Валерія, что дѣлала въ эти три года?

Валерія. Я ждала. О, Эрнестъ! Когда бы ты зналъ, какъ медленно, медленно проходили для меня минуты!.. Тебѣ, по

крайней мѣрѣ, было можно считать ихъ!.. Но я?.. То, что вы называете днями, недѣлями, мѣсяцами — для меня не существуетъ!.. Съ минуты, въ которую мы разстались, была для меня одна ночь! Какая длинная ночь!.. Но не будемъ говорить объ этомъ! Мнѣ кажется, что эта ночь миновалась, что я проснулась!.. Ты здѣсь!

Графъ. Опять съ тобою и навсегда!

Валерія. И ты для меня ѣхалъ въ Ольбрюкъ?

Графъ. Единственно для тебя! Теперь могу предложить тебѣ руку! Ты должна быть моею женою.

Валерія. Что ты говоришь?.. Мнѣ, Эрнестъ, быть твоею женою?..

Графъ. Я свободно могу располагать своею участію! Какова бы она ни была, Валерія, согласишься ли се раздѣлить со мною?

Валерія. Мой другъ! Когда бы я послушалась только своего сердца, то, можетъ быть, и имѣла бы довольно эгоизма, чтобы согласиться на твое требованіе; но и мнѣ, въ свою очередь, пора подумать о твоемъ счастьи. (Ищетъ его руку). Эрнестъ!.. гдѣ ты? Послушай!.. Въ то время, когда ты покинулъ меня!.. я еще не знакома была съ понятіями свѣта, совершенно для меня чуждаго!.. Но съ тѣхъ поръ я слышала такъ много!.. а то, что я слышала, заставило меня подумать о тебѣ, о себѣ!.. Нѣтъ! въ моемъ положеніи никогда не согласусь соединить своей участи съ твоей!

Графъ. Валерія!

Валерія. Не стыжусь своей бѣдности; твое великодушіе легко бы мнѣ ее простило!.. Но могу ли принести тебѣ свое бѣдствіе въ приданое? Могу ли осудить тебя — тебя, которой дороже мнѣ всего въ жизни — на тяжкія безпрестанныя попеченія!.. которыя — знаю — тебѣ не стоили бы ничего, но дорого бы стоили той, которая была бы ихъ предметомъ!.. Такъ, Эрнестъ — продолжай быть моимъ путеводителемъ, моимъ другомъ, не покидай меня — этого я не переживу — но пускай

будеть другая твоею женою, твоимъ товарищемъ... На это у меня достанетъ силъ! Буду знать о твоёмъ счастьи, но видѣть его не буду.

Графъ. Ахъ, Валерія! такъ ли меня любишь! Какъ можешь мнѣ это говорить?

Валерія. Но, безразсудный человѣкъ! потому-то и говорю тебѣ, что любить умѣю... Эрнестъ! не хочу тебя огорчать—но вѣрь мнѣ, милый! мы бы не могли быть счастливы вмѣстѣ! Не все было бы для насъ общимъ; ты имѣлъ бы удовольствія, которыя я не могла бы дѣлать съ тобою... И подумайте, сударь, что если бы я стала ревновать!.. А это, я чувствую, весьма возможно! Что же тогда? Я умерла бы съ печали. Итакъ, мой милый, теперь для тебя ясно, что мнѣ, для общаго нашего счастья, надобно быть только твоимъ другомъ, твоею сестрою.

Графъ. И ты рѣшилась на это?

Валерія. Рѣшилась... и такъ же твердо, какъ рѣшилась вѣчно тебя любить.

Графъ. Но если бы какъ-нибудь случася ты возвратила зрѣніе?

Валерія (*улыбаясь*). Ты знаешь самъ, что это невозможно.

Графъ. Но для чего же не сдѣлать опыта?..

Валерія. Думаю, что не соглашусь на это.

Графъ. Отъ чего?

Валерія. Отъ того, мой другъ, что боюсь надежды... Она возбудила бы во мнѣ мысли, желанія... и она сдѣлала бы жизнь для меня несносною, когда бы не исполнилась. Напротивъ, съ моею теперешнею участію—я спокойна... Ничего не жду и не желаю... Я счастлива... по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыхъ минутъ.

Графъ (*смотря на нее*). О! ты была бы вдвое счастлива, когда бы, подобно мнѣ, могла видѣть, что любишь.

Валерія. Не жалѣй обо мнѣ... мой другъ—я тебя вижу!

Графъ. Что ты говоришь, Валерія?

Валерія. Такъ! черты твои здѣсь... Мое изображеніе ихъ знаетъ, и я увѣрена, что оно не обманываетъ меня.

Графъ. Какъ? Ты думаешь, что узнала бы меня, когда бы возвратила зрѣніе?

Валерія. Въ минуту бы узнала!.. Но подумай же, сколько преимуществъ имѣю передъ тобою. Я слыхала отъ тебя о старости, о разрушительномъ дѣйствиіи лѣтъ... Все это для меня не существуетъ! Ничто въ тебѣ не перемѣнится; не увижу, какъ будешь увядать... Лицо твое, какъ моя дружба... оно не состарѣется никогда!

Графъ. Но чудеса творенія, о которыхъ ты не знаешь... блестящая, утѣшительная красота неба... величественная природа, изъ которой ты какъ будто исключена... Счастіе читать свою душу въ глаза своего друга—когда онъ съ тобою—утѣшеніе писать къ нему, когда онъ далеко... Переписка услаждаетъ разлуку.

Валерія. О Боже! Вотъ то, чего я такъ боялась!.. На что обольщать меня напрасну? На что говорить мнѣ о такомъ счастьи, котораго вѣчно имѣть не буду?

Графъ. Но это счастье возможно... Что, если бы оно зависѣло только отъ тебя, отъ твоей твердости?

Валерія. Отъ меня! Говори... Готова жертвовать жизнію,—чтобъ сдѣлаться достойною раздѣлять твою.

Графъ. Слушай. У меня есть другъ... Онъ столько же твой другъ, какъ и мой... Есть ли Провидѣніе благословить мою надежду, то этотъ другъ возвратитъ тебѣ зрѣніе. Валерія, согласишься повѣрить себя его попеченіямъ! Нынче же ввечеру... Боже мой! ты въ нерѣшимости!

Валерія. О! при одной мысли объ этомъ прихожу въ трепетъ. Подумай, Эрнестъ, о томъ, что я тебѣ сказала. Намѣреніе мое твердо! Если твой опытъ не удался, то я никогда не буду твоею.

Графъ. Не договаривай, Валерія! Не ужасай меня такою мыслию! Скажи безъ условія, что ты согласна.

Валерія. Мой другъ, скалься надо мною! Дай мнѣ собраться съ мыслями... Нынче ввечеру буду отвѣчать тебѣ.

Графъ. Согласна... Нынче ввечеру! Валерія, помнишь ли замокъ Ринсберга?

Отдашь ли мнѣ свой букетъ по прежнему?

Валерія. Ты не забылъ объ нашемъ многомъ обычаѣ?

Графъ. Нынче приму его залогомъ согласія на вѣчный союзъ... Но идуть! Простя, Валерія!

Валерія. Ты уходишь, Эрнестъ?

Графъ. Не надолго, милая!.. Надобно все приготовить къ вечеру. Вѣдь ты согласишься, не правда ли?

(Уходя встрѣчается съ Генрихомъ, которому кланяется).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Валерія и Генрихъ *(смотритъ вслѣдъ за графомъ).*

Генрихъ *(про себя).* Я очень радъ, что онъ ушелъ. *(Вслухъ)* Ахъ, Валерія! я некалъ васъ... Неудача меня преслѣдуетъ!

Валерія. Какъ мнѣ этаго жаль! Я теперь такъ счастлива, что не хотѣла бы и знать, что есть людѣ меня несчастные... Скажите поскорѣе, что съ вами случилось?

Генрихъ. Я видѣлъ Каролину—говорилъ съ нею... Словомъ, признаніе наконецъ сорвалось съ языка моего.

Валерія *(улыбаясь).* Много же новаго вы сдѣлали! Я уже обо всемъ ей сказала прежде.

Генрихъ. Знаю... Но и я наконецъ рѣшился сказать.

Валерія. Что же она отвѣчала?

Генрихъ. Много смѣялась... Но, кажется, была тронута... Я просилъ отвѣта... хотѣла знать, любимъ ли я... Но она сказала мнѣ, что до тѣхъ поръ не будетъ мнѣ отвѣчать, пока не уѣдетъ графъ Розенталя.

Валерія. Хорошій знакъ!

Генрихъ. Но этотъ графъ остается; вы увидите, что онъ никогда и не уѣдетъ. Онъ любитъ Каролину... Хочетъ на ней жениться. Она сама признается, что, согласившись здѣсь остаться, онъ явно открылъ свои виды... Да онъ же на бѣду чрезвычайно любезенъ; по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ Каролина.

Валерія. Въ самомъ дѣлѣ?

Генрихъ. Вы легко можете судить объ этомъ.

Валерія. Я никогда съ нимъ не говорила ни слова.

Генрихъ. Да онъ сію минуту былъ съ вами... Этотъ молодой человекъ, которой отсюда вышелъ.

Валерія *(съ радостію).* Вы не знаете?.. Это—Эрнестъ!

Генрихъ. Это графъ Розенталя.

Валерія. Чтѣ вы говорите?..

Генрихъ. Я въ этомъ увѣренъ! Я видѣлъ его въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ своего ландо!

Валерія. Опъ?.. Вы ошибаетесь!.. Эрнестъ не графъ, не богатъ... Онъ вѣрно бы мнѣ сказалъ объ этомъ.

Генрихъ. Я этого ничего не знаю. Но съ вами былъ графъ Розенталя! Это вѣрно! И его-те вы любите?

Валерія. О! кто бы онъ ни былъ; но онъ достоинъ любви моею! Нѣтъ человекъ благороднѣе, великодушнѣе!.. Когда бы вы знали, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ!.. Единственно для меня... Единственно изъ любви ко мнѣ!

Генрихъ. Дай Богъ, чтобы это была правда! но я знаю къ несчастію, что онъ пріѣхалъ сюда для Каролины. Вспомните, Валерія, что онъ не могъ надѣяться найти васъ здѣсь! Онъ долженъ былъ думать, что вы все еще въ Ольбрюкѣ.

Валерія. Боже мой! Онъ знаетъ Каролину и не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова... Но было не можетъ! Онъ сію минуту предлагалъ мнѣ свою руку...

Генрихъ. Я васъ не понимаю! Вы почему не хотите вѣрить... Но развѣ не знаете, Валерія, какъ могутъ быть коварны эти знатные богачи, которые считаютъ все для себя позволительнымъ? Зачѣмъ же онъ не сказалъ вамъ ни слова ни о своемъ графствѣ, ни о своихъ милліонахъ? Отъ Каролины онъ ихъ не скрываетъ. Итакъ, очевидно, что я правъ, и что онъ намѣренъ жениться на ней, а не на васъ.

Валерія. Сжальтесь, Генрихъ! Избавьте меня отъ вашихъ ужасныхъ доказательствъ.

Генрихъ. Извините... Но вѣдь вамъ нельзя всего видѣть такъ, какъ мнѣ... Всѣ говорятъ, что онъ очень хорошъ собою, что онъ очень любезенъ... Я этого не нахожу; мнѣ онъ совсѣмъ не понравился... Напротивъ, я замѣтилъ въ его лицѣ что-то коварное, фальшивое... Вы сами то же бы сказали, когда бы могли видѣть...

Валерія. Погодите... Въ самомъ дѣлѣ, уходя отъ меня, онъ былъ въ замѣшательствѣ... Онъ дрожалъ... Такъ точно! Онъ былъ очень смутенъ. Но какъ подозрѣвать его въ вѣроломствѣ! Голосъ его былъ все тогъ же... Все такъ же трогалъ мою душу. Итъ, Генрихъ! будьте спокойны. Онъ не захочетъ меня обмануть!.. Это было бы слишкомъ легко.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Германъ.

Генрихъ. Кого тебѣ надобно?

Германъ. Его сѣятельство графа Розенталя.

Генрихъ. Какая тебѣ до него нужда?

Германъ. Вотъ какая! Потариусъ, котораго онъ велѣлъ позвать—здѣсь! Онъ дожидается.

Валерія. Потариусъ?.. На что потариусъ?

Германъ. Легко догадаться, на что!.. Всѣ уже въ городѣ знаютъ объ этомъ... Женить прекрасный.

Генрихъ. Вотъ! вы видите! И свадебный контрактъ готовъ!.. О! онъ въ своемъ дѣлѣ увѣренъ.

Валерія (*Герману*). Правда ли, Германъ, что потариусъ позванъ для свадебнаго контракта?

Германъ. Ахъ, Боже мой! Какой же я болтушъ!.. Мнѣ было запрещено сказывать... Но вы оба друзья моей госпожи! Вы вмѣстѣ со мною порадуетесь ея счастію... Пойду, потариусъ дожидается.

(*Уходитъ*).

Генрихъ. Это очевидно! Они заодно!.. Каролина некала только одной отговорки;

ей хотѣлось меня удалить!.. Но я этого не потеряю! Сейчасъ иду къ ея графу! Увидимъ...

Валерія. Куда вы, Генрихъ!.. Подумайте о Каролининѣ чести!.. Генрихъ, имѣете ли право?..

Генрихъ. Итъ!.. Но это не за нее!.. За васъ, Валерія!.. Теперь я вашъ защитникъ... Я не дамъ ему ругаться вашимъ довѣренностью, вашимъ сердцемъ!

Валерія. О! обо мнѣ не заботьтесь! Мнѣ теперь ничего не надобно! Пускай они покинутъ меня! пускай удалятся!.. Я теперь ничего не люблю на свѣтѣ! Ничего, кромѣ той глубокой ночи, которая окружаетъ меня и не даетъ ихъ видѣть... Мнѣ возвратитъ зрѣніе!.. Никогда! никогда! Генрихъ, гдѣ вы?.. Дайте руку!.. Не покидайте меня!

(*Уходитъ*).

конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Каролина и Валерія.

Каролина (*держитъ Валерію за руку*). Гдѣ ты была? Я тебя искала!.. Мнѣ такъ много сказать тебѣ надобно.

Валерія. Каролина... онъ еще здѣсь?

Каролина. Кто?

Валерія. Твой гость... графъ Розенталь.

Каролина. Здѣсь... Я въ больномъ безпокойствѣ, Валерія.

Валерія. Итакъ ты думаешь, что онъ тебя любитъ?

Каролина. Мнѣ кажется. Все заставляетъ меня это думать... Ахъ, Боже мой! Что съ тобой сдѣлалось?

Валерія. Ничего... (*про себя*) Я нахожу въ себѣ какое-то новое, тягостное чувство, въ которомъ не умѣю дать себѣ отчета... Въ мученія, которыхъ еще никогда я не испытала... (*Вслухъ*). Онъ любитъ тебя? Онъ тебѣ въ этомъ признался?

Каролина. Не скажу, чтобы признался, но...

Валерія. Договаривай, — что тебя беспокоит? что можетъ быть причиною твоей горести?

Каролина. Ахъ, Валерія! Генрихъ открылся мнѣ...

Валерія. Знаю.

Каролина. Его любовь, его печаль... Право не понимаю, какъ это случилось... Но я теперь увѣрена, что сама люблю его.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и **Генрихъ**, которой медленно приближается.

Каролина. Черезъ минуту послѣ него... въ саду... встрѣтилась я съ графомъ; съ нимъ былъ нотаріусъ; они о чемъ-то разговаривали; увидя меня, онъ замолчалъ; онъ подошелъ ко мнѣ съ такимъ выраженіемъ лица, котораго я описать не въ состоянн; онъ просилъ у меня позволенія переговорить со мною наединѣ — здѣсь... въ этой горницѣ...

Генрихъ. Прекрасно!.. Свиданіе!

Каролина (*улыбаясь*). Вы здѣсь?..

Генрихъ. Здѣсь, сударыня. Я слышалъ только одно слово: въ этой горницѣ! За этимъ-то вы пришли сюда?

Каролина. И конечно...

Валерія. Ты согласилась?

Каролина. Надобно же узнать, чего онъ отъ меня хочетъ?

Генрихъ (*въ волненіи*). Я это узнаю прежде васъ! Не вы его здѣсь пригласите, а я!

Каролина. Боже мой! что вы хотите дѣлать?.. Заводитъ шумъ!.. Генрихъ, послушайте, если вы позволите себѣ хотя малѣйшее съ нимъ объясненіе, то знайте, что я вамъ ничего не обѣщала... Беру свое слово назадъ!

Генрихъ. Но это свиданіе...

Каролина. Да, свиданіе! — но только прощальное! Слышите ли? Не забавно ли? Я не кокетка, а у меня вдругъ два обожателя! И одинъ еще ревнивецъ! — Но, кажется, это онъ! (*Подходитъ къ двери и смотритъ въ нее*).

Генрихъ (*тихо Валеріи*). Что, Валерія?

Валерія (*тихо Генриху*). Не могу еще повѣрить! Мнѣ надобно услышать это отъ него самого... Генрихъ, скажите мнѣ, позволено ли мнѣ ихъ подслушать?

Генрихъ (*съ живостію*). Вамъ, конечно, позволено! Вы не можете видѣть.

Каролина (*возвращаясь*). Это онъ! Оставьте насъ!

Валерія (*тихо*). Генрихъ, введите меня въ тотъ кабинетъ, что на лѣвой рукѣ... Онъ долженъ быть здѣсь... (*Генрихъ подводитъ ее къ дверямъ*). А вы?

Генрихъ. Нѣтъ! (*Указавъ на Каролину*). Моя довѣренность, мое почтеніе къ ней... Слушайте за двухъ, — только не пророните ни одного слова. (*Валерія входитъ въ кабинетъ, Генрихъ выходитъ въ другія двери*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Каролина (*одна*). Какъ трудно отказывать!.. Хотя я и твердо рѣшилась! но все тяжело!.. Поищемъ выраженій приятныхъ!.. Ищуй онъ, по крайней мѣрѣ думать, что намъ его жаль.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Каролина и Графъ.

Каролина. Вы, можетъ быть, воображите, графъ, что я не имѣю никакого постоянства; я соглашаюсь васъ слушать, а за минуту объявила вамъ, что во весь нынѣшній день не буду упоминать о нашемъ дѣлѣ! Но такъ и быть! говорите, на что вы рѣшились?

Графъ. Не смѣю сказать! Но прежде выслушайте меня! Когда открою вамъ все... вы сами рѣшите!

Каролина (*про себя*). Боже мой! Что это значитъ? Не понимаю!

Графъ. Вамъ извѣстно, что я былъ младшій въ семьѣ многочисленной; это лишило меня надежды имѣть какой нибудь достатокъ. Рождественники хотѣли, чтобы я вошелъ въ духовное званіе, — я не послушался ихъ и это меня съ ними поссорило. Но я хорошо учился, имѣлъ всю смѣлость молодыхъ лѣтъ, имѣлъ пылкую душу, — словомъ надѣялся приобрести

собственной силою все то, въ чемъ отъказывали мнѣ судьба и фортуна. Я оставилъ свою родину, не сказавъ объ этомъ никому... Хотѣлъ объѣздить Европу... Но путешествіе мое продолжалось не долго... Я не пробѣжалъ еще двадцати миль, какъ уже былъ влюбленъ страстно...

Каролина (*улыбаясь*). Итакъ, ваша философія не устояла противъ двухъ прекрасныхъ глазъ—и та, которую вы любите...

Графъ. Она слѣвая!

Каролина (*про себя*). Боже мой! Какое странное обстоятельство!

Графъ. Она спасла мнѣ жизнь, отдавши за жертву свою... И съ той минуты жизнь моя принадлежитъ ей! Съ той минуты я дышалъ, я жилъ одною надеждою: возвратитъ ей зрѣніе! О, для чего въ то время не имѣлъ я терпѣнія моего богатства! Я вѣкъ бы пожертвовалъ! и моя жертва была бы ничто передъ купленнымъ мною счастьемъ! Но тогда я даже и не воображалъ, чтобы подобное чудо было возможно некуству!.. Я не имѣлъ ничего! Не зналъ, къ кому прибѣгнуть... Я пропелъ пѣшкомъ Германію, Францію, дошелъ до Парижа... Тутъ сказали мнѣ объ одномъ славномъ окулиствѣ, который дѣлалъ чудесныя операціи. Я представился ему... Предложилъ ему свое время, свои труды, всю свою дѣятельность... Не требовалъ отъ него платы, но только одного наставленія... Сдѣлался не питомцемъ его, но его слугою, его рабомъ...

Каролина. Вы, графъ?

Графъ. Я самъ?... Но я попалъ въ худыя руки! Мой докторъ, корыстолюбивѣйшій изъ людей, безъ всякаго понятія о великодушій и челоувѣчествѣ, торговалъ своимъ искусствомъ, имѣлъ въ виду одно золото, скупился своимъ знаніемъ и боялся сбднять, раздѣливъ его со мною.—Но я... я похитилъ у него это знаніе! Ночи просиживалъ я надъ его книгами, надъ его манускриптами...—а дисемъ, свидѣтель его чудесъ, неуслыннымъ вниманіемъ слѣдовалъ за его рукою и противъ его воли

проникнулъ въ его тайну! Ни его грубое со мною обращеніе, ни оскорбительное бремя неволи моеи—ничто не отвращало меня! Наконецъ, по прошествіи двухъ лѣтъ, посвященныхъ трудамъ неутомимымъ, я увѣрился въ силу своей... Но мнѣ явился старикъ, пѣмецъ, соотечественникъ, одинъ изъ вашихъ слугъ... Онъ былъ слишкомъ бѣденъ... Мой учитель не удостоилъ его вниманія!

Каролина. Какъ! Неужели это вы?

Графъ. О, въ какомъ я былъ волненіи! Сердце мое билось! рука трепетала!.. Наконецъ мнѣ удалось. Съ тѣхъ поръ тысяча опытовъ счастливыхъ—и я увѣрился въ своемъ талантѣ, покинулъ Парижъ, возвратился въ Германію и только тогда съ удивленіемъ услышалъ о счастливой перемѣнѣ судьбы моеи... Теперь я могъ бы призвать своего учителя и заплатить ему дорогою цѣною... Но уступить ему такое счастье! Дать другому возвратитъ ей драгоценнѣйшее благо, свѣтъ... Могу ли на это рѣшиться? Мнѣ кажется, что эту надежду я заслужилъ?

Каролина (*съ живостію*). О, конечно, конечно! Вы заслужили ее!

Графъ. Кончу однимъ словомъ: та, которую люблю... въ которой вся моя жизнь, все мое счастье... она здѣсь... Я ее видѣлъ... Это—Валерія!

Каролина. Что вы говорите?... Боже!

Графъ. Теперь рѣшите! Свободенъ ли я? Позволено ли мнѣ требовать вашей руки?

Каролина (*подасая ему руку*). Имѣете ли нужду въ моемъ отвѣтѣ?

Графъ. Нѣтъ! я читаю его въ вашихъ глазахъ! Что же касается до нашей тяжбы, отъ которой зависитъ вся ваша фортуна—то она кончена, вы ее выиграли! Справедливость на вашей сторонѣ; я уже письменно отказался отъ всѣхъ моихъ правъ. Здѣшній нотаріусъ отдастъ вамъ бумагу.

Каролина. Нѣтъ, графъ! я не могу согласиться!..

Графъ. Понимаю; вамъ хочется дать мнѣ удовольствіе принести вамъ жертву...

Хорошо! Но и вы подражайте мнѣ... пожертвуйте свою гордость! Вѣдь мы теперь друзья, не правда ли?

Каролина. Искренніе! На всю жизнь!..
Графъ. Такъ, Каролина! и я сію же минуту требую отъ васъ доказательства дружбы! Помогите мнѣ согласить Валерію—она еще въ перѣшности!.. Я сказалъ ей, что имѣю друга, которой беретъ возвратить ей зрѣніе.

Каролина. Какъ!.. Вы ей не открыли?..
Графъ. Нѣтъ! Избави Боже! Она не должна подозрѣвать истины! Въ такую минуту нужно спокойствіе—спокойствіе совершенное... Малѣйшее волненіе можетъ быть гибельно... Она потеряетъ всю твердость, если узнаетъ...

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Валерія.

Валерія (*про себя, выходя изъ кабинета*). Я не могу долѣе удерживаться... Какая любовь! Какое великодушіе!.. О какъ я не извинительна! (*Вслухъ*). Эрнестъ! Не здѣсь ли ты?

Каролина (*въ то время, когда Эрнестъ къ ней приближается*). Здѣсь, милая! Подлѣ тебя!

Валерія. О! я это знала. (*Графу*). Эрнестъ! мой другъ!.. Я перемѣнила мысли.. я рѣшилась! поидемъ! веди меня къ твоему другу!

Графъ. Что я слышу?

Каролина. Какое счастье! она согласна!

Графъ. Намъ нигуда идти не нужно... Опъ здѣсь.

Валерія (*улыбаясь*). Здѣсь! Какой же счастливой случай... Какъ кстати!

Графъ. Я удивляюсь твоей твердости, Валерія!

Каролина. Ты не боишься?

Валерія. Не боюсь ничего! (*Беретъ свою руку*). Я совершенно спокойна... Ты же будешь подлѣ меня! Не правда ли?

Графъ. Подлѣ тебя, Валерія! (*Кличетъ*) Германъ! (*Тихо Каролинѣ*). Я все приготовилъ. (*Вслухъ Валеріи*). Германъ отведетъ тебя въ этотъ кабинетъ.

Валерія. Иду! Дай руку, Германъ. (*Къ графу, улыбаясь*). И ты пойдешь за мною? Не такъ ли?

Графъ. Сію минуту. (*Германъ уходитъ Валерію*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Графъ и Каролина.

Каролина. Чего вы ждете? Что съ вами сдѣлалось?

Графъ. Боже! Боже! Не умѣю вамъ изъяснить того, что во мнѣ происходитъ!.. Наконецъ, наступила минута, которой желалъ я такъ страстно! Но я не узнаю себя! Твердость моя исчезла... Я весь дрожу.

Каролина. Ободритесь, мой другъ! Ради Бога, ободритесь!

Графъ. Никогда не достанетъ у меня силъ...

Каролина. Эрнестъ! Милый Эрнестъ, войдите въ себя!.. Подумайте о Валеріи! Она рѣшилась! Она васъ ждетъ!

Графъ. Валерія! Такъ, вы правы... Это имя ободрило меня! Теперь отвѣчаю за все! Дайте мнѣ руку! (*Прижимаетъ руку ея къ сердцу и бѣжитъ въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Каролина и **Генрихъ**, которой видѣлъ все послѣднее.

Генрихъ. Прекрасно!

Каролина. Ахъ! вы здѣсь, милый Генрихъ?

Генрихъ. Здѣсь; но, кажется, пришелъ не во время. Ахъ, Каролина!.. Того ли я могъ отъ васъ ожидать! На что вамъ со мною притворяться! На что вамъ прибѣгать къ хитростямъ кокетства? Развѣ сердце мое вамъ не извѣстно?

Каролина (*подастъ ему знакъ рукою, чтобъ онъ молчалъ, и смотритъ въ ту дверь, въ которую вошелъ графъ*). Тихе! Молчите!

Генрихъ. Какая вамъ польза меня обманывать!.. Развѣ мое уваженіе къ вамъ не столь же искренно, какъ моя любовь? (*Каролина дѣлаетъ тотъ же знакъ*).

Каролина! вы даже меня не слушаете! Вы заняты совѣсьмъ другимъ. Ваши мысли далеко!

Каролина (*продолжая смотрѣть въ дверь*). Признаюсь, я въ смертельномъ безпокойствѣ!

Генрихъ. Конечно, объ немъ!

Каролина. Да! успѣхъ такъ невѣренъ!

Генрихъ. Знайте же... Онъ васъ обманываетъ... Онъ любитъ Валерію!

Каролина. Знаю, знаю... Любитъ страстно.

Генрихъ. Какъ! Вы знаете?.. И все его любите?

Каролина (*посмотрѣвъ на него съ съжесточеніемъ*). Почти столько же, какъ и васъ... Но остерегитесь! Мнѣ стоитъ сказать одно слово и вы сами будете отъ него безъ ума.

Генрихъ. Желалъ бы я знать...

Каролина. Знайте же, сударь, что онъ никого и не любилъ, кромѣ Валеріи, — что онъ пріѣхалъ сюда для одной Валеріи — что онъ хочетъ жениться на Валеріи! Слышите ли вы?

Генрихъ. Какъ! Возможно ли!.. Ахъ! Какой милый! Какой благородный чловѣкъ! Вѣгу благодарить его! (*Возвращается*). Но увѣрены ли вы, что онъ на ней женится?

Каролина. Можетъ ли она ему отказать, когда, вѣроятно, въ эту минуту онъ возвратилъ ей зрѣніе!

Генрихъ. Что вы говорите?

Каролина. Вотъ онъ самъ!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Графъ.

Каролина (*бѣжитъ къ нему*). Что?.. Что?.. Говорите!..

Графъ. Не могу... Не знаю...

Каролина. Что сдѣлалось?

Графъ. Въ первую минуту... мнѣ показалось... что все удалось...

Генрихъ. Потомъ...

Графъ. Она вскрикнула... и убѣжать въ ужасѣ...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Валерія, за нею Германъ.

Валерія (*выбѣгая изъ дверей*). Пусти меня! Пусти меня! Я вижу! Я вижу! (*Она останавливается, какъ будто ослѣпленная свѣтомъ*). Кто меня тропнулъ... Кто остановилъ меня!.. (*Открываетъ глаза и протягиваетъ руки, какъ будто желая схватить воздухъ и свѣтъ*). Гдѣ я? Какой это новый міръ? Все меня трогаетъ! И я ни къ чему не могу прикоснуться! (*Осматривается*).

Боже! Я не одна! О чудо! котораго понять не умѣю!.. Такъ—это день!.. Это свѣтъ!.. Это жизнь!.. (*Падаетъ на колѣни*). Вѣчный Создатель... Благодарю!.. Я вышла изъ моей темницы... Я живу!..

Каролина (*подходя къ ней*). Валерія!.. Милый другъ!..

Валерія. Боже! Какой голосъ! Это ты, Каролина? Дай мнѣ тебя узнать!.. Какъ ты прекрасна! (*Осматривается и видитъ Генриха и Эрнеста, стоящихъ рядомъ*). Ахъ! (*Смотритъ на обоихъ, медлитъ минуту, потомъ идетъ прямо къ Эрнесту и подаетъ ему свой букетъ*). Возьми, Эрнестъ!

Графъ (*на колѣняхъ*). О восхитительная награда!

Германъ (*подавая Валеріи черную повязку*). Дѣлать нечего... а надобно потерпѣть еще нѣсколько дней... Докторъ приказалъ.

Валерія. Какъ! Опять ослѣпнуть!..

Графъ. Валерія! Ныѣшнимъ утромъ ты находила это такъ пріятнымъ.

Валерія (*смотря на него*). Ахъ! — тогда я еще не видѣла!..

1800—1810.

Заступъ, заступъ, рой могилу!
Хлѣбъ, пристанище и силу
Все въ тебѣ вмѣю [я]!..
Будь въ уборѣ, будь съ сумою,
Будешь спрятавъ подъ землею—
Заступъ, жертва все твоя!

Этотъ черенъ обнаженный,
Прежде гордый и надменный,
Преклоняется не умѣлъ!
Въ семь разорванномъ покровѣ,
Въ семь разбросанномъ остоѣ—
Кто бь царя искать поемѣлъ!..

Герой Волѣдьковскій да знасть,
Что завтра утромъ, ровню въ часъ,
Къ себѣ любезность приглашаетъ
Его на щи, на иловть и квасъ!

Причемъ
И съ нимъ его—во все[мъ]
Прятность, ловкость, простоту,—
Неколкость острыхъ словъ, забавность
выраженья,
И въ образѣ жены—любовь и красоту!

БАСНЯ.

Однажды въ гору, въ круть, пзмученныя
жаромъ,
Въ нескѣ, по колеямъ, бугристымъ кру-
тоярномъ
Шестъ дюжихъ лошадей повозку волокли:
Веѣ—женщины, старики, монахи—долой
сошли.
Лошадки спялятся, потѣютъ, бьются—
стали!..
Откуда ни возмись, пискунья-муха пырь

Навстрѣчу къ нимъ.—«Что кличи? знать
устали!
Вотъ я приструню васъ! Я въ пуждѣ бо-
гатырь!»
И вирамъ искуеница! Кричить, жужжить,
трудится,—
То на носъ къ кучеру, то съ сердцемъ
къ колесу!
—«Дружнѣй, одры! не здѣеъ же посе-
литъся!
Не срамъ ли? я одна весь трудъ за веѣхъ
песу!»
Линь кличи шагъ впередъ, а муха ве-
личается:
«Ну, гдѣ имъ безъ меня!..»

Назадъ тому съ десятокъ лѣтъ,
Какъ жилъ у насъ въ краю спокойно и
смирно
Титъ—добрый человѣкъ, ближайшій намъ
еосѣдъ,
Монхъ цвѣтущихъ дней
И полости моеи хранитель незабвенной!
Увы! его ужъ нѣтъ!
Но память добраго поднесъ боготворима:
Заглядите зъ когда души прелестной
сдѣтъ!
Благихъ святая жизнь—въ слезахъ любви
хранима.
Весь Титовъ скромный вѣкъ прошелъ, какъ
свѣтлый день:
Свой домикъ надъ ручьемъ, на тихомъ
скатѣ луга,
Своихъ питомецъ линь гостепрѣимна сѣлъ,
Веселость, чистыя невѣжести подруга,
Позналье лицеты, позналше заботъ,
Умъ ясный и душа, исполнена шедротъ—

Вотъ все, чѣмъ награждалъ Господь небес-
ный Тита.
Кто только Тита знаетъ, тотъ Тита и лю-
билъ!
Вбдникъ ли въ домъ его съ молитвой
приходилъ —
И Титова казна молящему открыта.

Нѣтъ денегъ?—словомъ награждалъ!
Всегда утѣшенный, довольный Прови-
дѣньемъ,
Страдалецъ отъ него съ надеждой отету-
палъ!
Инымъ благотворилъ полезнымъ наста-
вленьемъ!

Въ разстройкѣ мужъ съ женой—
Титъ, добрый человекъ, придетъ... и вновь
покой

И вновь согласіе златое между ними!
Онъ съ пѣжной кротостью проказниковъ
журилъ,
Былъ съ старыми старикъ и молодъ съ
молодыми.

А дѣвушкамъ мужей хорошихъ находилъ!
И недостатками чужими

Не думая скучать, перѣдко говорилъ:
«У всякаго свое: тотъ кривъ, а тотъ без-
погой!
Добро и зло для всѣхъ назначено въ
удѣлъ!

Участки не равны, — по всѣмъ одной дорогой
Идти небесный Царь велѣлъ!
Путь трудный!— для чего жъ въ добавокъ
затрудненья?

Другъ въ друга камнями бросать!
Довольно случася найдуть для преткно-
венья!..»

Былъ зайчикъ-косоланъ, зивѣрь добрый,
но чудакъ!
Онъ вздумалъ всѣхъ скотовъ считать себѣ
друзьями.

Не смѣхъ ли? Между нами
Находка—и одинъ, а два и такъ и сякъ!
Но зайчикъ мудраго запомнилъ изреченье.
Давно Аристотель собравшимся въ лицей
Сказалъ: Друзья! Ужъ нѣтъ друзей!..

ПРОГНА И ФИЛОМЕЛА.

Случилось прошлою весной,
Что Прогна-ласточка въ ту рощу залетѣла,
Гдѣ много, много лѣтъ бѣдняжка Филомела,
Уединенная, грусти сама съ собой,

Во мракъ невидимкой пѣла!—
«На-силу Богъ судилъ увидѣться съ тобой,
Сестрица! Мы давно другъ съ другомъ не
слетались!

Лѣтъ тысяча тому, какъ мы съ тобой
разстались!
Съ фракійскихъ горестныхъ временъ
Тебя никто, найдѣ подь солнцемъ не ви-
дасть,

Пустыни лишь твоей гармоніи внимаешь.
Тебѣ ль сей горестный удѣлъ опредѣлать?
Твое ль убѣжище лѣсовъ уединенье?...»
— Увы! найду ли гдѣ толь сладостный
покровъ!—

«О небо! и кого жъ твое пѣбнеть пѣнье?
Медвѣдей, вепрей, совъ,
Ночныхъ пестопырей, а много—лѣсниковъ!
Пустыню ль украшать толь милыми да-
рами?

Нѣтъ, нѣтъ! Ты создана —
Въ обителяхъ людей, но селамъ и градамъ,
Блнстать ихъ чудесами!
Къ тому же здѣсь во всемъ слѣды ми-
нувшихъ дней,

Пустыня, сумракъ и молчанье:
Въ подобныхъ сямъ мѣстамъ неистовый
Терей!..»

— Сіе-то горестей протекшихъ воспомина-
нью
Велитъ мнѣ обитать пустыницей въ лѣ-
сахъ.
Увы! съ людьми я вепомию болю!..

СЕРТОРИИ И ПОМПЕЙ.

ПОМПЕЙ.

Вражда не помрачить въ глазахъ моихъ
героя!
На полѣ Марсовомъ, въ огнѣ, въ смя-
теньи боя

Серторія своимъ противникомъ я чу!
По друга въ немъ всегда врагу я пред-
почту!

И зрѣть хотѣлъ въ близости, каковъ сей

побѣдитель,
 Сей римлянъ бичь, сей вождь, ихъ силы
 сокрушитель,
 Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,
 Въ бесѣдѣ искренней съ Помпеємъ—не-
 врагомъ!
 Серторій!—юноша и воинъ предъ тобою!
 Я не былъ ослышенъ триумфовъ красотою,
 Числомъ вѣнговъ, побѣдъ! Хочу откры-
 тымъ быть,
 Признание доблестей — не можетъ по-
 срамить!
 Я больше наученъ, Серторіемъ сраженный,
 Чѣмъ прежде былъ, въ бою никѣмъ не
 побѣжденный:
 Свидѣтель дѣлъ твоихъ, что дѣлать— я
 учусь!
 Наставленный тобой—съ тобою я сражусь!
 Въ осадахъ, приступахъ, некустарѣ от-
 ступленій
 Въ избраннѣ мѣсть къ бою, къ твердымъ
 укрѣпленіямъ—
 По всемъ ты мой примѣръ, во всемъ на-
 ставникъ мой!
 Ахъ! еслибъ примирялъ ты Римъ съ
 собою!..

Мой другъ, часы летятъ—и юность по-
 гибаесть!
 Намъ дряхлость хилая, наморщася, изъ
 дали
 Манить къ себѣ клюкой и гробъ намъ
 отверзаесть!
 Ужъ розы дѣтскихъ лѣтъ на вѣки от-
 цвѣлаи,
 Ужъ крылья распустили и юность на
 отлетѣ!
 Хоть каждый день воловъ Плутоу въ
 даръ,—
 Ротце: все будемъ пить забвенью въ
 страпной Летѣ!
 Увидимъ черной Стиксъ! Для всѣхъ
 отверстъ Тенаръ!
 Тамъ злой старикъ Харонъ перстомъ на
 насъ грозитъ
 И въ лодкѣ роковой готовить мѣсто намъ!
 Пристануть царь и рабъ къ невѣдомымъ
 брѣгамъ...

1811.

 ВЪ АЛЬБОМЪ 8-ЛѢТНЕИ Н. Д.
 АПУХТИНОЙ.

Тебѣ вѣнжаютъ въ преступленъ,
 Что ты милѣе всѣхъ дѣтей!
 Ужасной грѣхъ! И вотъ мое опредѣленъ:
 Пройдетъ пять лѣтъ и десять дней,
 Не будешь ты тогда милѣе всѣхъ дѣтей:
 Ты будешь страхъ сердецъ и взоровъ вое-
 хищенъ!

1806—1814.

НАЧАЛО ПОЭМЫ: ВЕЛЬМІРА.

Вамъ скучно? Разложите
 Въ каминѣ огоньскъ,
 Сбритесь въ кружокъ,
 Дыханье притаите—
 И слушайте меня.
 Чудесную, друзья,
 Скажу вамъ сказку л!
 Ни грифовъ, ни полкановъ,
 Ни чудъ-богатырей,
 Ни грозныхъ великановъ,
 Ни полудночныхъ фей,
 Летящихъ въ коляскѣ
 На жукахъ, на совахъ,
 На злыхъ петопыряхъ—
 Не будетъ въ этой сказкѣ!..

РУССКОМУ ЦАРЮ.

Намъ добрый царь, тебѣ мы пьемъ—
 Да слава путь твой увѣчаесть!
 Твой мечъ благословитъ Творцомъ—
 Онъ не разитъ, но защищаесть!
 Полнѣи стаканы! Пейте въ ладъ —
 Такъ пили наши дѣды!
 Царю великому—вивати!
 Вму вѣнецъ побѣды!

КЪ САНТЪ АРЪЕНВУ.

Мой другъ, младенецъ несравненной,
 Ты хочешь, чтобы твой поэтъ
 Стихами написалъ отвѣтъ
 На нисемно твое, безцѣнной?
 Готовъ! И что же гнѣи мой

Воспламенить, какъ не прелестной,
 Идущій къ сердцу, голосъ твой?
 Твоей невинности святой
 Гороче таинство извѣстно
 Восторгомъ душу наполнять,—
 Чѣмъ ухищренному искусству,
 Которое певчато чувствую,
 И можетъ только удивлять.
 И вотъ тебѣ мое посланье!
 Мой милой вихорь-атаманъ,
 Ты знаешь, что поэту данъ
 Талантъ божественный: *предметъ!*..
 Но даръ сей пужень ли съ тобой?
 Тебя я видѣлъ въ колыбели;
 Я зрѣлъ, какъ близъ тебя сидѣли—
 Слетѣвшій съ неба ангелъ твой
 И мать, храпитель твой земной;
 Какъ сердце матери вѣряло
 Тебя въ защиту небесамъ,
 Какъ Провидѣніе внимало
 Ея мольбѣ, ея слезамъ...
 Какого лучше предсказанья?
 Вѣрь жизни! Будешь счастливъ ты!..
 Но я—пророкъ, я толкованья
 Хочу сказать на тѣхъ чертахъ,
 Которыя своей рукою
 Ты по лицейкамъ написалъ,
 Въ которыхъ просто *всѣ* сказалъ,
 Чтѣ непорочною душою
 Свободно было внушено.
 Мой другъ! Я вижу въ нихъ одно:
 Овѣ подобны совершенно
 Знакомымъ, мялымъ тѣмъ чертамъ,
 Въ которыхъ повѣряеть намъ
 Всѣ тайны дружбы неизмѣнной
 Твоя—нашъ добрый геній—мать!
 Мой другъ! *Ее* въ тебѣ узнать—
 Есть вѣрное знаменованье,
 Чтѣ здѣшней жизни испытанье
 Ты съ чистой совершилъ душой,
 Чтѣ вѣра будетъ спутникъ твой,
 И что небесъ рукою пристрастной
 [Дабы вѣрнѣй счастливымъ быть
 Иль чтобы счастье замѣнить]
 Тебѣ послано: *даръ любить!*
 Храни сей даръ! Съ нимъ безопасно
 Пойдешь дорогою земной!
 Чувствительность есть огрivenessь!
 Оно разсудку вождь прямиой,

Оно и тамъ зрѣть наслажденье,
 Гдѣ предъ холодною душой
 Все, какъ въ могилѣ, исчезаетъ!..
 Но, другъ, болтливый твой пророкъ
 Совсемъ безъ нужды повторяеть
 Тебѣ знакомый сей урокъ!
 Ужъ все рука Творца свершила:
 Она безсмертную печатъ
 Тебѣ на сердце положила,
 И невластная земная сила
 Клейма небеснаго сорвать!
 Ты будешь *добрымъ* неизмѣнно!..
 О гдѣ вы! Призываю васъ
 Съ душой внимавшихъ восхищенной,
 Когда младенца милый гласъ,
 Перерываемый слезами,
 За мать молился небесамъ,
 И былъ внимаемъ небесами!
 Чтѣ сердце говорило вамъ?..
 Мой другъ! Тебѣ *вѣрна* дорога:
 Ужъ ты къ прекрасному привыкъ!
 Ужъ ты знаешь тотъ языкъ,
 Которымъ сердце славить Бога
 И небесамъ передаетъ
 Свое блаженство и страданье!
 Мое свершится упованье,
 И счастье тебя найдетъ
 Вездѣ—и вопреки судьбины:
 Для добрыхъ жребій здѣсь единый!..
Я другъ твой! Такъ ты подписалъ
 Свое письмо, младенецъ милой;
 Съ волненьемъ поднесъ я читалъ,
 И сердце билось съ новой силой!
 Казалось, ангелъ спутникъ мой,
 Принявши образъ твой прелестной,
 Тогда явился предо мной
 И счастья вѣстїю небесной
 Меня обрадовалъ на часъ!..
 Еще, мой милый, неизвѣстно
 Тебѣ, чтѣ *другъ*; твой ибжннй гласъ
 За матерью лишь повторяеть
 Все то, чтѣ сердце ей внушаетъ,
 Чтѣ такъ давно знакомо *намъ!*
 Но будь угодно небесамъ,
 Чтобы хоть часть пути земнова,
 Какъ другъ, прошелъ съ тобою я,
 Чтобы ты сказать мнѣ: *мы друзья!*—
 Всю силу понимая слова!

1813—1820.

ВЪ АЛЬБОМЪ КЪ НИНѢ.

Его нашу жизнь своимъ добромъ считаетъ,
За насъ впередъ заботливо глядитъ,
О счастье—какъ мы—за насъ мечтасть,

Какъ мы, отъ нашихъ бѣдъ дрожить,
Его, проводивъ насъ въ дальній путь, съ
тоскою,
Въ кругу семьи нашъ празднуетъ воз-
вратъ—

Того зовемъ мы братомъ иль сестрою!
Ты мнѣ сестра, а онъ мнѣ братъ!

Другъ милой, оставь прихотливой судьбѣ
Бѣду посылать за бѣдою!
Въ замѣну непосланъ тебѣ отъ небесъ
Прекраснѣйшій даръ: *быть любимымъ!*
И горе и счастье, какъ тѣни, летять,
Всечасно смѣняся въ жизни!

Но то, въ чемъ прямое для насъ бытіе,
Чѣмъ міръ передъ нами прекрасенъ,
Священное сердце...— надъ сердцемъ судьба
Безильна! Оно неизмѣнно!

О другъ, въ немъ богатство прямое твое!
Ты имъ, какъ волшебною силой,
Всѣхъ добрыхъ собираешь въ согласный
твой кругъ!

Ты царствуешь въ миломъ семействѣ,—
Счастливый мечтою, любовью друзей!
Имъ сладко читать въ твоемъ взорѣ
Въ немъ видятъ они, что хранится въ душѣ,
Онъ свѣтель желаніемъ блага!
Имъ сладостно руку твою пожимать...

КЪ М. Θ. ОРЛОВУ.

О Рейнъ, о Рейнъ, безъ волненія
Къ тебѣ дерзну ли подступить?
Давно ужъ ты—рѣка забвенья,
И пересталъ друзей поить
Своими сладкими струями!
На «Арзамасъ» трихнулъ усами—
И Кіевъ дружбу перемогъ!
Начальникъ штаба, педагогъ—
Ты по ланкастерской методѣ
Мальчишекъ учишь говорить
О славѣ, прыпикахъ, природѣ,

О кубаряхъ и о свободѣ—
А насъ забывь... Но, такъ и быть!
На-страхъ нишу къ тебѣ два слова!
Вотъ для души твоей обнова:
Пнємо отъ милой красоты!
Узнаешь самъ ей черты!
Я шлю его черезъ другога,
Санктпетербургскаго Орлова—
Чтобы вѣрнѣй дошло оно.
Прости! Но для сего послашь,
Орловъ, хотъ тѣнь воспомнанья
Дай дружбѣ, брошенной давно!

СЪ ТОГО СВѢТА.

Онъ правъ, нашъ Виземскій! Я думалъ,
что онъ льстеть!
Я въ истинѣ его катрени сомнѣвался!
Но въ свой послѣдній часъ вчера я самъ
признался,
Что онъ тебя хвалилъ, спросяся у всѣхъ
сердечъ!
И чтобъ его стихи не оправдать собою,
Чтобъ подлѣ *мудрости* свой умъ не по-
губить,
Чтобы хотъ умереть съ здоровою душою—
Себя я поскорѣй рѣшился уморить!..
Самоубійство мнѣ, увы! не пособило!
Я уморилъ себя... но то ужъ поздно было!

*

*

Хотя по-русски я умѣю
И самъ иное сочинить,
Но, признаюсь, переводить
Irrésistible я не смѣю.
Глубокій смыслъ таится въ немъ,
Пугающій воображеніе!
Во всякомъ случаѣ другомъ
Я для него бы выраженіе
Свободно въ словарѣ нашелъ;
Но здѣсь хотять, чтобъ перевелъ—
И съ леностью и съ полнотою—
Для сакъ такое слово я...
Пѣть! Муза робкая моя
Здѣсь не поможетъ, какъ бывало!
Она иль скажетъ слишкомъ мало
Иль станетъ слишкомъ говорить!
Къ тому жъ бываетъ и опасно
То велухъ для всѣхъ переводить,

Что каждому и тихомолкомъ ясно.
 Но если бь слово какъ ибудь
 Я *принужденъ* быть перевести —
 Я не задумался бь падъ нимъ,
 Его бь мнѣ сердце подсказало... —
 Для той, которая, какъ вы,
 Мила, достойна быть любима...

1819—1820.

Давно ужь ибѣтъ мнѣ вдохновенья!
 Мы разнакомились давно!
 Не откликается оно,
 Не пробуждаетъ ибеспобія!
 А смертно хочется писать
 Стихи на ваши именины!..
 Но что жь?.. Неужто пожелать,
 Какъ водится, вамъ отъ судьбины
 Того, что можетъ дать она!
 Въдь это будетъ старина!
 Мнѣ надоѣли мадригалы —
 Товаръ парнасскій обветшалый —
 Не могутъ быть достойны васъ!
 Какъ жаль, что гений мой погасъ!..

Твой кабинетъ какъ храмъ!
 Подъ лаковымъ столомъ
 Медвѣжья распростерта шкура;
 Въ трехъ трубкахъ чубуки съ яштарнымъ
 мушкетеромъ;
 Софа для грацій и амура,
 На шкафѣ двѣ кисы съ душистымъ та-
 бакомъ;
 Картины на стѣнѣ — прямой магнитъ для
 зрѣнья;
 Въ углу, между полень, подъ скромнымъ
 помоломъ,
 Жуковскаго стихотворенья —
 Вес, все на мѣстѣ здѣсь! Все нравится
 очамъ!
 Да гдѣ жь хозяйнигъ самъ?..

Остатки *добрито* въ сей гробъ положены!
 Здѣсь мирный памятникъ утраченному
 другу —
 Слуготворителю, товарищу, супругу —

Последній скорбный даръ тоскующей жены!
 Здѣсь благодарное живетъ воспоминанье;
 Здѣсь сердцу говорить изъ гроба тихій
 гласъ,
 Что, милыхъ бытіе похитивъ, смертныи
 часъ
 Приготавлиеть намъ безсмертье и свѣ-
 дань!..

Сибина безъ всякаго роптанья
 Уборъ ненужный вамъ отдать,
 Считаю должностью сказать,
 Что я отъ грѣшнаго желанья —
 Залогъ мнѣ данный утанъ
 Не удержался бь, можетъ быть,
 Когда бы въ пору не открыли
 Вы мнѣ, что изъ волосъ чужихъ,
 А не изъ вашихъ, кудри были
 Въ рукахъ обманутыхъ моихъ!
 Такъ! я простяться бь равнодушно
 Не могъ съ сокровищемъ такимъ:
 Шеннгуль бы умъ разстаться съ нимъ!
 Да сердце было бь непослушно!..

Прошу жь васъ, отъ меня, княжна,
 Принять уборъ вашъ бесполезной!
 Для вашей прелести любезной —
 Его приманка не нужна!
 Природа легкою рукою
 Ужь ваши кудри завила,
 И васъ прекрасно убрала
 Своей невинностью святок!
 Ея — повѣрьте — простотѣ
 Противны хитрости убора, —
 И вы стократъ милѣй для взора
 Въ своей безпечной красотѣ!..

Согласенъ я: мой миртъ упылъ!
 Но онъ таковъ не отъ природы.
 Онъ прежде свѣжъ и веселъ былъ!
 Не замѣчалъ дурной погоды;
 Онъ цвѣлъ и лѣтомъ и зимой...
 Увы! онъ вамъ былъ отданъ мною
 За тѣмъ, чтобъ въ грустномъ отдаленъ,
 Я вами не былъ позабытъ!
 Но, знагъ, мой жребій былъ — забвенье,
 И вѣрный миртъ былъ имъ убитъ!

Хотя объ немъ—изъ состраданія
Вы и заботились подъ часъ...

И Фебъ и музы извѣстились,
Что въ царскомъ фрейлннн саду,
Гуляя вмѣстѣ, на бѣду—
Безсовѣтныя, побралились!
Досель дорогою одной
Онѣ здѣсь весело гуляли,
И заодно цвѣты срывали
Подъ ихъ расцвѣтшіе рукой,—
Хотя и знали запрещенье,
Чтобы въ саду травы не мять,
Цвѣтговъ не рвать, птицъ не пугать...
Такимъ поступкомъ своевольнымъ
Нельзя и музамъ быть довольнымъ:
Всяма прогнѣвалъ Аполлонъ!
И вотъ что публикуеть онъ:
Княжна Хованская, Хилкова,
Княжна...

Оставьте вы свою привычку
Не вѣрить въ свѣтъ никому,
И мнѣ свою вѣряя птичку,
Повѣрьте сердцу моему!
Мнѣ будетъ другомъ—другъ вашъ милой,
И пѣжно, до его конца,
Любить крылатаго пѣвца
Клянется вашъ пѣвецъ безкрылый!..
Когда жъ онъ кончить жизнь свою,
Отдамъ я честь ему стихами,
И, обливаясь слезами,
Его соломою набью...

1822—1831.

РОДРИГЪ.

Уже давно готовился небо
Испанію преступную сразить—
Исполнилась его терпѣнья мѣра!
Графъ Юліанъ призвалъ враговъ. Не
звѣрство
Терзающихъ невинность суевѣровъ,
Не тяжкая неволя согражданъ,
Но злоба личная вооружила

Жестокаго барона: метя Родригу
За дочь свою, поруганную имъ,
Отверженецъ Христа жесточайшій,
Въ недобрый часъ призвалъ онъ хищныхъ
мавровъ.

Какъ сарапча, пагубопоспѣй тучей
Слетѣвшая съ пылающихъ пустынь
Песчаной Африки—такъ мусульмане
Безчисленны въ Иберію помчались:
Могучій мавръ, сиріецъ, сарацинъ,
Татаринъ, персѣ, и коштъ, и грекъ от-
ступникъ—

Исполнены единымъ изступленьемъ,
Въ губящее совокупились братство!
И волю давъ страстямъ и мщенію,
Лжезвѣріемъ обманутая совѣсть
Всѣ ужасы злодѣйства освятила...

22 апрѣля 1822.
2 мая

По милости своей
Кириичъ сей изъ глины горской
Намъ подарилъ графъ Вельгорской
Матвѣй.

Кириичъ мы взяли въ лотерею
И очень всѣ довольны имъ—
И благодарствуемъ! говоримъ
Матвѣю.

Тому блаженства будетъ на годъ,
Кто съѣстъ полфунта винныхъ ягодъ.

Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!
Валде молчанье
Тайными чарами
Душу поконтъ!
Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!
О счастье живомъ
Минувшихъ времянь,
Разъ улетѣвшемъ,
Не будемъ мечтать...

1827.

Быль у меня товарищъ,
Ужъ прямо братъ родной!
Ударили тревогу—
Съ нимъ дружнымъ шагомъ, въ ногу,
Пошли мы въ жаркой бой.

Вдругъ свистнула картеча...
Кого изъ насъ двохъ?
Меня промчалась мимо;
А онъ... лежитъ родимой
Въ крови у ногъ моихъ!

Пожать мнѣ хочется руку...
Нельзя—кладу зарядъ!
Въ той жизни, другъ, сочтемся;
И тамъ, когда сойдѣмся,
Ты будь мнѣ вѣрный братъ!..

1832—1833.

ЦАРСКИЙ СЫНЪ И ПОСЕЛЯНКА.

Ярко солнышко играетъ;
Ярко зелень отливаетъ.
Въ рощѣ запахъ, свѣтъ и тѣнь;
Свѣжъ и тепелъ вѣшній день.

Въ часъ веселій, на досугъ,
На душистомъ сидя лугъ,
У журчащаго ручья,
Вамъ сною балладу я.

Бхалъ царь путемъ-дорогой.
Быстроокий, быстроногий
Конь игралъ, дѣлалъ поди завѣль.
Изъ чашечекъ пуская дымъ.

Царь былъ чудо красотою;
Подъ короной золотою,
Съ багряницей на плечахъ
Быль онъ свѣтелъ, какъ въ лучахъ.

Онъ сыркнулъ съ коня лихаго,
У потока луговаго;
Гдѣ надъ быстрою водою
Цвѣлъ липовникъ молодой.

Было вокругъ свѣжо, душисто;
Птички пѣли голосисто;

Вторя имъ, журчалъ потокъ,
Въ листьяхъ бѣгала вѣтерокъ.

Отъ чего жъ такъ птицы пѣли,
Такъ струи въ ручьяхъ кипѣли,
Такъ рѣзовъ былъ вѣтерокъ,
Такъ душистѣ былъ холодокъ?

У ручья тогда сидѣла
Поселянка и глядѣла
Въ ясны воды, и ручей
Видѣла свѣтъ ея очей...

7 декабря.

* * *

Прочь отсель меланхолія, дочь Цербера и
темной
Ночи, рожденная въ мрачной стигійской
пещерѣ, при дикихъ
Вопляхъ и крикахъ, межъ призраковъ
смертныхъ; сокрытая въ глубокой
Безднѣ, гдѣ хмуро-угрюмая тьма, распро-
стершись, ревла...
... Сидитъ и каркаетъ воронъ ночной безъ
умолку,
Неамъ надъ Эбеновой тѣнію.

1841—1843.

Восвѣплъ Богъ! Предъ Нимъ всеильна
вѣра!

Онъ намъ сказалъ: Кто вѣруеть, вели
Горамъ идти—онъ пойдутъ. Своими
Очами видѣлъ я, какъ совершилось
Такое чудо на землѣ. И нынѣ,
Во славу имени Его святаго,
Рабъ недостойный Божій, инокъ Кли-
ментъ,

Передаю смиренное сказанье
О чудѣ томъ потомкамъ, чтобъ они
Предъ Всемогущимъ Господомъ признали
Свое ничтожество и въ томъ признаны
Спасеніе души своей направи...

9/ю октября 1841. Дюссельдорфъ.

* *

Другъ мой, жизни смыслъ терпѣнье,—
 Это въ сердцѣ записи.
 Вводишь вѣру въ Провидѣнье
 Имъ ты въ глубь своей души...

* *

Помнишь ли, другъ мой, Егора Петровича
 Щетку?
 Каждой зимою—когда я еще у Николы
 Морского
 Жилъ—ты его видалъ у меня; онъ ка-
 зался
 Чуднымъ тебѣ. И подлинно, былъ онъ чу-
 дакъ...

* *

Завидую портрету моему.
 Холодною, безчувственною тѣнью
 Онъ будетъ тамъ, гдѣ жить бы я желалъ
 Внимающей, любящею душою...

"1/3 марта 1843.

1845.

ЧАША СЛЕЗЪ.

Разъ матушка свою любила дочку
 Такъ горячо, такъ глубоко, такъ нѣжно,
 Что жизнь и свѣтъ и все, что есть на
 свѣтѣ,
 Лишь милой дочкою ей было мило.
 Но вдругъ Господь Всевышній испытанье
 Великое послать благоволилъ
 На сердце матери: ея малютка
 Занемогла смертельно. День и ночь
 Надъ нею мать сидѣла, не своди
 Съ страдальцы очей, слѣдя за каждымъ
 Вя движеніемъ, ея дыханье
 Съ волненьемъ слушаая,—и непрестанно
 Молясь, чтобъ Богъ помиловать ее.
 Но милосердый Богъ о ней рѣшился
 Иначе: Онъ ее призвалъ къ Себѣ
 На небо, и она—какъ говорить нише
 Безмысленно на свѣтѣ—умерла.
 Безъ всякаго осталась утѣшенья
 Лишившаяся дочки мать. И съ горя

Такъ силы ослабѣли, что она,
 Небѣли не прошло...

* *

Часто въ прогулкахъ моихъ одинокихъ
 мнѣ попадаея
 Старый пищикъ. Всегда у большой дороги
 сидѣлъ онъ—
 Тамъ, гдѣ у сѣзда съ горы положили
 бревно, чтобъ удобнѣй
 Было садиться опять на сѣдло тому, кто
 съ крутого
 Спуска лошадей сводилъ въ поводахъ.
 Старикъ, прислонивши
 Налку къ бревну и сложивши съ плеча
 котомку, съ какой-то
 Дѣтскою радостью бралъ изъ нея одна
 за другую
 Хлѣбныя корки, сборъ съ поселитя, и
 съ лѣнивымъ вниманьемъ
 Ихъ пересматривалъ. Скорчасъ въ дугу,
 безъ шляпы, на зпийномъ
 Солницѣ, одинъ посреди холмовъ пусты-
 нныхъ и голыхъ,
 Медленно ѣлъ онъ свой скромный обѣдъ;
 одною рукою
 Корку держа, подъ нее подставляя онъ
 другую, чтобъ крошка
 Вся до послѣдней сберечь; но къ ногамъ
 его много на землю
 Падало ихъ, и галки, косясь на добычу,
 бродивши
 Ноодалъ, на цѣлую налку его разсто-
 яньемъ—къ мавишней
 Ихъ приманкѣ порой приближалась. Съ
 самаго дѣтства
 Знать я его; какъ теперь, и тогда ужъ
 старѣхонецъ былъ онъ,
 Такъ, что какъ будто ни мало съ тѣхъ
 поръ не постарѣлъ; все тотъ же,
 Такъ же все бродитъ одинъ, и съ виду
 такой безпомощный,
 Что ни одинъ пробжжій съ коля небреж-
 ной рукою
 Мелкой монеты своей не броситъ ему, а
 слѣзаетъ
 Съ лошади самъ, чтобъ вѣрнѣе свое по-
 даише въ худую

Шляну его положить; и каждый, погу-
 вставая
 Въ стремя, за нимъ все еще слѣдуетъ
 косвеннымъ взглядомъ.
 Палка его неразлучно тащится съ нимъ;
 онъ такъ тихо
 Бродитъ, такъ слабъ и медленъ въ дви-
 женьяхъ своихъ, что едва ли
 Слѣдъ какой на дорогѣ его нога оста-
 вляетъ.
 Шавка дворовалъ брехать на него утомляется
 прежде,
 Нежели онъ усѣбеть мимо воротъ про-
 тащиться.
 Дѣвочка, мальчикъ, ребенокъ, взрослый,
 праздный рабочій—
 Все обгоняютъ его, онъ у всехъ назади
 остается.
 Сборщина попливъ дорожныхъ, лѣтней
 порою за пряжей
 Сидя въ дверяхъ, лишь завидитъ его
 вдалькѣ, по дорогѣ
 Тихо бредущаго, просьбы его не ждетъ,
 и работу
 Бросивъ, сама передъ нимъ подымаетъ
 шлагбаумъ. Столкнувшись
 Съ нимъ на тѣсной дорогѣ, почтарь—
 когда не услышитъ
 Крика его старинишка—въ сторону самъ
 осторожно
 Правитъ и мимо, безъ грубаго слова,
 даже безъ сердца,
 Ыдетъ. Одинъ одинехонецъ ходитъ бѣд-
 някъ. Не имѣетъ
 Старость его товарища. Вѣчно глаза его
 въ землю
 Смотрять; онъ медленно движется вдоль
 по дорогѣ; невольно
 Движется съ нимъ и она, и видитъ не
 то, что мы видимъ
 Все не зелень полей, не холмы, не
 свѣтлое небо;
 Шить, одну лишь узкую полосу пыльной
 дороги.
 Тутъ и весь его горизонтъ! Ежедневно,
 сложивши
 Дряхлую голову, бродитъ съ утра онъ
 до поздней ночи,

Видя, но самъ почти не зная, что ви-
 дитъ,—кое-гдѣ
 Блокъ соломы, вялый листъ, отпечатокъ
 подковы
 Или гвоздей на пыли—и все въ одномъ
 разстояннѣ,
 Все въ одномъ направленнѣ. Бѣдны!
 странникъ!..Одна лишь...

1847.

ПРОДАННОЕ ИМЯ.

Давнымъ давно—а какъ давно, о томъ
 Навѣрное сказать не можемъ мы;
 Извѣстно только то, что это было
 Еще до лжепророка Магомета—
 Въ приморскомъ городѣ, Бассорѣ, жилъ
 Купецъ. Сначала онъ имѣлъ большое
 Богатство, а потомъ отъ неудачъ
 Въ торговлѣ обѣднялъ, и до того,
 Что принужденъ былъ тяжкою работою
 Насушный хлѣбъ съ нуждою добывать:
 Онъ сдѣлался посильникомъ. Когда
 Входили въ пристань корабли, Рубанъ—
 Такъ назывался онъ—ихъ выгружать
 Усердно помогалъ. И онъ всегда
 Имѣлъ работу, потому что былъ
 Извѣстенъ честностью: ему безъ страха
 Ввѣрили все, и самый дорогой
 Товаръ. А въ бѣдности ему поднорой
 Служило то, что на своей душѣ
 Онъ никакого не имѣлъ упрека.
 Онъ былъ всегда .....
 Богобоязненъ и смиренно волею
 Всевышняго покоренъ. Нанослѣдокъ,
 Уже достигнувъ старости глубокой,
 Почувствовалъ Рубанъ, что наступилъ
 Его конецъ. Онъ сына своего—
 Который былъ ужъ двадцати двухъ лѣтъ
 И, какъ отецъ, Рубаномъ назывался—
 Призвалъ къ себѣ и такъ ему сказалъ:
 «Рубанъ, послѣдній часъ мой наступилъ;
 Но я его спокойною душою
 Встрѣчаю: онъ меня отъ пытки жизни
 Освобождаетъ. Я не сожалѣю
 О свѣтѣ; лишь съ тобой однимъ мнѣ тяжело
 Разстаться. Но мой ужъ сочтены
 Минуты—подойди, стани на колѣна,

Мой сынъ, чтобъ отъ меня благословенье
Принять.»—И на голову сыну руку
Съ улыбкою прискорбною положивъ,
Промолвилъ онъ: «Ты былъ всегда по-
корнымъ,
Всегда почитательнымъ и добрымъ сыномъ;
Ты возмужалъ въ смиреніи; Господь
Тебя благословить: когда пути Его
Ты не покинешь, Онъ твоимъ
Сопутникомъ всегда и всюду будетъ.
Я ничего, мой другъ, тебѣ въ наслѣдство
Оставить не могу; одно мое
Наслѣдство—имя, никакой неправдой
Не оскверненное въ долгой жизни.
Его, мой сынъ, ты чистымъ сохрани,
Чтобъ Богу угодить, чтобъ все на свѣтъ,
И радость, и печаль, тебѣ во благо
Преобразилось, чтобъ послѣдній часъ
Ты етоль же мирно встрѣтилъ, какъ теперь.
Его отецъ встрѣчаешь твоей. Прости
Не сътуй. Я, съ тобою разлучаясь,
Тебя другому, лучшему Отцу
Съ рукъ на руки передаю; при Немъ
Ты сиротой не будешь...» Тутъ рука,
Благословляющая сына, тихо
Упала; взоръ, на сына устремленный,
Потухъ, и въ легкомъ вздохѣ улетѣла
Душа. Рубанъ, на грудь отца простершись,
Напрасно силался его отъ смерти
Рыданіемъ и плачемъ пробудить:
Не пробудился онъ. И все свое
Имущество продать былъ принужденъ
Осиротѣлый сынъ, чтобъ съ честью гѣло
Отцово хоронить. И самъ остался
Безъ ничего. Когда обрядъ печальный
Былъ совершенъ, въ уныніи Рубанъ,
Домой съ кладбища возвращаясь, вдоль
залива
Шелъ тихимъ шагомъ. Солнце ужъ сходило
На западъ; пламенное море гладкимъ
Лежало зеркаломъ; и на водахъ
Его, едва приметно зыбься . . . . ,
На якоряхъ стояли корабли.
Была полна народомъ пристань; шумъ
Торговли, бѣготни и суетливости
Работниковъ, безпечная веселость
Гуляющихъ, движеніе лодокъ, быстро
Скользящихъ по волнамъ пурпурнымъ,—
крики,

Музыка, пѣнье, стукъ повозокъ, ржанье
Коней, людскіе голоса, въ одинъ
Сліянные широкошумный говоръ—
Все жизнью кишѣло; но Рубанъ
Былъ ко всему безчувственъ. Онъ въ толпѣ
Людей, какъ прокаженный, ведемъ чужою,
И никому ненужный, брелъ, потупи
Глаза. И на послѣдокъ вышелъ онъ
На взморье; въ хижину свою не въ силахъ
Былъ возвратиться онъ, и эту ночь
Рѣшилъ провести подъ чистымъ небомъ:
На воздухѣ онъ могъ дышать свободно.
А въ хижинѣ, въ виду пустой отповой
Постели, было для него, какъ въ темной
Могилѣ, душно. Онъ ужъ былъ готовъ
Лечь на песокъ, подушкой выбравъ камень,
Покрытый мягкимъ мохомъ—какъ его
Глазамъ явился кто-то незнакомый.
Остановясь, онъ такъ сказалъ Рубану:
«Знать у тебя на сердцѣ тяжело,
Мой сынъ, что ты не видишь и не слы-
шишь.

Я за тобой давно иду; не разъ
Тебя я громко звалъ—все напрасно...
—Не осуди, отвѣтствовалъ Рубанъ.
Ты угадалъ: на сердцѣ у меня
Не мало горя. Но чего ты хочешь?
Велишь ли поню за собой какую
Песть на приталь? Я готовъ.—«Объ этомъ
Поговоримъ мы послѣ. Напередъ
Скажи мнѣ, что за горе у тебя
На сердцѣ?» Искренно ему Рубанъ
Все разказалъ; когда жъ онъ свой раз-
сказъ

Окончилъ,—«это правда, незнакомецъ
Отвѣтствовалъ: тебѣ достался
Удѣлъ нелегкій. Но терять надежды
Не надобно; ты молодъ, силенъ. Богъ
Тому помощникъ, кто Ему вѣрится.
Самъ помогать себѣ умѣешь. Я же
Теперь могу тебѣ къ тому подать
И средство. Тотъ большой корабль, ко-
торый
Стоитъ на взморѣ, мнѣ принадлежитъ;
Онъ пыче выйдетъ море; вѣтеръ намъ
Благопріятенъ. Но одинъ трудъ мой
Скоростижно умеръ; я ницъ
Охотника на мѣсто убываю.
Скажи мнѣ, сынъ мой, согласенъ ли ты

Его заныть? Ты, вижу я, смыслёнъ;
 Тебѣ легко привыкнуть будетъ къ дѣлу.
 Рѣшишь—и мы теперь же на корабль
 Пойдемъ, и съ Богомъ пустимся въ дорогу». —
 Рубанъ не долго размышлять; ему
 Откладывать не пужно было; дома
 Онъ никого не покидалъ; тамъ было нѣ
 съ кѣмъ
 Прощаться; на дорогу же оттуда
 Взять было нечего—и онъ сказалъ:
 Согласенъ.—Тотчасъ по рукамъ они

Ударили. И вслѣдъ за Ріабаромъ—
 Такъ назывался корабельщикъ—прямо
 Пошелъ онъ на корабль. Тамъ было все
 Къ отплытію готово. Парусами,
 Какъ птица крыльями, зашевелилъ
 Корабль; они расправились, ихъ туго
 Попутный вѣтеръ натянулъ; корабль
 Шатнулся, тронулся, пошелъ—и быстро
 По голубымъ водамъ залива пролетѣвъ,
 Проникнулъ въ океанъ, и посреди
 Пучины водъ великихъ скрылся...

ПРИМѢЧАНІЯ.

Отрывки: I. Христианская философія. II. Философія. III. Воспитаніе. IV. Искусство. V. Мысли и замѣтки.

Первые четыре отдѣла *отрывковъ* [какъ и предъидущія статьи, помѣщенные въ X томѣ, начиная съ грѣхъ писемъ къ Гоголю] печатаются нами по недавно найденной проф. К. Я. Гротомъ въ бумагахъ акад. Грота рукописи, въ настоящее время находящейся въ И. И. Библиотекъ [№ 99]. Рукопись—блѣдовая, съ болѣе поздними, по мѣстамъ весьма значительными, собственноручными поправками поэта. Выше приведенныя заглавія: *Отрывки: I. Христианская философія. II. Философія* и т. д. собственноручно написаны поэтомъ на особыхъ листахъ, предшествующихъ тексту статей. Въ рукописи также собственноручно написаны поэтомъ и дальнѣйшіе, болѣе мелкіе заголовки перваго отдѣла: *истина, вѣра, промисль* и т. д. Какъ бы въ дополненіе къ послѣдней статьѣ отдѣла [*Гнисто приращеніи*], въ рукописи слѣдуетъ на отдѣльномъ листѣ въ рукописи листѣ, собственноручно написанная поэтомъ, помѣщенная у насъ далѣе молитва [*Господи! Отъжи у меня*]. Частные заголовки въ слѣдующихъ отдѣлахъ не вѣсь приводятся въ настоящей рукописи; замѣчаемъ ихъ изъ другихъ черновыхъ тетрадей поэта, находящихся въ собраніи его бумагъ,—гдѣ настоящей статьи, объединенныя авторомъ въ рукописи проф. Грота общимъ заглавіемъ: „Отрывки“ и раздѣленныя имъ здѣсь на четыре группы, читаются или въ черновыхъ наброскахъ или въ окончательномъ уже видѣ и даже „исправленныхъ“ авторомъ. Переписывая въ этомъ исправленномъ видѣ дабыло въ рукописи проф. Грота, статьи эти здѣсь, въ рукописи, еще разъ подверглись внимательному просмотру со стороны поэта, нося во многихъ мѣстахъ новыя собственноручныя его поправки и измѣненія. Печатавъ статьи по рукописи проф. Грота, издаемъ текстъ въ той редакціи, какъ онъ окончательно выправленъ здѣсь авторомъ.

Отдѣла V-го „Отрывковъ“—нѣтъ въ рукописи проф. Грота; подъ общимъ заглавіемъ: „Мысли и замѣтки“, замѣстованномъ отчасти у самого автора [ср. по „Опис.“ г. Вычкова, тетр. № 50]—объединяемъ отдѣльные отрывки и замѣчанія палеографа поэта, разбросанныя въ упомянутыхъ его черновыхъ тетрадяхъ, главнымъ же образомъ, читаемыхъ въ духъ изъ нихъ [по „Опис.“ г. Вычкова, въ рук. № 70, тетр. 4 и 5] и въ особой тетради, посвященной собственноручно написаннымъ авторомъ заголовкамъ: *Два Великаго Князя*. Присоединяя эти отрывки „Мысли и замѣтки“, по близости ихъ общаго содержанія, въ видѣ особаго отдѣла къ четыремъ предъидущимъ, печатаемъ ихъ въ полномъ видѣ по тексту сейчасъ названныхъ рукописей, и въ томъ порядкѣ, какъ отрывки слѣдуютъ въ рук. № 70, тетр. 5, л. 1 sqq. Ночи вѣсь эти отрывки ранѣе издаваны были И. А. Вычковымъ.

Иосифъ Радовичъ.

Печатаемъ статью по тексту, изданному въ одномъ изъ дополнительныхъ томовъ къ пятому изд. „Соч.“ [1849]—съ присоединеніемъ сюда тѣхъ дополненій, въ общемъ весьма незначительныхъ, которыя сдѣлали къ этому тексту въ изд. г. Ефремова. Дополненія эти помѣщаемъ въ текстѣ въ примыкъ скобкахъ [ ].

Иосифъ Радовичъ [Radovitz, род. въ 1797 г.; † въ 1833 г.], русский генералъ и государственный дѣятель, близкій другъ Фридриха-Вильгельма IV и авторъ многочисленныхъ политическихъ сочиненій,—принималъ весьма дѣятельное участіе въ разработкѣ созноваго устройства Германіи, въ 1847—1850 г. Радовичъ былъ другомъ Рейтерна, будущаго зятя Жуковскаго и его давнишняго пріятеля; будучи въ Берлинѣ въ 1827 году, Жуковскій впервые здѣсь черезъ Рейтерна познакомился съ Радовичемъ. „Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался и моимъ другомъ“, замѣчаетъ Жуковскій, вспоминая объ этомъ иеромъ своемъ свиданіи съ Радовичемъ. „Наше свиданіе съ нимъ было на минуту, но эта минута произвела плодъ многолѣтній“.

По поводу нападенъ въ нѣмецкой прессѣ на Россію. Письмо въ редакцію газеты.

Письмо это читается вѣздѣ за предъидущими статьями, въ той же рук. № 70, тетр. 5, л. 55 sqq., и до сихъ поръ не было издано.

Ложный стыдъ, ном. Коцебу.

Это переводное произведеніе Жуковскаго до сихъ поръ не было извѣстно. Оно встрѣтилось намъ въ рукописяхъ Центральной бібліотеки Императорскихъ театровъ, гдѣ числится въ отд. I, № 7488. Издаемъ по этой рукописи. Рукопись—въ четвертку, въ переплетѣ, писана на старой сѣней бумагѣ крупнымъ почеркомъ, повидимому писцомъ довольно малограмотнымъ: многихъ словъ онъ совсемъ не разобралъ,—встрѣчается рядъ очевидныхъ нетѣсныхъ описокъ. Кое-гдѣ мѣстами фразы остались не дописанными. На заглавномъ листѣ рукописи тѣмъ же шаркарымъ почеркомъ стоитъ: *Комедія Ложный Стыдъ, въ четырехъ дѣйствіяхъ, и Коцебу. Превосидѣ съ нѣмецкаго губернскаго секретаря Василія Жуковскаго*. На оборотѣ листа перечисляются дѣйствующія лица—комедія, съ указаніемъ здѣсь же именъ и артистовъ, исполнявшихъ эти роли, или предназначавшихся къ ихъ исполненію. Выписываемъ слова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Совѣтникъ Флакеландъ—г-нъ Померанцовъ и Грушницкій.

Жена его—г-жа Воробьева и Варанчева.

Вильгельмина, ихъ дочь—г-жа Насова.

Эмма, ихъ воспитанница—г-жа Бунденброкъ.

Канитанъ Эрдахъ—г-нъ Каллаковъ.

Фонъ-Кугель—г-нъ Мачаловъ.

Виконтъ Мальякъ—г-нъ Украсовъ.

Фрелонъ—г-нъ Растаруговъ.

Мадамъ Моро—г-жа Померанцова.

Иванъ, садовникъ—г-нъ Обжогинъ и Кураевъ.

Фамиліи артистовъ въ текстѣ нами опущены.

Рукопись позднѣе была, кажется, кѣмъ-то дважды просмотрѣваема или начиналась просмотрѣваться: въ ея текстѣ кое-гдѣ встрѣчаются слѣды поправки,—судя по цвѣту чернилъ, сдѣланныхъ не въ одинъ разъ. Впрочемъ, поправки въ немъ очень мало. Приводимыя въ полнѣйшій французскій слова и фразы въ рукописи обыкновенно пишутся по-русски, русскими буквами,—повидимому, для обозначенія артистовъ. Искрѣдка приводятся и въ полнѣйшій французскій слова и фразы—три въ томъ родѣ, съ французскою фразой, здѣсь же, въ скобкахъ, она повторяется и по-русски, русскими буквами. Въ своемъ изданіи мы не нашли нужнымъ удерживать эти русскія повторенія.

Упомянутый на заглавномъ листѣ рукописи переводчикъ „Губернскій Секретарь Василій Жуковскій“—безспорно, нашъ поэтъ, Василій Андреевичъ Жуковскій. Приводимый здѣсь его „жизн.“ опредѣляетъ приблизительно и время перевода: „Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. И. Тургеневу, въ 1818 году, посланнаго ему для чего-то свѣдѣній, аттестатъ“—Жуковскій замѣчаетъ: „О прежней службѣ своей скажу только то, что я воевалъ въ Главную дурацкую соединеную контору городскихъ секретаремъ въ 1800 году, вышелъ изъ ея титулярнымъ совѣтникомъ въ 1802-мъ; остальное увидишь изъ приложеннаго аттестата“. Судя по этому указанію, переводъ пьесы относится ко времени 1800—1802 годовъ.

Авторъ пьесы Коцебу [August Fr. von Kotzebue, 1761—1819] вѣнскій, въ свое время романистъ и драматургъ. Коцебу сначала былъ адвокатомъ въ Веймарѣ; женатый на русской артисткѣ, Коцебу поэтѣ [съ нач. 80-хъ г.] переходитъ на русскую службу и служитъ въ Остаевскомъ краѣ. Литературная дѣятельность Коцебу началась еще въ Веймарѣ, но болѣе значительную дѣятельность онъ пріобрѣтаетъ лишь со времени появленія своего романа: *Leiden der Osterbergischen*

Familie, вышедшаго въ 1785 году [на русскій языкъ поманъ переведенъ былъ въ 1802 г. подъ заглавіемъ: *Всѣ счастіе—одна лишь мечта, или страданія Ортенбургской фамилии*. Переводъ выпущенъ въ Смоленскѣ; 2-ое изд.—вышло въ Орлѣ въ 1823 г.]. Къ 1789 г. относится наиболѣе знаменитое произведеніе Коцебу, драма *Menschennass und Reue* (*Ненависть къ людямъ и раскаяніе*), на всѣхъ европейскихъ театрахъ державшаяся „многіе десятии лѣтъ“, вскорѣ переведенная и на русскій языкъ. Въ концѣ 90-хъ гг. мы видимъ Коцебу опять за границей: онъ принимается мѣсто директора Вѣнскаго театра,—но почему-то въскорѣ его оставляется, и предпринимаетъ поблудку обратную въ Россію [въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, у него воспитывались его сыновья],—но, по приѣздѣ на русскую границу, неожиданно былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь... Ссылка была, къ счастью, не продолжительна: имп. Павлу Петровичу вскорѣ попалъ въ руки небольшая пьеса Коцебу: *Leibkurgier Петра Великаго*—и драматургу немедленно былъ возвращенъ, осыланъ милостями и сдѣланъ директоромъ вѣмечкаго театра. Коцебу скоро, однако, опять переселяется за границу: въ 1802 г. онъ принимается въ Берлинѣ за изданіе полемическаго журнала, направлоннаго противъ представителей только-что нарождавшейся тогда въ вѣмечкой литературѣ „романтической школы“. При наступленіи въ Пруссію владычества Наполеона, Коцебу опять спасается въ Россію, въ Осталяноу,—и выступаетъ патристическимъ писателемъ противъ французозъ. Въ 1813 г. онъ слѣдуетъ за русской главной квартирой, а въ слѣдующемъ 1814 году надаетъ въ Берлинѣ газету: „*Русско-вѣмечкой народный листокъ*“... Коцебу влается рыванымъ наборникомъ идеи Священнаго союза,—и вромѣмъ всякаго провѣднія свободы мысли: завистство его, какъ писателя, очень скоро смѣняется крайней непопулярностью. Злая насмѣшка его надъ вѣмечкой студенческой молодежью, злорадныя нападки на вѣмечкіе университеты, для которыхъ и безъ того наступая времена реакціи—сдѣлали имя Коцебу для многихъ въ Германіи ненавистнымъ, хотя въ дѣйствительности собственной роль его въ обществѣ, наступившемъ тогда, реакціонному движенію была незначительна... Въ 1819 году, занозорившій въ доноскахъ на вѣмечкіе университеты—Коцебу былъ убитъ студентомъ Зандомъ, какъ „измѣнщикъ отечеству“...

Июдовитость Коцебу, какъ писателя, была необычайной: отъ него дошло до ста одѣхъ драмъ, не считая многочисленныхъ романовъ и новѣстей. Полное собраніе его сочиненій обнимаетъ 40 томовъ (Лейпцигъ, 1840—1841). Необычайной плодотворности соответствовать и необычайный успѣхъ произведеній. До самаго конца XVIII в., Коцебу почти безраздѣльно „росподотствовалъ“ на вѣмечкой сценѣ. Упомянутая выше его пьеса: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, тотчасъ получила вѣнцетскій успѣхъ, распространявшійся далеко за прѣлами Германіи“. Успѣхъ писателя, однако, вовсе не объясняется какими-либо особыми достоинствами его произведеній: капризливъ, литературная популярность Коцебу часто имѣла весьма сомнительное значеніе. Коцебу, какъ писатель, имѣлъ не впродѣл массовы, а былъ ей прислужникомъ. Обладая замѣчательными дарованиями драматическаго писателя, отличаясь знаніемъ сцены, остроуміемъ—при всѣхъ этихъ блестящихъ дарованіяхъ, Коцебу въ своихъ безчисленныхъ произведеніяхъ чаще всего былъ только „маршаледемъ, казалъ, какъ мажутъ сапоги“ („er schmiert, wie man Stiefel schmiert...“). „Никто, — говоритъ современная историкъ вѣмечкой литературы, — такъ хорошо не умѣлъ поняти пошлыхъ вѣнцетскихъ массъ, какъ то умѣлъ такъ некусоу льстить имъ и инкто такъ ловко не доставлялъ эффекты для вѣтера, какъ Коцебу. Онъ работалъ не только въ области вѣмечкаго драмы, но также въ рыцарскихъ пьескахъ, въ комедіи и фарсѣ. Въ немъ, какъ и въ Ифландѣ, еще отражаются вкусы литературной революціи. Они оба берутъ сторону Руссо за природу противъ культуры и ведутъ весьма скромную оппозицію противъ существующихъ общественныхъ порядковъ. По

твердая нравственная тенденція Ифланда—у Коцебу уступаетъ мѣсто апошозу расцунности, которая задранирована добродѣтью. Разслабленная снисходительность и дешавалъ чувствительность подриваютъ старинныя нравственные понятія; и то, что прежде считалось поварупнимъ закономъ, теперь осмѣивается, какъ европкой предрасудокъ. Карриатура гуманности ослабляетъ всѣ трагическія столкновенія; пороки и шизета навязчиво обнаруживаютъ свою наготу“.

Едва ли въ болѣеую популярность, чѣмъ въ себя дома, Коцебу пользовался у насъ. Въ концѣ XVIII—первыхъ годахъ XIX вв. его романы и драмы были буквально наводнена русская переродная литература. Начисчиваютъ болѣе ста тридцати его произведеній, обращающихъ въ это время у насъ въ переводы! Многія изъ нихъ выдерживали по нѣсколько изданій. „Теперь въ страшной модѣ Коцебу,—пишетъ въ 1802 г. Карамзинъ,—и какъ вѣ-когда нарядскіе книгопродавцы требовали „Перидскихъ Писемъ“ [Монтескье] отъ всякаго сочинителя, такъ нынѣ книгопродавцы требуютъ Коцебу, одного Коцебу. Романы, сказка, хорошео или дурное—все одно, если на титулѣ имя славнаго Коцебу...“ Русская публика до того къ нему привыкла, что почитала его „какъ бы своимъ“... Переводы сочиненій Коцебу выходили у насъ не только въ столицахъ, но иногда и въ провинціальныихъ городахъ; встрѣчаются переводы, напечатанные въ Смоленскѣ, Орлѣ, Владимирѣ...

Произведенія Коцебу занимаютъ весьма почетное мѣсто и въ средѣ нашего литературнаго кружка, который былъ основанъ въ 1801—1802 гг. ближайшими друзьями Жуковскаго,—членами кружка переводили на русскій языкъ почти „всѣ современныя вѣмечккія театры“, и въ томъ числѣ произведенія его тогдашняго представителя Коцебу. Драмы Коцебу переводитъ и Андрей Тургеневъ, съ переводовъ Коцебу началъ свою дѣятельность и Жуковский.

Если самъ Коцебу у себя на родинѣ вслѣдъ подемнику съ молодыми романтиками, — то у насъ противъ него самого съ ожесточеніемъ выступили представители все еще продолжавшихъ у насъ удерживать старыхъ ложноклассическихъ традицій, та самая литературная партія, которая противникомъ своимъ считала и Карамзина. Съ цѣлью противодѣйствовать успѣхамъ Коцебу и вмѣстѣ поддерживать падавшія основы ложноклассицизма — у насъ былъ основанъ даже особый журналъ: „Драматическій Вѣстникъ“ (1808), во главѣ котораго стоялъ кн. Шаховской, осмѣявшій „балладника“ Жуковскаго... Эта борьба противъ Коцебу папихъ „классицистовъ“ — наглаю указывать то мѣсто, котораго занимали проповѣдники Коцебу въ общей исторіи нашего литературнаго развитія, а вмѣстѣ съ этимъ объясняетъ и причины ихъ необычайнаго успѣха...

Валерія, или слѣлая, комедія Окриза.

Этотъ переводъ Жуковскаго до сихъ норѣ оставался не изданнымъ и былъ извѣстенъ лишь въ томъ неполномъ черновомъ автографѣ, который имѣется въ бумагахъ Жуковскаго, поступившихъ отъ И. В. Жуковскаго въ И. П. Библиотеку [по „опиcъ“ г. Рычкова, № 31]. Рукописи Публичной Библиотеки—черновой автографъ перевода лишь двухъ первыхъ дѣйствій комедіи. Полный списокъ перевода всей пьесы намъ удалось встрѣтити въ рукописныхъ томахъ Цетраальной библиотеки Императорскихъ театровъ [по каталогу библиотеки, — Отд. 1, № 7496]. Издаемо по этому списку. Списку—блѣвой и цензурный: на вромѣмъ листѣ пьесы читается цензурное разрѣшеніе: *Позволяется. № 200. 20 ноября 1823 г. Секретарь В. Са . . .* [фамилію трудно разобрать]. На оборотѣ заглавнаго листа рукописи перечисляются дѣйствующія лица комедіи,—при чемъ ядѣсь жо приводятся и фамиліи нравшихъ эти роли артистовъ. Приводимъ этотъ перечень сноша:

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Каролина Влумфильдъ, молодая вдова—г-нъ Валб.
Валерія, ея родственница—г-жа Колосова и.

Графъ Эрнстъ Розенталь—г. Вранской.
Генрихъ Мильнеръ—г. Каратыгинъ [ранѣе
Германъ, старій другъ Каролинъ—Г. Хотин-
цовъ].

Текстъ пьесы, набѣло переписанный въ руко-
писи,—подѣле былъ еще разъ пересмотрѣнъ Жу-
ковскимъ, которыхъ сдѣлалъ въ текстѣ здѣсь же,
въ рукописи, цѣлый рядъ исправленій и измѣненій.
На заглавномъ листѣ рукописи стоитъ: *Валерія, или
Смѣяла. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ
французскаго*. Далѣе, ниже, на томъ же листѣ,—чи-
тается приведенное сейчасъ цензурное разрѣшеніе.
Рукопись—въ четвертку, въ переплетѣ и сильно
истрѣвана; одного листа въ текстѣ не достаетъ.
Издаемъ пьесу по этому списку—въ той редакціи,
какъ текстъ окончательно выравненъ здѣсь рукою
нашего поэта. Недостающую въ рукописи часть
текста издаемъ по упомянутому выше черномузу
автографу П. И. Виблютеки.

Огу съ Г. Скриба [1791—1861] одинъ изъ позднѣй-
шихъ, наиболее пользовавшихся извѣстностью и
успѣхомъ, французскихъ драматурговъ. Свои лите-
ратурные дѣланы онъ началъ съ 18-ти лѣтъ; по
наибольшей ранней пьесѣ, давшей ему извѣстность,
была *Une nuit de la Garde nationale* [1816]. Благодаря
своей замѣчательной плодотворности [имъ написано
болѣе 350-ти пьесъ] и блестящимъ талантамъ драма-
тического писателя, Скриба быстро приобрѣлъ попу-
лярность на всѣхъ сценахъ Европы,—сумѣвши
удержать на нихъ свое место почти до самой своей
смерти. Периодомъ наибольшей славы Скриба были
1820—1850 годы. Въ своихъ произведеніяхъ Скриба
долго не выходилъ изъ области водевилей и комедій;
лишь позднѣе онъ сталъ писать болѣе серьезныя
вещи, болѣе или менѣе подходящія къ типу „комедій
характера“... Успѣхъ его комедій,—замѣчаетъ
Ю. А. Веселовскій,—объясняется тѣмъ, что онъ
былъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни и нравовъ той
публики, которую имѣлъ въ виду драматургъ, реали-
стическую картину буржуазнаго быта. Авторъ
прекрасно научился изображать эту среду; ей
предразсудки, условныя понятія, материалистическіе
взгяды, но онъ не думаетъ вступать въ роли сати-
рика-обличителя; его насмѣвка, въ общемъ, отли-
чается мягкостью и спиходительностью; онъ не хо-
четъ стучать краски и въ значительной степени
даже подлаживается къ міросозерцанію и уровню
развитія своихъ зрителей... Настоящая сфера Скриба—
легкая, веселая комедія; у него, несомненно, былъ
даръ изобрѣтательности; но ника театральная дѣла
была ему прекрасно знакомъ; онъ умѣлъ придумать
забавныя степенія обстоятельствъ, заниматель-
ныя и запутанныя интриги, неожиданныя встрѣчи,
смѣшныя недоразумѣнія и ошибки, разнаго рода
осложненія... Въ тѣхъ случаяхъ, когда Скриба про-
совалъ свои силы въ болѣе серьезномъ, драматиче-
скомъ жанрѣ, онъ обыкновенно приближался къ ме-
лодрамѣ или „comédie larmoyante“; это можно ска-
зать даже о такой извѣстной его пьесѣ, какъ
Андреина Леклеркъ, обомедившей всѣмъ европейскія
сцены. Некоторые пьесы Скриба писаны съ сотрудни-
чествомъ съ другими лицами. Скриба принадлежатъ
также либретто цѣлаго ряда знаменитыхъ оперъ,—
„Гра-Отавола“, *„Жидовка“*, *„Душенька“*, *„Пророкъ“*,
„Африканка“, *„Смоерная Золушка“* и др. Скриба про-
бавалъ писать также романы и повѣсти, но это
была область, совершенно чуждая его таланту.

Пьеса, переведенная Жуковскимъ, была прана на
сценѣ петербургскаго театра 17 декабря 1823 г., въ
бенефисъ тащонницы Колосовой [Арановъ, Дѣт-
рус. театра, стр. 348]. Комедія переведена была Жу-
ковскимъ для артистки М. А. Колосовой [вмѣстѣ
подлѣе за Каратыгина], отчасти сълѣдствіе настоя-
щій гр. Милорадовича, въ эти годы очень близко стоав-
шаго къ петербургскому театру, и покровителя мно-
гихъ славившихся въ то время артистокъ. Своимъ
„дупетымъ“ переводомъ „посредственной комедіи“ Жу-
ковскій, однако, стѣняется,—и не желалъ придавать
его огласки. Въ одномъ изъ писемъ своихъ въ 1823

году къ Гиббичу онъ пишетъ: „Скажи Колосовой,
что пьеса ей у меня. Я обещалъ Милорадовичу найти
переводчика, но до сихъ поръ не было возможности.
Увѣрь ее, что переводъ будетъ, но только же-
лалъ бы я знать, къ которому времени рѣши-
тельно желаетъ она имѣть его: спроси и увѣ-
домь. Если никто не возьмется перевести, то пе-
реведу самъ, ибо желаю, чтобы эта пьеса была
сыграна хорошо, а если она будетъ переведена
друго, то ее и играть нельзя. Обещалъ Колосову.
Только это, т. е. мое намѣреніе перевести, должно
остаться между нами: не хочу вызывать на сцену
въ пустомъ переводѣ посредственной комедіи.
—До сихъ поръ мѣшали мнѣ принятая за дѣ-
ломъ мои грамматическія хлопоты. Черезъ недѣлю
примусь и въ недѣлю кончу. Итакъ—если чего не-
ожиданнаго не случится—черезъ двѣ недѣли вы
получите. Но все прошу мнѣ ultimatum Колосо-
вой. Ты же будешь хранителемъ тайны—къ тебѣ
пришло перевести; нелишь переписать, а оригиналъ
мнѣ возвратишь“... Пріятель Жуковскаго, поименованному,
однако, проболталъ, и въ ближайшемъ же письмѣ
Жуковскій не безъ раздраженія укоряетъ его за
болтливость, разсказывая исторію перевода: „Лю-
безнѣшій Николай! прочитай твоѣ письмо, я удѣ-
рился, что ты не умѣешь читать по-русски. Въ моемъ
письмѣ я именно просилъ тебя, чтобы мое намѣ-
реніе перевести „Валерію“ осталось между нами,
чтобы никто не зналъ объ немъ, кромѣ тебя и Ко-
лосовой. А ты, по моему вѣдѣнію да не по моему
просенію, обратившись въ какую-то колокольную,
вдругъ разбуждены объ немъ и даже прозвучать
въ успавшемъ Меденъ [Жуковскій] разужать ар-
тистку К. С. Семенову, у которой „Меденъ“ была
одной изъ лучшихъ ролей! Признаюсь, это досадно.
Вотъ исторія этого перевода. Милорадовичъ про-
силъ меня найти хорошаго переводчика для Коло-
совой—я бы и нашелъ кого нибудь, но въ это са-
мое время, когда меня просилъ Милорадовичъ о ко-
медіи, я просилъ его о прибавленіи одного бѣдняка
отъ сценки, и чтобы дать въсю мою просьбу, объ-
явилъ ему условія перевода. Ему нельзя было
исполнить моей просьбы, а я далъ слово и долженъ
его сдержать... Я же и теперь ожидаю отъ него
другой услуги, не мнѣ линой, но весьма для дру-
гого важной. И такъ переводу пьесы. Съ завтра-
шняго дня примусь за нее. Надѣюсь, что посѣтитъ
въ недѣлю. Половину въ чертѣ пришлю прежде.
Могутъ пачать разуживать, ибо надѣюсь, что цен-
зурѣ здѣсь похлѣбать нечего. Тебѣ же прошу про-
должать быть колоколомъ и разбуженіи противное
тому, что ты уже соглавовалъ разбуженіи.—
именно, что первоюю не я, а другою. Скажи толь-
ко Колосовой тайну, но за тайну. Однимъ словомъ,
не хочу вызывать въ публику на Валерію“...

Заступъ, заступъ, рой молчи...

Горю Володковскій, да заступъ...

Обидажы въ гору, съ крутъ... и др.

Большинство этихъ, помѣненныхъ въ доповнѣ-
тельномъ отдѣлѣ, мелкихъ пьесъ, за исключеніемъ,
лишь нѣкоторыхъ [Въ альбомѣ *Анжуйской*, *Къ рус-
скому царю*, *Къ Сивилѣ Арбекуеву*, *Въ альбомѣ Гити* и
нѣкоторыхъ др.], въ рукописяхъ поэта извѣсны или
въ черновикахъ наброскахъ или только замысла; по-
мимо того, въ черновикахъ многія строки трудно
разобрать... Въ виду этого, мы не считали нужнымъ
помѣщать эти черновыя наброски въ общемъ ряду
произведеній нашего поэта. Большинство изъ нихъ
напечатано въ „опискѣ“ г. Вычкова. Печатаемъ въ руко-
писяхъ. Рядъ такихъ, одна начатая или остав-
шихся лишь въ черновикахъ наброскахъ, стихотворе-
ній Жуковскаго—по рукописямъ П. И. Виблютеки
могъ бы быть пополненъ и еще другими, подобны-
ми... Стихотворенія размѣщаются нами лишь въ
приблизительной хронологической послѣдователь-
ности—и въ томъ порядкѣ, какъ они читаны въ
рукописяхъ.

Самъ А. Р. Арбековъ—сынъ родственницы и спеср-
ницы Жуковскаго, Анд. Ник. Арбековой.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.		стр.
1845—1850.		1823.	
Стривки.		Валерія или слѣлая. Комедія въ 3 дѣй-	
I. Христіанская философія.		ствійхъ	112
Истина	3	1800—1810.	
Вѣра	4	«Заступь, заступь, рой могилу!»	129
Промысль	7	«Герой Володыковскій»	—
Законъ и грѣхъ	9	Басня	—
Плоть—духъ	10	«Назадъ тому съ десятою лѣтъ...»	—
Таинство причащенія	11	«Быль зайчикъ-косопаль...»	130
II. Философія.		Прогна и Филомела	—
Наука	15	Серторій и Помпей	—
Вѣра и знаніе	18	«Мой другъ, часы дѣтствія...»	131
Философическій языкъ	19	1811.	
Идеи бытія	21	Въ альбомѣ 8-лѣтней Н. Д. Апухтинной	—
Свобода	—	1806—1814.	
Твердость и упрямство	22	Начало поэмы: Вельмира	—
Благотвореніе	—	Русскому царю	—
Несчастье	23	Къ Самѣ Арбекову	—
Надежда	—	1813—1820.	
Случай	—	Въ альбомѣ къ Нишѣ	133
Воспоминаніе	—	«Другъ милой, оставь...»	—
III. Воспитаніе.		Къ М. Ѳ. Орлову	—
Что такое воспитаніе?	24	Съ того свѣта	—
IV. Искусство.		«Хотя по-русски я умѣю...»	—
Объ изищномъ искусствѣ	27	1819—1820.	
Исторія и историческая живопись	28	«Давно ужъ нѣтъ мнѣ вдохновенны...»	134
V. Мысли и замѣтки.		«Твой забинеть, какъ храмъ!..»	—
Душа человѣческая и родъ чело-		«Остатки добраго...»	—
вѣческой	30	«Спѣша безъ великаго роштанья...»	—
Свобода преподаванія	31	«Согласенъ я: мой миръ унылъ...»	—
Цензура	—	«Нѣ Февъ я музы извѣстисель...»	135
Сила человѣческая	—	«Оставьте вы свою привычку...»	—
Человѣкъ въ обществѣ	32	1822—1831.	
Общее благо	—	Родригъ	—
Порядокъ общественный	—	«По милости своей...»	—
Постановленія	33	«Звѣзды небесъ...»	—
Любовь къ отечеству	—	1827.	
Государь и человѣчество	—	«Быль у меня товарищъ...»	136
Терпѣливость царя	34	1832—1833.	
Дисциплина	—	Царскій сынъ в поселянѣ	—
Деспотизмъ	—	«Прочь отсель, меланхолия...»	—
Ученіе и дѣйствіе	35	1841—1843.	
Самодержавіе	—	«Всесилецъ Богъ!»	—
1850.		«Помини ли, другъ мой...»	137
Русская и англійская политика	38	«Завидую портрету моему»	—
Юсифъ Радевицъ	46	1845.	
По поводу нападокъ нѣмецкой прессы на		Чаша слезъ	—
Россію	66	«Часто въ прогулкахъ...»	—
ДОПОЛНЕНІЯ. (Изъ неизданныхъ и черновыхъ		1847.	
рукописей поэта).		Проданное пмя	138
1800—1802.		Цримѣчанія	141
Ложный стыдъ. Комедія въ 4 дѣйствійхъ.			
Г. Коцебу	71		

F

24.157/7-12